

84 P6
M 42

БАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

ВАЛЕРИЙ
МЕДВЕДЕВ

НФ
«ПУШКИНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА»

АСТ
АСТРЕЛЬ

ВАЛЕРИЙ
МЕДВЕДЕВ

НФ
*«Пушкинская
библиотека»*

**АСТ
АСТРЕЛЬ**

СЕРИЯ «ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ»

Художник
О. Боголюбова

ВАЛЕРИЙ МЕДВЕДЕВ

БАРАНКИН,
БУДЬ
ЧЕЛОВЕКОМ!

НФ «ЛУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

АСТ
АСТРЕЛЬ

Москва
2005

УДК 821.161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М42

Издание осуществлено при финансовой поддержке
инвестиционной группы «Ренессанс Капитал»

Предисловие С. МИХАЛКОВА
Художник О. БОГОЛЮБОВА
Серийное оформление А. ЛОГУТОВОЙ

Медведев, В.В.

М42 Баранкин, будь человеком! : [сказочные повести] / Валерий Медведев; предисл. С. Михалкова; худож. О. Боголюбова. — М.: Пушкинская библиотека: Астрель: АСТ, 2005. — 334,[2] с.: ил. — (Внеклассное чтение).

ISBN 5-94643-188-9 (НФ «Пушкинская библиотека»)

ISBN 5-17-026407-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-09908-3 (ООО «Издательство Астрель»)

В данную книгу входят два произведения Валерия Владимировича Медведева «Баранкин, будь человеком!» и «Грунькины были и небылицы».

Первая книга рассказывает о ленте и двоечнике, который в поисках легкой жизни проходит через различные превращения. Но всё заканчивается очень хорошо!

«Грунькины были и небылицы» — это книга о девочке Груньке — большой выдумщице и озорнице.

УДК 821.161.1-34-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать с готовых диапозитивов 02.11.2004. Формат 84×108/32
Усл. печ. л. 18,48. Доп. тираж 7000 экз. Заказ № 1303

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953, П.000105.02.04 от 03.02.2004 г.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ISBN 5-94643-188-9 (НФ «Пушкинская библиотека»)

ISBN 5-17-026407-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-09908-3 (ООО «Издательство Астрель»)

© Медведев В. В. Наследники. Текст. 2004
© Боголюбова О. А. Иллюстрации. 2004
© ООО «Издательство Астрель». 2004

БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ, ДУМАЙ!

Сейчас уже трудно представить себе современную детскую литературу без повести В. Медведева «Баранкин, будь человеком!».

Ох уж этот Баранкин, этот хвастун, лентяй и типичный двоечник! Он обманщик и большой фантазер. Он потерял в себе человека, как утверждает его одноклассница Зина Фокина. А сам он считает, что просто «устал быть человеком», устал от бесконечных нотаций, «прорабатываний», от учебы и всевозможных школьных мероприятий. То ли дело у птиц и насекомых: никаких тебе забот, никаких обязанностей! Семь выходных дней в неделю, и «все дни раскрашены розовой краской».

«Не хочу учиться, хочу быть птицей!» – решает Баранкин, и вот неразлучные друзья Юра и Костя Малинин с помощью «волшебных» слов превращаются сначала в воробьев, потом в бабочек и, наконец, в муравьев... Но! Оказалось, что жить-то в этом странном и чуждом мире птиц, бабочек и насекомых очень трудно. Здесь всюду и всем управляет «всемогущий инстинкт». Именно инстинкт заставляет птиц строить гнезда и вести борьбу за освободившийся скворечник, а мурашей – возводить муравейник. Здесь идет война не на жизнь, а на смерть между черными и рыжими муравьями.

Наши герои с ужасом чувствуют, как сами начинают подчиняться этим инстинктам. Но вот Костя Малинин, возмущенный жестокостью рыжих муравьев, смело бросается на выручку маленьким трудолюбивым черным муравьям, размахивая сучком-дубинкой. И Юра Баранкин понимает: «...на этот раз в Косте заговорил ЧЕ-ЛЮ-ВЕК» – ведь только человек не может

стерпеть, когда на его глазах обижают беззащитных, бьют маленьких!

Герои повести снова, к великой радости своей, превращаются в людей, возвращаются к обычной, человеческой жизни, поняв, что человек – «самое расчудесное чудо из всех расчудесных чудес». И что это «замечательно интересно – думать вообще и особенно думать о том, о чем нужно думать. Думать и соображать!»

Проста и вместе с тем очень серьезна главная мысль повести: будь человеком!

Веселая, без ложной назидательности, мудрая повесть Валерия Медведева сразу завоевала читателей. Сложность взаимоотношений читателя и писателя в том, что сам писатель незнаком, может быть, ни с одним из своих читателей, но зато – войдите в любую школу, спросите в 6-7-х классах, кто такой Баранкин и кто его придумал, и всякий вам ответит, и даже те ребята, которые не запоминают фамилии авторов, назовут знакомое имя: Валерий Медведев.

Народный артист СССР Ю.А. Завадский писал: «Вы спросите: какой писатель Валерий Медведев? Веселый и мудрый. Можно ведь просто так посмеяться. А с Медведевым просто так не посмеешься. С ним сначала посмеешься, а потом задумаешься. О разных немаловажных вещах. О справедливости. О честности. О правде. О неправде. И самое главное – какой ты на этом свете сам и на что годишься».

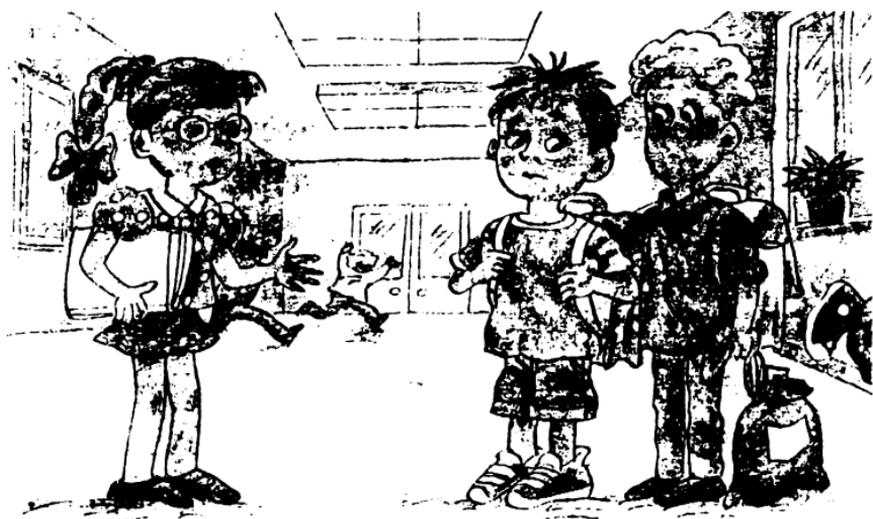
Книги Валерия Медведева помогают подросткам, юношеству сделать в критических ситуациях выбор по совести.

Сергей Михалков

БАРАНКИН,
БУДЬ
ЧЕЛОВЕКОМ!

*Тридцать шесть событий
из жизни Юры Баранкина*

Часть первая
БАРАНКИН, К ДОСКЕ!

Событие первое
Позор на всю школу!

Если бы я и Костя Малинин не умудрились получить двойки по геометрии в самом начале учебного года, то, может быть, ничего такого невероятного и фантастического в нашей жизни не приключилось бы, но двойки мы схлопотали, и поэтому на следующий день с нами случилось что-то невероятное, фантас-

тическое и, можно сказать, сверхъестественное!..

На перемене, сразу же после этого злополучного события, Зинка Фокина, староста нашего класса, подошла к нам и сказала:

– Ой, Баранкин и Малинин! Ой, какой позор! На всю школу позор!

Потом она собрала вокруг себя девчонок и стала с ними, судя по всему, составлять против нас с Костей какой-то заговор. Совещание продолжалось всю перемену, пока не прозвенел звонок к следующему уроку.

За это же время Алик Новиков, специальный фотокорреспондент нашей стенгазеты, сфотографировал нас с Костей и со словами: «Двойка скачет! Двойка мчится!» – прилепил наши физиономии на газету, в раздел «Юмор и сатира».

После этого Эра Кузякина, главный редактор стенгазеты, посмотрела на нас уничтожающим взглядом и прошипела:

— Эх, вы! Такую красивую газету испортили!

Газета, которую, по словам Кузякиной, испортили мы с Костей, выглядела действительно очень красиво. Она была вся раскрашена разноцветными красками, на самом видном месте от края до края был выведен яркими буквами лозунг: «Учиться только на «хорошо» и «отлично»!

Честно говоря, наши мрачные физиономии типичных двоечников действительно как-то не вязались с ее нарядным и праздничным видом. Я даже не выдержал и послал Эрке записку: «Кузякина! Предлагаю снять наши карточки, чтобы газета была опять красивой! Или в крайнем случае зачеркнуть лозунг!»

Слово «красивой» я подчеркнул двумя жирными линиями, а «зачеркнуть лозунг» — тремя, но Эрка только передернула плечами и даже не посмотрела в мою сторону... Подумаешь!..

Событие второе

Не дают даже опомниться...

Как только прозвенел звонок с последнего урока, ребята гурьбой ринулись к дверям. Я уже собирался толкнуть дверь плечом, но Эрка Кузякина успела каким-то образом встать на моем пути.

– Не расходиться! Не расходиться! Будет общее собрание! – закричала она и добавила ехидным тоном: – Посвященное Баранкину и Малинину!

– И никакого не собрание, – крикнула Зинка Фокина, – а разговор! Очень серьезный разговор!.. Садитесь на места!..

Что здесь началось! Все ребята стали возмущаться, хлопать партами, ругать нас с Костей и кричать, что они ни за что не останутся. Мы с Костей вопили, конечно, больше всех. Это еще что за порядки? Не успели, можно сказать, получить двойки, и на тебе – сразу же общее

собрание, ну, не собрание, так «серьезный разговор»... Еще неизвестно, что хуже. В прошлом учебном году этого не было. То есть двойки у нас с Костей и в прошлом году тоже были, но никто не устраивал из этого никакого пожара. Прорабатывали, конечно, но не так, не сразу... Давали, как говорится, опомниться... Пока такие мысли мелькали у меня в голове, староста нашего класса Фокина и главный редактор стенгазеты Кузякина успели «подавить бунт» и заставили всех ребят сесть на свои места. Когда шум постепенно затих и в классе наступила относительная тишина, Зинка Фокина сразу же начала собрание, то есть «серьезный разговор», посвященный мне и моему лучшему другу.

Мне, конечно, очень неприятно вспоминать, что говорили о нас с Костей Зинка Фокина и остальные наши товарищи на том собрании, и, несмотря на это, я расскажу все так,

как было на самом деле, не искажая ни одного слова и ничего не прибавляя от себя...)

Событие третье

Как в опере, получается...

Когда все расселись и в классе наступило временное затишье, Зинка Фокина закричала:

– Ой, ребята! Это просто какое-то несчастье! Новый учебный год еще не успел начаться, а Баранкин и Малинин уже успели получить две двойки!..

В классе снова поднялся ужасный шум, но отдельные выкрики, конечно, можно было разобрать.

– В таких условиях я отказываюсь быть главным редактором стенгазеты! (Это сказала Эрка Кузякина.)

– А еще слово давали, что исправятся! (Мишка Яковлев.)

– Трутни несчастные! В прошлом

году с ними нянчились, и опять все сначала! (Алик Новиков.)

– Вызвать родителей! (Нина Семенова.)

– Только класс наш позорят! (Ирка Пухова.)

– Решили все заниматься на «хорошо» и «отлично», и вот вам, пожалуйста! (Элла Синицына.)

– Позор Баранкину и Малинину!! (Нинка и Ирка вместе.)

– Да выгнать их из нашей школы, и все!!! (Эрка Кузьякина.)

«Ладно, Эрка, я тебе припомню эту фразу».

После этих слов все заорали в один голос, да так громко, что нам с Костей уже совершенно было невозможно разобрать, кто и что о нас думает, хотя из отдельных слов можно было уловить, что мы с Костей Малининым – оболтусы, тунеядцы, трутни! Еще раз трутни, оболтусы, лоботрясы, эгоисты! И так далее! И тому подобное!..

Меня и Костю больше всего разо-

зливо, что громче всех орал Венька Смирнов. Уж чья бы корова, как говорится, мычала, а его бы молчала. У этого Веньки успеваемость в прошлом году была еще хуже, чем у нас с Костей. Поэтому я не выдержал и тоже закричал.

— Рыжий, — закричал я на Веньку Смирнова, — а ты-то чего орешь громче всех? Если бы первым вызвали тебя к доске, ты бы не двойку, а единицу схлопотал! Так что молчи в тряпочку.

— Эх ты, Баранкин, — заорал на меня Венька Смирнов, — я же не против тебя, я за тебя ору! Я что хочу сказать, ребята!.. Я говорю: нельзя после каникул так сразу вызывать к доске. Надо, чтобы мы сначала пришли в себя после каникул...

— Смирнов! — крикнула на Веньку Зинка Фокина.

— И вообще, — продолжал кричать на весь класс Венька, — предлагаю, чтобы в течение первого месяца ни-

кому не задавали никаких вопросов и вообще не вызывали к доске!..

— Так ты эти слова ори отдельно, — крикнул я Веньке, — а не со всеми вместе!..

Здесь опять все ребята закричали в один голос и так громко, что уже нельзя было разобрать ни одного слова и вообще было невозможно понять, кто с Венькиным предложением согласен, а кто против.

— Ой, тише, ребята, — сказала Фокина, — замолчите! Пусть говорит Баранкин!

— А что говорить? — сказал я. — Мы с Костей не виноваты, что Михаил Михалыч в этом учебном году вызвал нас к доске первыми. Спросил бы сначала кого-нибудь из отличников, например Мишку Яковлева, и все началось бы с пятерки...

Все стали шуметь и смеяться, а Фокина сказала:

— Ты бы, Баранкин, лучше не острил, а брал пример с Миши Яковлева.

– Подумаешь, какой пример-министр! – сказал я не очень громко, но так, чтобы все слышали.

Ребята опять засмеялись. Зинка Фокина заойкала, а Эрка покачала головой, как большая, и сказала:

– Баранкин! Ты лучше скажи, когда вы с Малининым исправите свои двойки?

– Малинин! – сказал я Косте. – Разъясни...

– Вот пристали! – сказал Малинин. – Да исправим мы ваши двойки... то есть наши двойки...

– Когда?

– Юра, когда мы исправим двойки? – спросил меня Костя.

– А ты, Малинин, своей головы на плечах не имеешь? – закричала Кузьякина.

– В четверти исправим, – сказал я твердым голосом, чтобы внести окончательную ясность в этот вопрос.

– Ребята! Это что же получается? Значит, наш класс должен всю чет-

верть переживать эти несчастные двойки! — всполошилась Кузякина.

— Баранкин! — сказала Зинка Фокина. — Класс постановил, чтобы вы исправили двойки завтра!

— Извините, пожалуйста! — возмутился я. — Завтра воскресенье!

— Ничего, позанимаетесь! (Миша Яковлев.)

Так им и надо! (Алик Новиков.)

— Привязать их веревками к партам! (Эрка Кузякина.)

— А если мы не понимаем с Костей решение задачи? (Это сказал уже я.)

— А я вам объясню! (Миша Яковлев.)

Мы с Костей переглянулись и ничего не сказали.

— Молчание — знак согласия! — сказала Зинка Фокина. — Значит, договорились на воскресенье! Утром позанимаетесь с Яковлевым, а потом придете в школьный сад — будем сажать деревья!

— Что? — заорали мы с Костей в один голос. — Еще и деревья са-

жать?.. Да мы же... мы же устанем после занятий!

– Физический труд, – сказала главный редактор нашей стенгазеты, – лучший отдых после умственной работы.

– Это что же получается, – сказал я, – значит, как в опере, получается... «Ни сна, ни отдыха измученной душе!..»

– Алик! – сказала староста нашего класса. – Смотри, чтобы они не сбежали!..

– Не сбегут! – сказал Алик. – Сделайте веселое лицо! У меня разговор короткий! В случае чего... – Алик навел фотоаппарат на нас с Костей. – И подпись...

Событие четвертое (Очень важное!)

А если я устал быть человеком?!

Ребята, переговариваясь, выходили из класса, а мы с Костей все еще

продолжали сидеть за партой и молчать. Признаться, мы оба были просто, как говорится, ошарашены. Я уже говорил, что раньше нам тоже приходилось получать двойки, и не раз, но никогда еще наши ребята не брали нас с Костей в самом начале года в такой оборот, как в эту субботу.

Я думал, что мы с Костей остались в классе совсем одни, и хотел уже поделиться с ним своими мрачными мыслями, но в это время сбоку ко мне подошла вдруг Зинка Фокина.

— Юра! — сказала Зинка Фокина. (Вот странно! Раньше она всегда называла меня только по фамилии.) — Юра... Ну будь человеком!.. Ну исправь завтра двойку! Ну справишь?

Она говорила со мной так, словно мы были в классе совсем одни. Словно рядом со мной не сидел мой лучший друг Костя Малинин.

— Фокина! — сказал я официальным голосом. — Если бы я был не-

культурный, я бы тебе сказал: «Не при-ста-вай!..»

Фокина (*возмущенно*). С тобой совершенно невозможно разговаривать по-человечески!

Я (*хладнокровно*). Ну и не разговаривай!

Фокина (*еще возмущенней*). И не буду!

Я (*еще хладнокровней*). А сама разговариваешь!..

Фокина (*возмущенней в тысячу раз*). Потому что я хочу, чтобы ты стал че-ло-ве-ком!

— А я что, не человек, что ли?

— Нет, Юра! — сказала Фокина серьезно. — Я хочу, чтобы ты стал человеком в полном смысле этого слова!

— А если я устал... Устал быть человеком! Тогда что?

— Как это устал? — спросила Фокина изумленным голосом.

— А вот так! Вот так! — возмущенно закричал я на Фокину. — Устал, и все! Устал быть человеком!.. Устал! В полном смысле этого слова!

Зинка Фокина так растерялась, что просто не знала, что мне сказать. Она стояла молча и только часто-часто моргала глазами. Я боялся, вдруг она разнюнится. Но Зинка не разнюнилась, а как-то вся переменялась и сказала:

– Ну, Баранкин! Знаешь, Баранкин!.. Все, Баранкин!.. – и вышла из класса.

А я снова остался сидеть за партой, молча сидеть и думать о том, как действительно я устал быть человеком... Уже устал... А впереди еще целая человеческая жизнь и такой тяжелый учебный год... А завтра еще такое тяжелое воскресенье!..

Событие пятое

Лопаты все-таки вручают...

И Мишка вот-вот появится

И вот то воскресенье наступило! На папином календаре число и буквы раскрашены веселой розовой кра-

ской. У всех ребят из нашего дома праздник. Идут кто в кино, кто на футбол, кто по своим личным делам, а мы сидим во дворе на лавочке и ждем Мишку Яковлева, чтобы начать с ним заниматься.

В будние дни учиться тоже небольшое удовольствие, но заниматься в выходной день, когда все отдыхают, — просто одно мучение. На дворе, как назло, замечательная погода. На небе ни облачка, а солнце греет совсем по-летнему.

С утра, когда я проснулся и выглянул на улицу, все небо было в тучах. За окном свистел ветер и срывал с деревьев желтые листья.

Я обрадовался. Думал, пойдет град с голубиное яйцо, Мишка побойтса выйти на улицу, и наши занятия не состоятся. Если не град, то, может быть, ветер надует снег или дождь. Мишка с его характером, конечно, и в снег и в дождь притащитса, зато в слякоть будет не так обидно сидеть дома и корпеть над учеб-

никами. Пока я составлял в голове разные планы, все получилось наоборот. Тучи сначала превратились в облака, а потом совсем исчезли. А к приходу Кости Малинина погода вообще разгулялась, и теперь на дворе солнце и небо чистое-чистое. И воздух не шевелится. Тихо. Так тихо, что с березы, под которой мы сидим с Костей, даже перестали падать желтые листья.

— Эй вы, подберезовики! — раздался из окна нашей квартиры мамин голос. — Вы пойдете в конце концов заниматься или нет?

Этот вопрос она задавала нам пятый или шестой раз.

— Мы ждем Яковлева!

— А разве без Яковлева начать нельзя?

— Нельзя! — сказали мы с Костей в один голос и отвернулись от окошка и стали смотреть сквозь кусты акаций на калитку, из которой должен был появиться Мишка.

Но Мишки все не было. Вместо

него за калиткой маячил, то и дело высовываясь из-за дерева, Алик Новиков. Он был, как всегда, весь увешан фотоаппаратами и всякими фотопринадлежностями. Я, конечно, не мог смотреть спокойно на этого шпиона и поэтому отвел взгляд в сторону.

– Воскресенье называется! – сказал я, стиснув зубы.

В это время к Алику подошла Зинка Фокина; на плече она несла четыре лопаты, под мышкой у нее была зажата какая-то картонная коробка, а в левой руке сачок для ловли бабочек.

Алик сфотографировал Зинку с лопатами на плече, и они вместе направились к нам. Я думал, что Алик взвалит теперь лопаты на свои плечи, но этого почему-то не случилось. Все четыре лопаты продолжала тащить Зинка Фокина, а Алик продолжал держаться обеими руками за фотоаппарат, который висел у него на шее.

– Эй Вы, Фото-Граф, – сказал я Алику, когда они вместе с Зинкой приблизились к скамейке. – Кажется, эти лопаты Вам не по плечу, Ваше Проявительство!

– Зато они будут по плечу вам с Костей, – сказал, ничуть не смутившись, Алик Новиков, наводя аппарат на нас с Костей. – И подпись: староста класса З. Фокина торжественно вручает хозинвентарь своим соотечественникам...

Зинка Фокина прислонила лопаты к сиденью скамейки, а Алик Новиков щелкнул фотоаппаратом.

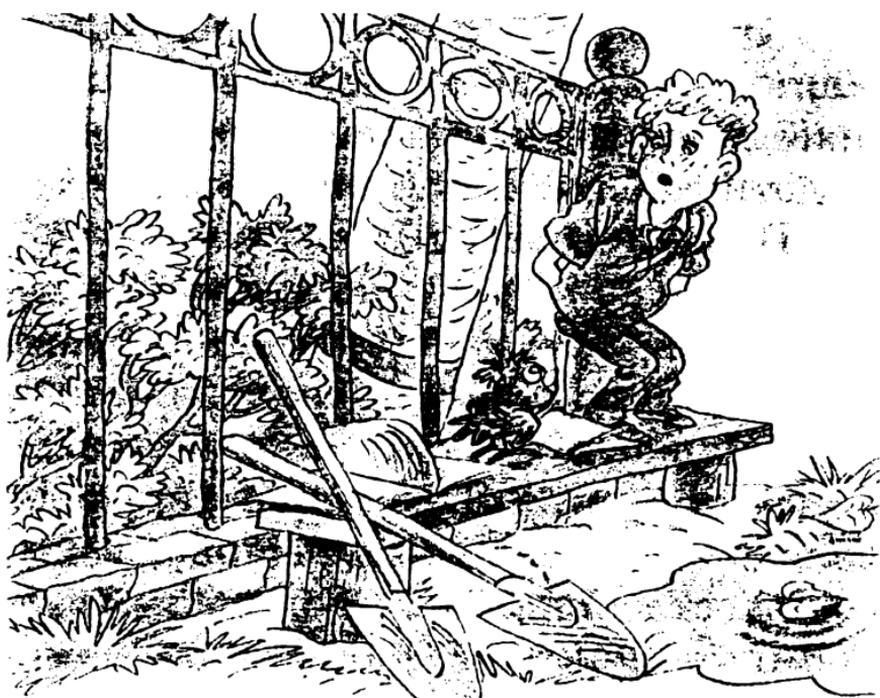
– Да, – сказал я, внимательно разглядывая лопаты. – Как в журнале «Костер» получается...

– Что это еще получается? – спросила меня Фокина.

– Загадочная картинка, – пояснил я.

– Понимаю, – сказал Алик, – где у этой лопаты ручка?

– Нет, – сказал я Алику. – Где

мальчик, который будет работать этой лопатой?..

– Баранкин! – возмутилась Зинка Фокина. – Ты что, не собираешься сегодня озеленять школу?

– Почему это я не собираюсь? – ответил я Зинке. – Собираться я собираюсь... Только неизвестно, сколько времени я буду собираться...

– Баранкин, будь человеком! – сказала Фокина.

Она хотела сказать нам с Костей

что-то еще, но раздумала, повернулась и с лопатой на плече молча зашагала по направлению к школе.

Алик Новиков снова занял свой пост у калитки за деревом. Костя помрачнел еще больше и уставился на лопаты; он смотрел на них как загнипнотизированный, а я наоборот: я пытался на этот «инвентарь» не обращать никакого внимания. Стараясь изо всех сил казаться веселым, я стал смотреть на деревья, даже не догадываясь о том, что до невероятных, фантастических и, можно сказать, сверхъестественных событий, которые развернутся в нашем дворе, остается совсем немного времени...

Событие шестое

Семь выходных дней

*в неделе — вот что поразило
мое воображение!*

В кустах громко чирикали воробьи. Веселыми компаниями они то и дело срывались с веток, перелетая

с дерева на дерево, на лету их стайки то сжимались, то растягивались. Было похоже, будто все воробьи были связаны между собой резиновыми нитями.

Перед самым моим носом в воздухе беззаботно летала какая-то мошкара. Над клумбой порхали бабочки. На скамейке, на которой мы сидели с Костей, бегали черненькие муравьи. Один муравей даже залез мне на колено и стал греться на солнышке.

«Вот у кого, вероятно, каждый день воскресенье!» — подумал я, с завистью глядя на воробьев. Не сводя глаз с акации, я стал, наверное, в двести пятидесятый раз сравнивать свою жизнь и жизнь воробьев и пришел к очень печальному заключению. Достаточно было взглянуть один раз, чтобы убедиться, что жизнь птиц и разных насекомых была беззаботной и просто замечательной: никто из них никого не ждал, никто ничему не учился, ни-

кого никуда не посылали, никому не читали нотации, никому не давали в руки лопаты... Каждый жил сам по себе и делал все, что ему вздумается. И так всю жизнь! Все дни раскрашены розовой краской! Все время — праздник! Семь дней в неделе — и все воскресенья! А у нас с Малининым один выходной в семь дней, и то разве это выходной день? Так, только одно название. А хорошо бы пожить хоть один денечек вот так, как живут эти счастливые мураши, или воробьи, или бабочки, только чтобы не слышать этих глаголов, которые с утра до вечера так и сыплются на твою несчастную голову: просыпайся, одевайся, походи, принеси, отнеси, купи, подмети, помоги, выучи! В школе тоже не легче. Стоит мне появиться в классе, только я и слышу от Фокиной:

«Ой, Баранкин, будь человеком! Не вертись, не списывай, не груби, не опаздывай!..» И так далее, и тому подобное...

В школе будь человеком! На улице будь человеком!

Дома будь человеком! А отдыхать когда же?!

И где взять время для отдыха? Немного свободного времени еще, конечно, можно выкроить, а вот где найти для отдыха такое местечко, чтобы тебе абсолютно никто не мешал заниматься всем, что твоей душе угодно? И здесь мне пришла в голову та невероятная идея, которую я уже давно тайно от всех вынашивал в своей голове. А что, если взять и попытаться ее о-су-ществ-ить! Осуществить сегодня же! Сейчас! Более подходящей минуты, может быть, больше никогда и не будет, и более подходящей обстановки и настроения тоже, может быть, никогда не будет!.. Сначала надо обо всем рассказать Косте Малинину. А может быть, не стоит?.. Нет, стоит! Расскажу! А там будь что будет!

— Малинин! — сказал я шепотом. — Слушай меня, Малинин!.. — От волне-

ния я чуть было не задохнулся. —
Слушай!

Конечно, если бы мне не нужно было в этот выходной день заниматься, а потом еще и работать в школьном саду, то я, может быть, никогда бы не поделился с Костей своим невероятным и неслыханным замыслом, но двойка, красовавшаяся в моем дневнике, и лопата, прислонившаяся ко мне своим черенком, переполнили, как говорится, чашу моего терпения, и я решил действовать.

Событие седьмое
Единственная в мире
инструкция

Я еще раз взглянул на окна нашей квартиры, на небо, на воробьев, на калитку, из которой вот-вот должен был появиться Мишка Яковлев, и сказал по-настоящему взволнованным голосом:

– Костя! А ты знаешь, что утверждает моя мама?!

– Что? – спросил Костя.

– Моя мама утверждает, – сказал я, – что если по-настоящему захотеть, то даже курносый нос может превратиться в орлиный!

– В орлиный? – переспросил Костя Малинин и, не понимая, к чему это я говорю, уставился в стену нашего дома, на которой было написано мелом:

БАРАНКИН ФАНТАЗЕР НЕСЧАСТНЫЙ!!!

— В орлиный! — подтвердил я. — Но только, если захотеть по-настоящему.

Малинин отвел свой взгляд от забора и недоверчиво посмотрел на мой нос.

Мой профиль был полной противоположностью орлиного. Я был курносый. По выражению моей мамы, я настолько курнос, что через дырочки моего задранного кверху носа можно разглядеть, о чем я думаю.

— Так что же ты ходишь с таким носом, если он может у тебя превратиться в орлиный? — спросил Костя Малинин.

— Да я не о носе, дуралей!

— А о чем? — все еще не понимал Костя.

— А о том, что, если по-настоящему захотеть, значит, можно из человека превратиться, к примеру, в воробья...

— Это зачем же нам превращаться, к примеру, в воробьев? — спросил Костя Малинин, глядя на меня как на ненормального.

— Как — зачем? Превратимся в воробьев и хоть одно воскресенье проведем по-человечески!

— А как это — по-человечески? — спросил ошеломленный Малинин.

— По-человечески — значит по-настоящему, — пояснил я. — Устроим себе настоящий выходной день и отдохнем как полагается от этой арифметики, от Мишки Яковлева... от всего на свете отдохнем. Конечно, если ты не устал быть человеком, тогда можешь не превращаться — сиди и жди Мишку...

— Как это — не устал? Я очень даже устал быть человеком! — сказал Костя. — Может, побольше твоего устал!..

— Ну вот! Вот это по-товарищески!

И я с еще большим увлечением стал расписывать Косте Малинину ту жизнь, без всяких забот и хлопот, которая, по моему мнению, ожидала нас, если бы нам удалось каким-то образом превратиться в воробьев.

– Вот здорово, – сказал Костя. – Вдох – выход!

– Конечно, здорово! – сказал я.

– Подожди! – сказал Костя. – А как же мы с тобой будем превращаться? По какой системе?

– Не читал, что ли, в сказках: «Стукнулся об землю и превратился Иванушка в орла быстrokрылого... Стукнулся еще раз об землю и превратился...»

– Слушай, Юрка, – сказал мне Костя Малинин, – а это обязательно – стукаться об землю?..

– Можно и не стукаться, – сказал я, – можно и при помощи настоящего желания и волшебных слов...

– А где же мы с тобой возьмем волшебные слова? Из старой сказки, что ли?

– Зачем – из сказки? Я сам придумал. Вот... – Я протянул Косте тетрадь, тетрадь, которую еще никто не видел на свете, кроме меня.

– «Как превратиться из человека в воробья по системе Баранкина.

Инструкция», — прочитал Костя свистящим шепотом надпись на обложке тетради и перевернул первую страницу...

Событие восьмое
*«Не хочу учиться,
хочу быть птицей!..»*

— «Не хочу учиться, хочу быть птицей!..» А это что, стихи, что ли? — спросил меня Костя.

— Не стихи, а заклинание. В рифму... — пояснил я. — В сказках так всегда полагается. Читал в «Снежной королеве»? Снип-снап-снур-ре-пурре-безалюрре...

— «Я уверен, без забот воробей живет! Вот я! Вот я...» А дальше неразборчиво...

— Чего неразборчиво? — сказал я. — «Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья...»

— Складно получается! — сказал Костя.

– Всю ночь не спал, – сказал я шепотом, чтобы нас с Костей кто-нибудь не подслушал.

– А что ж мы с тобой теряем время? – крикнул Малинин. – Давай скорее превращаться, пока Мишка Яковлев не пришел!

– Ты какой-то чудак, Малинин! Как это – скорей? Может, у нас с тобой еще ничего не получится, а ты уже радуешься да еще орешь на весь двор!

– Ну и что?

– Как это – ну и что! Дело таинственное, можно сказать, непроверенное. Кто-нибудь подслушает – потом смеяться будут, если у нас ничего не выйдет.

– Ты же сам говорил, что если есть волшебные слова да еще захотеть по-настоящему, то обязательно выйдет! – сказал Костя шепотом.

– Конечно, выйдет, если захотеть по-настоящему! А вот как это захотеть по-настоящему? Вот в чем загадка! – прошептал я. – Ты, Костя,

в жизни чего-нибудь хотел по-настоящему?

– Не знаю, – тихо сказал Костя.

– Ну вот! А говоришь – скорей! Это тебе не двойку в тройку превращать. Здесь, брат, двух человек надо превратить в воробьев. Вот какая задача!

– А зачем – в воробьев? В бабочек, я думаю, легче.

– Зачем же в бабочек? Бабочки – насекомые, а воробьи – это как-никак птицы. На прошлом уроке мы как раз проходили воробьев. Ты в это время, правда, постороннюю книгу читал.

– Верно. Я про воробьев не слушал.

– Ну вот, а я слушал. Нина Николаевна нам целый час рассказывала о воробьях. Знаешь, какая у них замечательная жизнь?

– В воробьев так в воробьев! – сдался Костя Малинин. – Я в драмкружке в «Снежной королеве» ворона играл, мне в воробья будет да-

же легче превращаться. Давай скорее!

— Тебе бы только скорее! Сначала надо хоть немного потренироваться, — сказал я, забираясь с ногами на лавочку.

Присев на корточки, как воробей, я втянул голову в плечи и заложил руки за спину, словно крылья.

— Похоже! — сказал Костя, повторяя за мной все движения. — Чик-чирик!

— Ну вот что! — сказал я. — Тренироваться так тренироваться, а раньше времени чирикать нечего. Давай лучше отработаем воробьиную походку.

Сидя на корточках, мы стали прыгать по лавочке и чуть не свалились на землю.

— Тяжело! — сознался Костя, для равновесия размахивая руками, как крыльями.

— Ничего, — успокоил я Малинина, — когда мы станем настоящими воробьями, прыгать будет легче.

Костя хотел еще немного попрыгать, но я ему сказал, что тренировка окончена и что теперь мы переходим к самому главному – к превращению человека Малинина и человека Баранкина в воробьев.

- Замри! – скомандовал я Косте Малинину.
- Замер!
- Сосредоточься!

– Сосредоточился! – ответил Костя.

– А теперь по команде, мысленно, как говорится, в своем воображении, начинай превращаться в воробья! Понятно?

– Понятно!

– Если понятно, тогда к превращению из человека в воробья готовились!

– Приготовились!

– Начали!

– Начали!

Я зажмурил глаза, напрягся и, мысленно повторяя слова заклинания, начал изо всех сил мысленно, в своем воображении, превращаться в воробья, сомневаясь про себя в том, что у меня хватит настоящего желания и настоящих сил, необходимых для такого неслыханного и невиданного и, можно сказать, сверхъестественного задания...

Часть вторая
ЧИК-ЧИРИК!
ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!

*Событие девятое
Стоит захотеть
по-настоящему и...*

Сказать по правде, у меня всю жизнь часто возникали в голове всякие трудноосуществимые желания и фантазии.

Одно время я, например, мечтал изобрести такой аппарат, с помощью которого можно было бы у любого человека на расстоянии отключить голос. По моим расчетам, этот аппарат (я его назвал ТИХОФОН БЮ-1 – отключатель голоса по системе Баранкина) должен был действовать так: предположим, сегодня на уроке учитель рассказывает нам о чем-нибудь неинтересном и тем самым мешает мне, Баранкину, думать о чем-нибудь интересном; я щелкаю в кармане выключателем тихофона, и голос учите-

ля исчезает. У кого такого аппарата нет, те продолжают слушать, а я в тишине спокойно занимаюсь своим делом.

Другой пример: я захожу утром в класс. Зинка Фокина налетает на меня и тут же начинает читать мне нотацию; я спокойно щелкаю в кармане рычажком и выключаю голос Фокиной на весь день...

Мне очень хотелось изобрести такой аппарат, но дальше названия у меня почему-то дело не пошло, может быть, потому, что я не по-настоящему хотел изобрести такой аппарат?

Или вот в прошлом году, в последний день летних каникул, перед тем как лечь спать, мне, например, ужасно захотелось стать взрослым, но не через пятнадцать — двадцать лет, как становятся все нормальные люди, а завтра же. Скажем, так: спать ты ложишься еще мальчишкой, просыпаешься утром, смотришь — ты уже взрослый, с усами, и в школу идти

не надо... Желание мое было ужасно сильным, я даже во сне только об этом и думал. Утром первого сентября я проснулся, конечно, пораньше. Смотрю — лежу в постели таким же, как уснул, без усов, и надо идти в школу...

Были у меня и другие сильные желания, но ни одно из них, конечно, не захватывало меня вот так, по-настоящему, как желание превратиться из человека в воробья!..

Я сидел на лавочке не шевелясь, не отвлекаясь, не размышляя ни о чем постороннем, и думал только об одном: «Как бы мне скорее превратиться в воробья». Я ждал наступления этого момента с такой силой, с какой не ждал даже начала летних каникул. А то, что во дворе с минуту на минуту должен был появиться Мишка Яковлев, только удесятерило мои силы и намерения.

Сначала я сидел на лавочке просто так, как сидят все обыкновенные

люди, и не чувствовал ничего особенного. В голову по-прежнему лезли всякие неприятные человеческие мысли: и про двойку, и про арифметику, и про Мишку Яковлева, но я старался обо всем этом не думать. Я считал, что если уж я решил твердо превратиться в воробья, то и думать надо только исключительно о чем-нибудь воробьином. Через некоторое время я заметил, что у меня в голове наконец-то вместо человеческих мыслей стали появляться и не человеческие. Так, например, мне внезапно захотелось немного пощебетать на воробьином языке.

Вслед за мыслями стали возникать сами по себе разные нечеловеческие желания и намерения: то мне захотелось вспорхнуть с лавочки и немного полетать по воздуху, то посидеть на самой вершине березы, то немного пожить в скворечнике...

А когда я, по привычке, попробовал опять подумать о чем-нибудь человеческом, то у меня, к моему

удивлению, на этот раз ничего не получилось. Арифметика мне показалась глупейшим занятием. Двойка почему-то вообще перестала меня расстраивать и потеряла всякое значение, а Мишка Яковлев стал мне представляться не знаменитым на всю школу отличником, а каким-то неуклюжим и несчастным существом, которое не умеет делать даже такой простой вещи, как летать по воздуху.

В это самое время у меня по ногам начали ползать мурашки. Они ползли все скорее и скорее. Потом побежали по спине, по рукам, по всему телу. Вдруг совершенно неожиданно мне захотелось поклевать овса. Да, да! Овса! Нечищенного, сырого овса! И чтобы он лежал на земле в пыли. И чтоб его было много, этого овса, очень много. В общем, столько, чтобы я мог наклеваться досыта.

Сижу я на лавочке с закрытыми глазами, по телу у меня мурашки,

словно сумасшедшие, носятся, как ребята на большой перемене, а я сижу и думаю: «Интересно, что же означают эти мурашки и этот овес? Мурашки – это еще мне понятно, это я, наверное, ноги отсидел, а причем здесь овес?»

Я даже мамину овсяную кашу на молоке с вареньем и ту ел дома всегда без всякого удовольствия. Почему же мне хочется сырого овса? Я ведь все-таки человек, а не лошадь! Сажу, думаю, гадаю, но ничего сам себе объяснить не могу, потому что глаза у меня плотно закрыты, и от этого в голове совершенно темно и неясно. Тогда я подумал: «Уж не случилось ли со мной чего-нибудь такого...» – и поэтому я решил осмотреть себя с ног до головы...

Затаив дыхание, я чуть-чуть приоткрыл глаза и первым делом взглянул на свои ноги. Смотрю – у меня вместо ног, одетых в ботинки, босые воробьиные лапы, и этими лапами я стою босиком на лавочке, как самый

заправский воробей. Я открыл глаза пошире, смотрю – вместо рук у меня крылья. Открываю глаза еще больше, верчу головой, гляжу – сзади торчит хвост. Это что же получается! Получается, что я все-таки превратился в воробья!

Я – воробей! Я больше не Баранкин! Я самый настоящий, самый что ни на есть воробейный воробей! Так вот почему мне так вдруг захотелось овса: овес – любимое кушанье лошадей и воробьев! Все понятно! Нет, не все понятно! Это что же выходит? Значит, моя мама была права. Значит, если по-на-сто-я-ще-му захотеть, то можно действительно всего достичь и всего добиться!

Вот это открытие! О таком открытии стоит, пожалуй, прочирывать на весь двор. Да что на весь двор – на весь город, даже на весь мир!

Я распустил свои крылья! Я выкатил грудь! Я повернулся в сторону Кости Малинина – и замер с разинутым клювом.

Мой друг Костя Малинин продолжал сидеть на лавочке, как самый обыкновенный человек... Косте не удалось превратиться в воробья!.. Вот тебе раз!

Событие десятое

*Что на воробьином языке
означает...*

Малинину не удалось превратиться в воробья! Он пыжился, жмурился, все время ощупывал себя руками, чуть слышно шептал себе под нос: «Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья!» – и все безрезультатно. А еще торопил меня, а еще кричал на весь двор: «Давай скорее превращаться в воробьев! Давай быстрее! Давай сейчас же!» А сам как был Малининым, так и остался. Только покраснел как рак, и больше ничего.

– Малинин! – закричал я на Костю. – В чем дело? Почему ты не превращаешься в воробья?..

Но вместо этих слов из моего рта вылетало обыкновенное воробьиное чириканье: «Чик-чирик! Чьвит-чьвит! Чиу-чиу!»

Повернув голову, Костя посмотрел в мою сторону и с изумлением вытаращил глаза.

– Баранкин! – сказал он. – Это ты, Баранкин?..

– Чио! Чио! Чья! Чья! – ответил я ему по-воробьиному, что означало: «Конечно, я! Не узнаешь, что ли?!»

Убедившись, что я не вру и что я уже действительно не я, а самый настоящий воробей, Малинин покраснел еще больше – наверное, от зависти! – и чуть даже не разревелся.

– Как же это у тебя получилось? – спросил он, часто моргая глазами.

Я сказал:

– Чень-чень-чень! Чик-чик-чик!.. (Очень просто! Чик! Чик! Чик! И готово!)

Затем между мною и Костей произошел следующий разговор на разных языках:

Костя (со слезами на глазах).
Значит, превратился! Вот здорово! А
почему же я не превратился?

Я. Чирик! Чим-чирим! (Откуда я
знаю!) Чирик-чиквить-чить! (Навер-
ное, хотел не по-настоящему!)

Костя. Что ты на меня чвика-
ешь? Говори по-человечески!

Я. Р-р-р-рчик! Чуть-чуть-чъвим-
чим! (Как же я могу говорить по-че-
ловечески, если я воробей!) Чепчик!
Чичинип!

Костя. Еще «чепчиком» обзывает!

А я совсем его и не обзывал «чеп-
чиком». Я ему сказал: «Не падай ду-
хом, Малинин! Еще раз попытайся».

Костя стал ругать меня за то, что
я, не дожидаясь его, превратился в
воробья, но я ему не стал ничего чи-
рикать в ответ. Мне самому тоже
было это неприятно. Уговаривались
вместе превратиться в воробьев — и
вот вам, пожалуйста. Конечно, быть
воробьем одному не так интересно,
как вдвоем.

Я махнул крыльями. Взлетел. Уселся на забор злой-презлой и повернулся спиной к Косте Малинину. И надо же было, чтобы в эту минуту на улице из-за угла показался на велосипеде Мишка Яковлев. Я схватился крыльями за голову. Все пропало! Теперь Малинин уже ни за что не успеет превратиться.

— Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья! — донесся до меня снизу голос Кости Малинина.

Не сводя глаз с Мишки Яковлева, я крикнул Косте с забора:

— Чим-чим-чим! Чер-чилим! Чер-чилим! Черес-чур! Черес-чур! (Поздно! Мишка на велосипеде едет! Сейчас он тебя учиться поведет!)

Сам чирикаю и вижу, как Мишка уже въехал во двор и к лавочке подъезжает, на которой сидит несчастный Костя Малинин, то есть не сидит, а должен был сидеть... Я говорю «должен был», потому что, когда Мишка Яковлев подрулил к лавочке, Кости на скамейке уже не было.

Вместо Кости на скамейке стоял на полусогнутых лапах воробей, и, судя по всему, этот воробей был не воробей, а бывший Костя Малинин. Значит, пока я переживал и уже ни во что не верил, Костя Малинин взял и тоже превратился в воробья со второй, а может, и с третьей попытки. Впрочем, не важно, с какой попытки, важно, что превратился.

— Костя, — крикнул Мишка, слезая с велосипеда, — Малинин! Ты куда спрятался? Странно! По-моему, я его только что видел на лавочке. Конечно, видел. Вот его учебники и тетради!

Мишка собрал тетради и учебники и, не обращая никакого внимания на рядом сидящего воробья (который был вовсе не воробей, а Костя Малинин — вот смехота!), оглядел весь двор, потом посмотрел на наше окно, из которого показалась голова моей мамы.

— Здравствуй, Миша! — сказала мама. — А где же Юра и Костя?

— А я как раз хотел вас об этом спросить! — сказал Яковлев. — Учебники и лопаты на лавочке лежат, а их нет...

— Вот сорванцы! — сказала мама. — Наверное, на улицу убежали... Ты, Миша, заходи в комнату, они сейчас вернутся!

Мишка положил Костины учебники на седло и скрылся в подъезде, а я слетел с забора на лавочку к Косте Малинину.

— Ир-чик! Ир-чик! Чуть-чуть-чуть! — сказал я Косте. (Молодец, Малинин! Превратился все-таки!)

На что мне Костя прочирикал:

— Че-че-че? (Честное слово?)

— Че-че-че! — сказал я. — Чуф-чуф-чуф! Чи-чи-чи! (Честное слово! Открой глаза и увидишь!)

И Костя открыл свои голубые, как у девочки, глаза. Глаза у него так и остались голубыми! Воробей с голубыми глазами! Здорово! Стоит на лапках, качается, хвостом сам себе равновесие помогает держать и от удив-

ления все еще прийти в себя никак не может.

А я вытер крылом пот со лба и сказал:

– Все в порядке! (Ч-уфф!)

– Ч-уфф! (Все в порядке!) – сказал Костя Малинин и тоже вытер крылом лоб.

Мы обнялись и, подпрыгивая от радости, закружились по скамейке...

Событие одиннадцатое *Встреча с бесхвостым*

– Сей-час наедемся овса, – сказал я Косте Малинину, – и пом-чим-чим-ся! Полетим!

– Куда?

– Можно направо, можно налево. Раз мы с тобой превратились, то теперь все можно. – Я поднял крыло, отставил лапку и прочитал с выражением: – «Мы вольные пти-ти-ти-цы! Пора, брат, пора! Туда, где за

морем белеет гора!..» Одним словом, куда захотим-тим, туда и полетим-тим! Вот какая жизнь!

Малинин засмеялся.

– Юр-чи-чик! – сказал он. – В воробья ты превратился, а клюв у тебя остался курносый. Чу-чу-деса!

– Врешь!

– Ни-чуть, ни-чуть!

– А у тебя глаза голубыми остались, как у дев-чон-ки! Чеп-чик!

Я спорхнул с лавочки к луже и стал смотреться в воду. Клюв у меня действительно остался курносый, и вообще я весь получился какой-то серый, и перья у меня топорщились во все стороны, и на лбу торчал хохолок. Костя Малинин выглядел совсем по-другому: у него была нарядная белая грудка с галстуком, сам он был весь чистенький, аккуратненький, с приглаженными перышками, как будто он только что из парикмахерской вылетел.

Впрочем, я ничуть не расстроился: я, когда был человеком, тоже не

отличался особенной красотой и аккуратностью. Подумаешь, курносый так курносый. Взъерошенный так взъерошенный.

Не в этом дело. Дело в том, что я во-ро-бей и что теперь мне никто и ничто не может испортить моего замечательного воробьиного настроения. А настроение у меня было действительно замечательное! Еще бы! В голове совершенно пусто — ни забот, ни мыслей, ни тревог! И так будет весь день! Целый день-день-день-день! Ну и день-день-день! Вот так день-день-день! Заме-ча-ча-тельный день! Че-че-рес-чур за-ме-ча-тельный!

Я напился дождевой воды и ударил крылом по своему отражению, обдав брызгами Костю Малинина, скакавшего по ту сторону лужицы.

— Костю-чок-чок-чок! Ну, как жизнь?

— Заме-ча-тельная! — чирикнул Малинин, брызгая в меня водой.

— А что я тебе говорил? А ты го-

ворил: «Превратимся лучше в бабочек!» Давай искупаемся!

— Холодно! Давай лучше овес искать. Очень-чень есть хочется.

Найти овес на нашем дворе оказалось делом нелегким. Мне попадались и конопляные зернышки, и арбузные семечки, и семечки обыкновенные, а вот овса все не было.

— Ты че-чего дерешься! — услышал я вдруг за спиной Костин голос. — Юр-чик! Он у меня из хвоста перо выдернул! Хулиган какой!

Я оглянулся и увидел, что недалеко от меня Костю Малинина гоня-

ет по траве здоровенный бесхвостый воробей.

— Я скачу, — затрещал Костя, подбегая вприпрыжку и прячась за мою спину, — вижу, в траве овес лежит, нагнулся — слышу, у меня из хвоста кто-то перо дергает! Хулиганство какое!

— Ты че-чего к маленьким пристаешь? — спросил я, подскакивая к здоровенному воробью. — Че-чего ты людям выходной день-день портишь?

— Я ни-че-че-го! А че-че-го этот птенчик на мой овес разлетелся? На чу-чу-жой двор заявились да еще распоряжаются здесь! Что-то я вас здесь раньше никогда не замечал!

Я хотел по-хорошему объяснить воробью, почему он не мог нас раньше видеть на дворе, но верзила-воробей и не стал меня слушать. Он подскочил ко мне и, не говоря ни слова, ударил меня по-воробьиному крылом в грудь. Ударил. Отскочил. Ноги расставил и крылья для устрашения распустил.

Но я не растерялся. Я тоже распустил крылья веером, хвост — трубой, подскочил к верзиле нос к носу да ка-ак дам ему подножку! Обыкновенную человеческую подножку. Конечно, верзила-воробей не знал такого приема и, хотя он был выше меня на целую голову, свалился на траву как подкошенный. Лежит на лопатках, ноги кверху задрал и молчит и больше не задирается. Он думал, наверное, что мы ему сейчас с Костей зададим хорошую взбучку. А

мне этого воробья почему-то даже жалко стало.

— Эй ты, куцый! — сказал я. — Вставай! У нас лежачего не бьют! Можешь проваливать... Впрочем-чем, можешь и остаться! Мы тебя сейчас-час угостим овсом. Костя, где овес?

— Здесь, в траве. Вот ов-син-синки и вот ов-син-синки.

Но бесхвостый не обратил на мои слова никакого внимания. Он молча поднялся, отряхнулся и испуганно запрыгал прочь.

— Чеп-чик! — крикнул ему Малинин вслед, махая хвостом.

— Сам ты чеп-чик! — сказал я Косте, зажимая лапой золотистую овсинку. — Не мог без меня дать сдачи!

Ко мне снова вернулось хорошее настроение. И Костя Малинин опять стал веселый-превеселый.

— А здорово ты его чеб-чеб-бурахнул! — сказал Костя, выгребая из травы зернышко овса.

У меня даже слюнки потекли от одного вида аппетитных овсинок. Я поточил клюв о камешек и еще крепче зажал зернышко лапой. Сейчас я эту овсинку раздолблю и съем... Сейчас!

— Кошка! — услышал я за спиной отчаянный голос Кости Малинина и обернулся...

Событие двенадцатое
Кошка Муська
хочет меня съесть

Итак, я обернулся... Смотрю, Кости Малинина уже на земле нет, он уже на акации. Привесился к ветке вниз головой, крыльями машет и кричит как сумасшедший:

— Кошка! Сзади тебя кошка!

Я повернул голову в другую сторону. От мусорного сарая ко мне действительно приближалась кошка, обыкновенная кошка. Только я никак не мог понять, что было в

этом ужасного и почему Костя устраивает такую панику, как будто на дворе появился тигр. Просто псих какой-то этот Малинин! Если бы я знал, что он будет таким нервным воробьем, я бы ни за что с ним не связывался.

– Юр-чик! Скорей улетай! – продолжал метаться на ветке Костя Малинин.

Кошка подошла поближе и остановилась. Я бочком подскочил к ней. И в этой незнакомой кошке сразу же узнал любимую мамину кошку Муську. Когда я еще сидел на лавочке как человек, она спрыгнула с подоконника, подошла ко мне и стала тереться о мою ногу, а я ее прогнал, чтобы она не мешала мне думать.

– Здорóво, Муська! – чирикнул я обрадованно. – Чу-чу-чу-ешь, кто я такой, или нет?.. Ты что, не узнаешь своего хозяина, что ли?.. Да ты не бойся, подойди поближе, я тебя не съем! Это же я! Вот чу-чу-дачка!

А вон на дереве Костя Малинин. То же не узнаешь? Костя, не бойся, лети сюда! Это наша Муська!

— Ты с ума сошел! — снова затрепещал на акации Малинин. — Она же тебя съест!

— Меня? Своего хозяина? Это ты с ума сошел!

Не успел я закончить фразу, как сзади на меня обрушилось что-то урчащее, тяжелое и подмяло под себя. «Муська!» — успел подумать я и рванулся изо всех сил в сторону и вверх по направлению к акации, на ветках которой продолжал чокать и трещать Малинин. Я летел, как камень из рогатки. Я чуть не сбил с дерева своего лучшего друга. Хорошо, что он удержался. Тем временем я тоже успел зацепиться за ветку. С ветки акации я взглянул вниз. Муська водила хвостом по траве, продолжая урчать.

В воздухе медленно, как рыбки в аквариуме, плавали выдранные из моего бока маленькие перышки.

– Полу-чи-чил! Полу-чи-чил! – продолжал злорадно трещать Костя Малинин.

– Ниче-чего не понимаю, – чирикнул я. – Такая знакомая кошка... Можно сказать, родная...

– «Родная, знакомая»... Скажи спасибо, что вывернулся...

– Баранкин перед кошками никогда не отступал!

– Храбрый какой! Расчи-чи-рикался: «Иди сюда, я тебя не съем, чудачка!» Сам чу-чу-дак! Ты забыл, что ли, что кошки едят воробьев?

– Да нет, – сказал я, – просто я еще не привык к тому, что я воробей!

– «Не привык»! А почему же я сразу привык? – сказал Костя и добавил: – Вот съела бы тебя твоя родная Муська, что бы я твоей матери сказал?

Я представил на секунду, что было бы, если бы мне действительно не удалось вырваться из Муськи-

ных лап, и мне стало не по себе. Откровенно говоря, я просто испугался, хотя опасность миновала и бояться было уже нечего, но перья у меня все равно зашевелились и встали дыбом.

– Что это с тобой? – спросил меня Костя. – Ты какой-то чу-чу-чумовой!

– Да так... Жарко! – сказал я, обмахиваясь одним крылом.

Костя опять начал ругать меня, а я взял и сунул голову под крыло, но в это время кто-то ткнул меня чем-то острым в бок...

Событие тринадцатое

О чем чирикают бабушки

Я выглянул из-под крыла и увидел сидящего рядом со мной старого, облезлого воробья.

– Ты, птенчик желторотый, – сказал мне старый воробей, – я тут все время за тобой с березы наблю-

дал. Ты что, вообще дура-чок-чок-чок или только притворяешься?

— А что вам от меня надо?

— Ты не груби старшим.

— Я не грублю. Это у меня такой голос.

Чтобы отвязаться от старика, я снова спрятал голову под крыло, но старик опять пребольно клюнул меня в шею.

— Слушай, когда с тобой разговаривают старшие! Чти взрослых! Чти-чти-чти! Не чуф-чуф... не чуфырься!

— А я не чу-фырюсь!

— А что это ты про кошек чирикал? Какие могут быть у воробья знакомые кошки? Ах вы, птен-птен-птенчики! И чему только учат вас родители?

Старик закатил глаза и стал чирикать о том, какие в его времена были прилежные и послушные воробьята, какие они все были умные, как они не чуфырились, а теперь все чуфырятся.

. Стоило превращаться в воробьев,

чтобы выслушивать эту чеп-чеп-чепуховую нотацию. Да у нас по вечерам старухи как усядутся вместе на лавочке, только об этом и чирикают, то есть разговаривают.

— Вы чьи дети? Чьи вы? Чьи вы? — спросил меня старик.

— Ничьи! Ничьи! — сказал я, срываясь с ветки.

— «Чуфырься, не чуфырься»! — сказал Костя, работая крыльями. — Чок-чок-чокнутый какой-то!

Мы закружились над нашим двором, выбирая дерево, не занятое воробьями. Хотя я и сам был воробей, но мне почему-то вдруг захотелось держаться от них подальше. Знакомство с бесхвостым и со стариком произвело на меня не совсем приятное впечатление. А больше всего меня расстраивало вот что: с той минуты, как мы превратились с Костей в воробьев, прошло, наверное, уже полчаса, а наша воробьиная жизнь все как-то не налаживалась, и вообще все шло совсем не

так, как я ожидал. Время идет... Завтра, между прочим, снова в школу...

Косте Малинину я, конечно, ничего не сказал. В конце концов, впереди еще целый день — жизнь наладится, и все будет хорошо. Главное, не надо отчаиваться и терять надежду.

Покружив в воздухе, мы опустились с Костей на дерево. На дереве не было ни одного воробья.

Ветка, на которую мы уселись, выходила на солнечную сторону. Солнце пригревало, как летом.

С удовольствием втянув голову в плечи, я уже собирался спрятать ее под крыло, как вдруг у меня над ухом что-то противно свистнуло. Раздался щелчок. Посыпались листья. Ну что еще такое? В чем дело? Я открыл глаза и посмотрел вниз.

Событие четырнадцатое
Дальнобойная рогатка
с оптическим прицелом

Возле лавочки, на которой мы еще недавно сидели с Костей Малининым, стоял мой сосед по квартире, белобрысый Венька Смирнов, и отвратительно щурился. В руках у него была рогатка с оптическим прицелом. Рогатку я узнал сразу. Никто лучше меня не делал таких дальнобойных рогаток. Венькину рогатку тоже смастерил я по его личной просьбе.

Венька смотрел на меня в оптический прибор. Я смотрел на Веньку. На Венькином лице было написано: «Не попал! А жаль!..» Так... Мало того что меня чуть-чуть не слопала кошка, теперь в меня стреляют из рогатки, сделанной моими же руками!

— Ну, подожди, Венька! — чирикнул я с дерева. — Подожди, белобрысый! Когда я опять превращусь в че-

че-ловека, я тебе покажу, как стрелять в меня из рогатки!

Не обращая никакого внимания на мое чириканье, Венька нагнулся и стал искать камень. Мы с Костей переглянулись и, не сговариваясь, одновременно рванули с дерева. Я решил улететь подальше от нашего двора, подальше от кошки Муськи, от белобрысого Веньки с рогаткой, от этих драчливых и негостеприимных воробьев. Мы пролетали один двор за другим. С высоты нашего птичьего полета оказалось, что в нашем городе кошек было гораздо больше, чем я предполагал, когда был человеком. Мальчишек с рогатками тоже было много. Это открытие меня расстроило. Из своего небольшого воробьиного опыта я уже успел понять, что любое знакомство с рогаткой или кошкой может окончиться очень плохо для воробьев. Малинин тоже меня стал почему-то ужасно раздражать. Тащится где-то там, в хвосте, отстают все время и

вообще летит с таким видом, как будто он мне одолжение делает.

— Че-че-го ты все время отстаешь? — не выдержал я и напустился на Костю: — Тянучка противная!

— Я устал!

— «Устал»!.. Че-че-тыре квартала пролетели, а он уже устал!

— Я не летать устал. Я устал быть воробьем!

— Подумаешь! Полчаса всего как воробей — и уже устал! А как же воробьи бывают всю жизнь воробьями?! Знал бы, не связывался с тобой!

Я высмотрел сверху небольшой сквер и спланировал вниз.

— Можешь отдыхать! — сказал я Косте, когда он следом за мной плюхнулся на ветку.

Костя приподнял крыло и уже хотел спрятать голову под мышку, но вдруг над нами раздался голос:

— Вот они где, бездельники! Я их послала за соломой, а они греются на солнце! Хороши сыночки!..

Событие пятнадцатое
*Что бывает, когда сыновья
отрекаются от своей матери*

Я взглянул вверх и увидел толстую воробью, свесившуюся с соседней ветки. Это она называла нас своими сыночками.

— А почему вы молчите, почему вы ничего не отвеча-ча-чаете своей мамочке?

— Ничего не понимаю! — шепнул мне Костя. — Почему она называет себя нашей мамочкой?

— А че-че-го тут непонятного? Наверное, она приняла нас за своих птенцов.

— А мы что, похожи?

— Откуда я знаю...

— По-чему вы пря-че-тесь от своей мамоч-ки? — продолжала щебетать воробью. — Не бойтесь! Летите сюда. Так и быть, на этот раз я вам ничего не сделаю.

— А может, мы действительно похожи на ее сыновей?

– Может, и дей-стви-тви-тельно!

– Этого еще не хватало! Извините, гражданка! – сказал Костя. – Мы ни от кого не пря-чем-ся, а вас мы вообще видим в первый раз!

– Это что еще за гражданка! – заверещала воробьяха. – Воробьи добрые, вы только послушайте, как он называет свою мамочку!

Воробьи, сидевшие целой стаей на соседнем дереве, громко возмутились, а толстая воробьяха так разозлилась, что даже клюнула Костю Малинина в шею.

Костя заорал.

– Те-теч-ка! – вступился я за своего друга. – Че-честное слово, мы не ваши дети. Ну, че-че-стное-прече-честное!

– Смотрите, воробьи добрые, и этот не хо-чет признавать свою мамочку, – затрещала воробьяха, подскакивая на ветке и взмахивая крылышками.

Воробьи стали ругать нас с Костей еще громче, а наша «мамочка» задала нам такую трепку, что из нас с Кос-

тей пух полетел, как из подушек... Пришлось нам с Малининым взять свои слова обратно и назвать воробьи-ху «мамочкой».

– То-то! – мгновенно успокоилась воробьи-ха. – А теперь, сыночки, летим! Учи-читься вить-вить гнездо!

– Как – учи-чи-ться? – закричали мы с Костей в один голос.

Событие шестнадцатое

Мы с Костей учимся вить гнездо

– Вы что, все позабыли, что ли? – сказала воробьи-ха. – Вчера ваша мамочка учила вас, как нужно вить-вить гнездо, а сегодня будете вить-вить сами!

– Интересное дело! – чирикнул тихо Костя... – Почему ты мне не сказал, что воробьи тоже учатся?

– А откуда я мог знать?

– А за-чем ты говорил, что у воробьев замечательная жизнь?

– Это же не я, это Нина Никола-

евна говорила, — соврал я. — Вот привязался!

— В общем, ты как хочешь, а я лично не буду учиться вить-вить гнездо! — прочирикал Костя.

— Кто сказал, что не хочет учиться вить-вить гнездо? — спросила грозно воробьяха, подлетая к нам с Костей.

— Это не он сказал, это я сказал! — чирикнул я, загораживая Костю, и добавил: — А драться, по-моему, не педагогично!

— Что! Ты где это таких слов хватался?

Воробьяха изо всех сил клюнула меня в спину и погнала нас вместе с Костей на соседнее дерево, где были заготовлены впрок соломинки, конский волос и другие стройматериалы.

— Зна-чи-чит, гнездо вьется так... — защебетала воробьяха. — В клюв берется соломинка и сворачив-чивается в колеч-ко... Ну-ка, повторите, сыночки!

– В клюв берется соломинка, – прочирикали мы с Костей хором, – и сворачивается в колечко...

Урок начался. Мы с Костей, не глядя друг на друга, с отвращением взяли в рот по соломинке.

«Интересно, бывают у воробьев на уроках перемены?..» – подумал я с тоской, сворачивая соломинку в колечко так, как учила нас толстая воробьяха.

– Затем, значит!.. – продолжала щебетать воробьяха, ловко укладывая соломинки и приминая их грудью. – Затем, значит!..

Но что делается «затем», мы так и не узнали, потому что в эту минуту к нам свалился с неба прямо на голову толстый рыжий воробей. Ветка, на которой мы сидели, так и закачалась под его тяжестью.

– Папочка прилетел! Чиканька наш! Чика! Чика! Чика! – обрадовалась воробьяха, приседая и раскачивая ветку еще сильнее.

Мы раскрыли с Костей от удивле-

ния клювы и выронили соломинки и устали на рыжего воробья Чикку, который, по словам толстой воробьихи, был нам с Костей родным папочкой.

Событие семнадцатое
Драка за скворечник

— Скорей, сыночки! Скорей, воробьятки! — затрещал рыжий дяденька-воробей, похлопывая себя крыльями по толстым ножкам и бокам. — Стрижи улетают на юг! Освобождается скворечник-чник. Чудесный сквореч-чник!

— Сквореч-чник-чник! — зачирикала радостно воробьиха. — Моя мечта! Мечта! Мечта!

— Да-да! Скворечник! Надо только успеть занять. Боюсь, придется подраться! Скорей в путь-путь-путь! Летим-тим-тим!

— Ле-тим-тим-тим! — подхватил я, решив, что уж лучше драться за

скворечник, чем учиться вить гнездо.

— А может, не надо драться... Может, лучше поучимся вить-вить гнездо! — пискнул Костя Малинин.

— Хвост не дорос старших учить! Хотел бы я видеть, что ты запоешь зимой, когда будет холодно!

— Вот именно! — поддакнул я рыжему воробью.

Воробей сорвался с ветки, столкнул крылом меня и Костю и, отчаянно чирикавая, рванулся вперед, показывая нам направление. Воробьяха пристроилась сзади, и, как только мы начинали с Костей отставать, она тут же своим острым клювом подгоняла нас и поддавала нам жару.

— Чур-чур, не отставать! Чур-чур! Вперед! Вперед! Чур-чур! — трещал рыжий воробей, то и дело оглядываясь.

— Ладно, Юрка, я тебе этого никогда не забуду! — сказал мне Костя на лету. — Если уж ты на всю жизнь

решил остаться воробьем, то оставайся и дерись за свой скворечник. А я лично не буду. Вот выберу момент и сбегу! Улечу, и все!

— Тише, чужак! Все дело испортишь! Сейчас от этого рыжего все равно подобра-поздорову не отвяжешься!

— Что же делать? У меня уже сил больше нет быть воробьем!

— Что делать? Сбежим по дороге! Жди сигнала! С Баранкиным не пропадешь!

— Не пропадешь? Как же! С тобой как раз, того и гляди, пропадешь! — простонал Костя Малинин.

И он оказался прав. Мы действительно с ним чуть-чуть не пропали, и все из-за меня. И зачем я только согласился драться за этот скворечник?!

Сбежать по дороге нам, конечно, не удалось. Рыжий воробей и воробья все время внимательно следили за нами и не давали отстать ни на шаг. Дело оборачивалось хуже,

чем я предполагал. Если мы ввяжемся против своего желания в драку, то я-то, может быть, и вывернусь, а уж Косте наверняка несдобровать. Он и на земле не приспособлен к драке, а тем более с воробьями, да еще в воздухе.

Не успел я подумать об этом, как вдруг неожиданно рядом послышалось отчаянное чириканье, и мы всей «семьей» врезались в стаю воробьев, дерущихся в каком-то незнакомом саду за тот самый скворечник, о котором мечтали наши «родители».

Я даже не знаю, как это получилось, но мы с Костей внезапно очутились в самой гуще боя, сразу же потеряв из виду своих «родителей». Справа, слева, сверху и снизу, отчаянно чирикающая, кружились совершенно чужие и незнакомые нам воробьи.

Хорошо, что Костя Малинин догадался вцепиться клювом в мой хвост, а то бы мы наверняка потеряли друг друга в этой суматохе.

Тащить Костю на буксире и отбиться было, конечно, трудновато, но я довольно ловко увертывался от налетающих на меня воробьев, осыпая их всякими угрозами и проклятиями. Хорошо, что я совсем недавно прочитал книжку о фигурах высшего пилотажа. В этом воробьином бою все это мне очень здорово пригодилось...

Я взмывал вверх по всем правилам, падал на крыло, взлетал свечкой, входил в штопор, и наконец-то на бреющем полете мне удалось выйти из воробьиного окружения. Костя, увидев, что опасность миновала, отцепился от моего хвоста, и мы вместе что есть духу пустились из последних сил наутек от этих проклятущих воробьев.

— Бей их чем-чем-чем попало! — раздались вдруг за нашими спинами воробьиные голоса.

Я оглянулся и увидел, как от дерущихся птиц отделились четыре воробья и сыпанули за нами вслед...

Событие восемнадцатое
Костя Малинин «начирикался»

– Кон-чится это когда-нибудь или нет? – простонал Малинин, прибавляя ходу.

– Вот эти громче всех чи-рика-ли! – крикнул кто-то сзади.

Преследующие нас воробьи стали заходить нам в хвост.

– Ребята! Да ч-то вы! Мы же только чи-рика-ли! – оправдывался я на лету.

– А за-чем-чем прилетели?

– Ни за чем. Так просто – посмотреть!

– Посмотреть? Вот мы сей-час вам покажем!.. Сейчас мы из вас пустим пух!

Воробьи стали нагонять нас, и, вероятней всего, они задали бы нам взбучку и пустили бы из нас пух, если бы я не применил на лету один остроумный боевой прием, который у летчиков называется «бочкой». Выбрав удобный момент, я

подпустил преследователей к себе поближе, потом совершенно неожиданно перевернулся в воздухе на спину и лягнул одного из нападающих на меня воробьев ногами — воробей отлетел в сторону и шмякнулся в забор.

— Ага! — закричал я страшным голосом. — Барр-ранкин в воздухе! Берегись!

Я лягнул другого — и другой отлетел. Так я летел, и орал, и брыкался до тех пор, пока не разбросал в разные стороны всех преследователей. Противники, не имевшие, конечно, никакого понятия о высшем пилотаже, опешили, совершенно растерялись и стали отставать, отставать, отставать...

Пользуясь замешательством воробьев, мы, прибавив ходу, скрылись за деревьями и в изнеможении свалились на первую попавшуюся крышу.

От меня валил пар, а сердце прыгало, как крышка на кипящем чайнике.

— Конечно! — сказал Костя, еле переводя дух. — Ты как хочешь, а я лично на-чи-рикался! Все!

Малинин стукнул клювом по крыше и стал из последних сил ругать меня за то, что я все ему наврал с три короба про замечательную жизнь воробьев.

— А еще целый месяц наблюдал за ними... — сказал Малинин, передразнивая мой голос: — «У них жизнь без забот! У них жизнь без хлопот!..»

— А что я, виноват, — сказал я, — если мне так показалось!..

А Костя Малинин сказал:

— Я говорил, что нам надо было сразу в бабочек превратиться. Бабочки и гнезд не вьют, и кошки их не едят, и питаются они не овсом, а сладким нектаром. Ох, и вкусная, наверное, штука!..

Я промолчал. В жизни бабочек Костя Малинин, конечно, гораздо лучше меня разбирался. У него одно время даже была их целая коллек-

ция, только он ее променял на марки.

Вероятно, Костя был прав, и нам действительно следовало сразу же превратиться в бабочек. Заманчиво, конечно, целый день порхать с цветка на цветок и все время есть сладкое...

И все же, прежде чем начать превращаться в бабочек, я хотел расспросить Костю поподробнее об их жизни. А то как бы нам не напороться во второй раз...

— А помнишь, нам Нина Николаевна рассказывала, — сказал я, — что бабочки опыляют цветки...

— Ну и пусть опыляют себе! — сказал Костя. — А мы с тобой не будем! Дураков нет!

Несмотря на то что в Костином ответе была своя железная логика, я все-таки решил ему задать еще один вопрос.

— А как у бабочек в смысле учебы? — спросил я. — Может, они тоже чему-нибудь учатся?

– Ты еще долго мне будешь вопросы задавать? Вон уже кошки появились! – заорал на меня как очумелый Костя Малинин.

Я думал, он меня разыгрывает. Смотрю – из чердачного окна действительно вылезли три кошки, перемазанные углем, и устали на нас с Костей. Две из них мне были совершенно незнакомы, а третья была наша Муська. Видно, она все-таки окончательно решила меня съесть. Рассуждать больше было некогда.

– К превращению в бабочек приготовились! – скомандовал я лихорадочным шепотом.

– Приготовились! – отозвался Малинин.

– Начали! – сказал я.

– Как – начали? – сказал Костя Малинин. – А чего говорить? Какие слова?

Действительно, я совсем и забыл, что мое старое воробьиное заклинание совсем не годится для нового превращения в бабочек.

– Сейчас! – сказал я. – Сейчас!
Сейчас переделаю...

– Скорей переделывай! – заорал
Костя.

– Готово! – сказал я. – Повторяй за
мной!.. «Не хочу быть воробьем! Хочу
быть бабочкой! То есть мотыльком!..»

Я уверен, без забот
Мотылек живет!
Вот я! Вот я!
Превращаюсь в мотылька!

– Нескладно получается! – сказал
Костя, глядя в ужасе на приближа-
ющихся кошек.

– Вот очутишься в животе у кош-
ки, – сказал я, – тогда складно по-
лучится! Повторяй скорее!

И Костя Малинин, закрыв от
страха глаза, стал сыпать скорого-
воркой слова моего нескладного вол-
шебного заклинания, обгоняя меня
на каждом слове:

Я уверен, без забот
Мотылек живет!..

«Только бы успеть! — подумал я. — Только бы успеть превратиться до того, как нас сцапают кошки!..» Это была последняя мысль, мелькнувшая в моей измученной воробьиной голове, разрывавшейся от забот, тревог, ужаса и волнений...

Часть третья

Я — КАПУСТНИК И КОСТЯ — МАХАОН

Событие девятнадцатое

Вредитель, известный населению

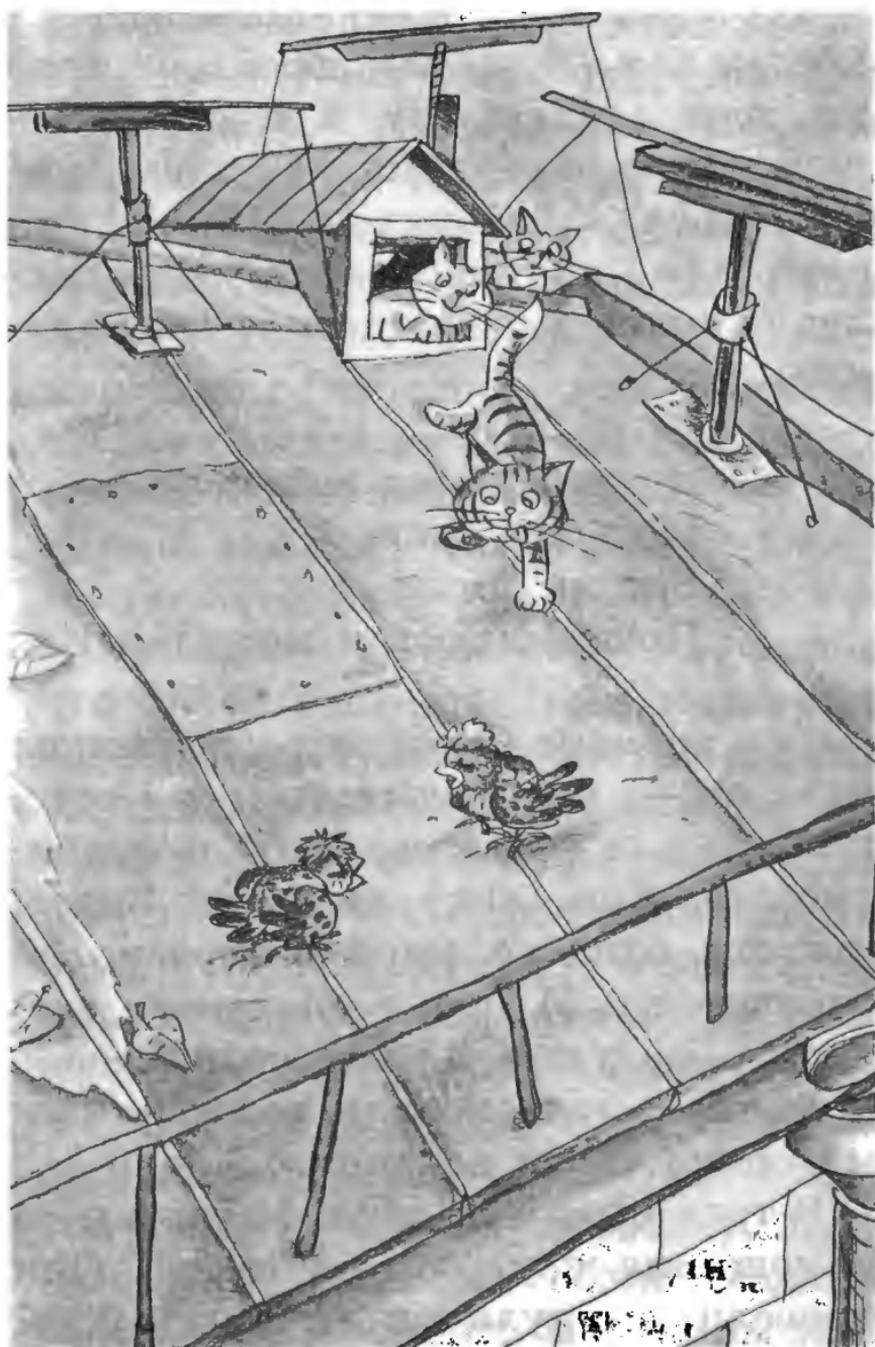
Пока мы с Костей Малининым шептались наперегонки слова заклинания и сосредоточивались, кошки во главе с нашей Муськой тоже не теряли даром времени. Осторожно ступая на лапы, они подкрадывались к нам все ближе.

«Ладно, Муська, — мелькнуло у меня в голове, — если я останусь в живых, я с тобой дома рассчитаюсь!»

Больше о кошках я решил не думать, так как это мне мешало превращаться в бабочку. Теперь я все свое внимание сосредоточил на цветах, на жизни, в которой не надо вить гнезд или драться за скворечники, а нужно только порхать с цветка на цветок, греться на солнце и есть один сладкий нектар, но вместо этого мне, как назло, в голову все время лез проклятый овес и перед глазами продолжали мелькать воробьи, кошки, Венька с рогаткой и всякая подобная чепуха из моей воробьиной жизни.

Я расстроился, открыл глаза и увидел, что расстояние между мною и кошками значительно сократилось, а я как был проклятым воробьем, так им и остался. Тогда я расстроился еще сильнее и решил больше не закрывать глаза — будь что будет!

Сделав еще несколько шагов, кошки вдруг остановились и стали о чем-то между собой фыркать и мяукать.

29

«Совещаются, кому кого есть, — подумал я, — делят двух воробьев на трех кошек. Ну и пусть... Теперь уж я наверняка не успею превратиться в бабочку...» На всякий случай я еще несколько раз мысленно произнес волшебное заклинание:

Я уверен, без забот
Мотылек живет!
Вот я! Вот я!
Превращаюсь в мотылька!

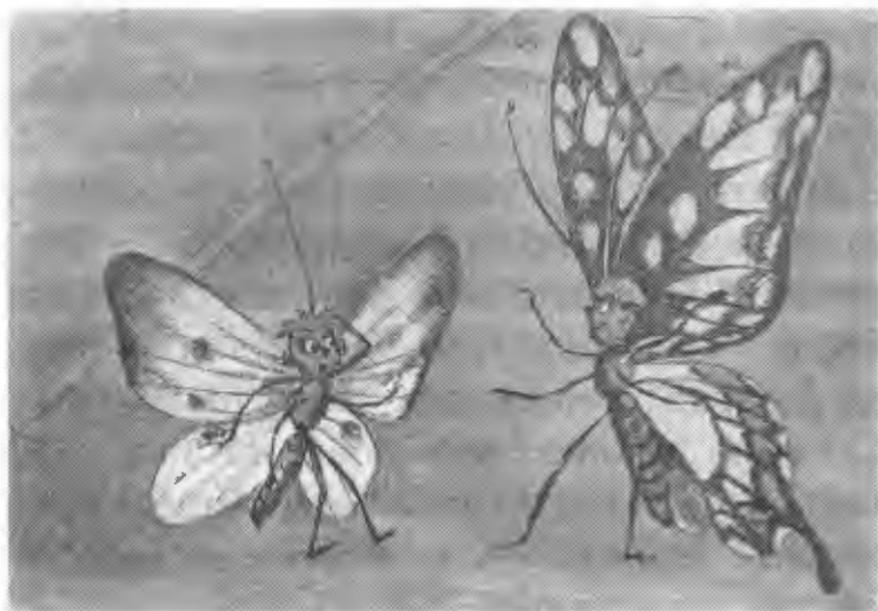
Тем временем кошки разделились: одна стала подкрадываться к Косте, а Муська со своей подружкой направились ко мне. «Вот хитрюга! Знает, что она одна со мной все равно не справится... И что я ей такого сделал, — подумал я, не сводя глаз с Муськи, — только один раз чернилами облил, и то нечаянно...»

В трех шагах от меня Муська и ее помощница замерли на месте. Они присели, выгнули спины трамвайной

дугой и заурчали. Царапая железную крышу когтями, приготовились к прыжку. «Собираются прыгать! Значит, мы с Костей не превратились в бабочек, – подумал я. – Не успели! Значит, все пропало!..» Мне стало холодно. По телу побежали мурашки. Очевидно, это были последние мурашки в моей жизни... Я уже хотел крикнуть: «Прощай, Малинин! Извини, что я втянул тебя в такую историю!»

Но здесь с кошками случилось что-то непонятное: они выпучили глаза, фыркнули и, вместо того чтобы прыгнуть вперед, изо всех сил прыгнули в обратную сторону от нас. Шерсть у кошек поднялась дыбом; покрутив очумело головами, все вместе еще раз подскочили на месте и дунули в чердачное окно.

Они исчезли так быстро и неожиданно, словно позади нас с Костей увидели огромную собаку. Я оглянулся – никакой собаки сзади не было. Зато я увидел бабочкины кры-

ля, которые торчали за моей спиной, как два паруса.

Так вот почему кошки так испугались: на их глазах из съедобного воробья я превратился в несъедобную бабочку! Успел все-таки! Вот здорово! Я в восторге пошевелил маленькими треугольными крыльями и повернулся к Косте Малинину, чтобы поделиться с ним своей радостью, но от неожиданности вытаращил глаза. Рядом со мной, на том самом месте, где несколько минут назад лежал пластом и чуть слышно чирикал по-

луживой воробей Малинин, теперь сидела прекрасная бабочка с огромными треугольными крыльями какого-то сказочного черно-зеленого цвета. Такой красивой бабочки я еще никогда не видел, даже на картинках в книжке.

Не может же быть, что Малинину Косте удалось превратиться в такое красивое насекомое. Нет, эта бабочка безусловно настоящая бабочка — сразу видно. А если это самая настоящая бабочка, то где же тогда мой лучший друг Малинин?.. Уж не свалился ли он со страха с крыши на мостовую? Я посмотрел вниз. А может быть, Костю в суматохе незаметно для меня все-таки успела сцапать кошка? Я посмотрел в чердачное окно. А может быть, он испугался кошек и перелетел на соседнее дерево? Я повернулся и стал разглядывать растущий рядом с домом тополь.

— Чего ты крутишься, как на уроке? — спросила меня вдруг сказочно

красивая бабочка голосом самого обыкновенного Кости Малинина.

Я уставился на бабочку и спросил не своим от волнения голосом:

– А ты кто такая?

– Не кто такая, а кто такой!

– А кто ты такой?

– Да ты что, Баранкин, ты нарочно не узнаешь меня, что ли?

– Малинин, это ты?

– А то кто же! Не узнал?

– Да, попробуй тебя узнай! Вот это превратился так превратился! А я уж испугался, думал, с тобой что случилось.

– Как же! Держи карман шире! – сказал Малинин, разводя крыльями и поднимая вокруг себя ветер.

Я даже не мог отвести от Кости глаз: такой он был необычный.

– Костя, – сказал я, – как же ты называешься?

– Как я называюсь? Очень просто!.. Сейчас вспомню. Крылья у меня сверху черно-зеленые?

– Черно-зеленые.

– А с обратной стороны?

– Коричневато-черные.

– С золотыми точками?

– С точками... И еще на каждом крыле по половине луны и по целой радуге.

– Все ясно! Я превратился в махаона из семейства парусников.

– А я?

– А ты превратился в этого... Нука, повернись!

Я повернулся. Малинин критически осмотрел меня с ног до головы.

– Так... – сказал он. – Крылья у тебя маленькие, желтенькие с черными пятнышками. Понятно. Ты превратился в этого... во вредителя.

– В какого вредителя?

– В огородного. Известного населению под названием капустник из семейства белянок...

– Вот тебе раз! – возмутился я. – А почему я превратился в капустника, а ты – в махаона?

– «Почему, почему»! Откуда я знаю! Наверное, потому, что махао-

ны водятся на Дальнем Востоке, а я жил три года в Хабаровске. А ты водишься в средней полосе России.

– А это точно?

– Точно! У меня же коллекция была! Я все породы бабочек знаю... Я – махаон, а ты – вредитель...

– «Вредитель»! От тебя очень много пользы! Если хочешь знать, так капустником быть даже лучше, чем махаоном.

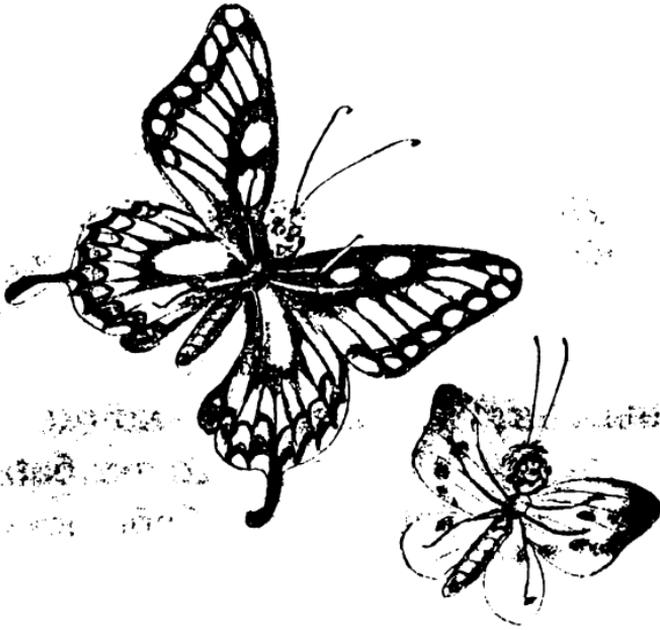
– Это почему же?

– Потому что... потому что... у тебя крылья расфуфыренные, как у девчонки. Мне, например, с такими крыльями было бы просто стыдно появиться среди ребят... то есть среди мотыльков.

– Стыдно – и появляйся на своих!

– И появлюсь!

Я взлетел над крышей и сделал пробный круг возле чердачного окна. Крылья у меня были, конечно, не такие удобные и прочные, как у воробья, но летать на них было удивительно приятно.

Летишь и все время проваливаешься в какие-то воздушные ямы. Проваливаешься и летишь. И от этого в животе у тебя дух захватывает и такое ощущение, как будто ты на лету от радости умираешь. И поэтому тебе просто как девчонке хочется громко сказать или «ух!», или «ах!», или «ох!». Или просто завизжать от радости!

А впереди тебя ждет сладкий нектар! Амброзия, можно сказать! И

новые воздушные ямы! И это удивительное ощущение, от которого в животе дух-ух-ух захватывает!.. И сознание, что все это, вместе взятое, будет продолжаться, сколько мы с Костей захотим.

И какая при этом разница, кто ты такой – безвредный махаон или вредный капустник? В конце концов, это люди знают, кто из бабочек кто, а сами бабочки в бабочках все равно не разбираются.

А если это все так, то – ух! ах! ох! – и молодец Малинин, что надумил меня стать бабочкой.

В это время ко мне как раз подлетел мой лучший друг Костя – махаон – Малинин, и мы стали с ним качаться в воздухе на каких-то невидимых качелях.

– Ну как? – спросил меня Костя, слетая вниз.

– Порядок! – ответил я, взлетая вверх. – Только есть очень хочется.

– Ну, это дело поправимое, – сказал Малинин. – Ух, сейчас я тебя уго-

щу нектаром. Нектар пить — это тебе не овес клевать! Это, брат, знаешь какая вкусная штука!.. Лапки оближешь! Летим скорее!

— Летим! — сказал я. — Во весь дух-ух-ух летим!

— Летим, — сказал Костя. — Во весь дух-ух-ух! Выдох — вдох-ох-ох! Крылом мах-ах-ах! Словно пух-ух-ух! Во весь дух-ух-ух!..

Событие двадцатое «Спящая красавица»

Мы с Костей сделали еще один прощальный разворот над чердаком и уже хотели лететь за нектаром, как вдруг Костя Малинин заметил на стене дома маленькую желтенькую бабочку. Она сидела под железным желобом, вцепившись лапками в кирпичную стенку, сложив крылья, как прочитанную книгу.

— Настоящая! — сказал Костя Малинин. — Не то что мы с тобой! При-

вет бабочкам! — крикнул он, пома-
хав в воздухе лапкой. — Это кру-
шинница.

— Ну и пусть! — сказал я. — Давай
скорее — летим за нектаром!

— Подожди! Надо с ней познако-
миться!

— Вот не было печали! Эх ты, дев-
чатник!

— Здравствуйте, бабочка! — сказал
Костя Малинин, цепляясь за стенку
рядом с крушинницей.

— Костя-махаон — девчатник! Кос-
тя-махаон — девчатник! — стал драз-
нить я Малинина, летая над самой
его головой.

— Привет крушинницам! — сказал
Костя, поднимая в знак приветствия
вверх обе лапки.

— Позор девчатникам! — сказал я.

Костя еще раз поздоровался с бабоч-
кой, но она продолжала сидеть молча
и неподвижно, не обращая на Мали-
нина никакого внимания.

— Ух и воображает из себя! — ска-
зал я. — Так тебе и надо.

– Да нет, она не воображает, – сказал Костя, внимательно разглядывая крушинницу. – Она спит! Конечно, спит!

– Спящая красавица! Понятно. Проснитесь, спящая красавица! С вами хочет познакомиться сам Костя-махаон из семейства парусников!

Я сел рядом с бабочкой и потормошил ее лапкой.

– Бесплезно! – сказал Костя. – Теперь ее из пушки не разбудишь. Она ведь на всю зиму уснула.

– Почему это – на всю зиму?

– Потому что у них, у бабочек, такой закон природы!

– Чего ты врешь, Малинин, какой еще закон природы?

– Да честное слово! Все бабочки осенью умирают или засыпают до самой весны. У них даже расписание есть, когда кому засыпать.

– Подожди, а как же мы с тобой? – встревожился я.

– Что – мы?

– Мы с тобой тоже бабочки, зна-

чит, мы тоже заснем по расписанию?

— Вообще-то раз мы бабочки, значит, тоже, наверное, должны уснуть... когда-нибудь.

Меня это «открытие» просто ошеломило.

— Так зачем же мы тогда с тобой превращались в бабочек? Если мы каждую минуту можем заснуть, да еще на всю зиму! Мы же на один день только превратились, а уснем вдруг — и каникулы зимние проспим. Эх, Малинин, Малинин!

— Чего ты орешь? — сказал Костя. — Тебе же пока спать не хочется?

— Нет еще.

— Ну летим за нектаром, а там будет видно,

— Что значит «там будет видно»? А если я усну на лету и проснусь только весной, превращусь в человека, а на экзаменах что буду делать? По всем предметам двоек нахватаю из-за тебя.

– Подумаешь, – сказал Костя, – дома его спать не уложишь, а здесь он, видите ли, боится на лету уснуть. Не бойся, не уснешь. Я отвечаю!

– Не усну?

– Конечно, не уснешь. Осенью засыпают какие бабочки? Обыкновенные. А мы с тобой бабочки необыкновенные.

– А какие же мы?

– Мы с тобой человекообразные бабочки, вот какие! – заорал на меня Малинин.

– Ну и что? – заорал я на Костю.

– А то, что на человекообразных бабочек этот закон природы, может быть, не распространяется!

– Может быть, не распространяется, а может быть, и распространяется!

Я хотел еще немного поругать Костю Малинина за его легкомыслие и особенно за то, что он имел коллекцию бабочек, а скрыл от меня такой ужасный закон природы, но в это

время над нами, шумя крыльями, пролетел воробей и тут же вернулся обратно. При виде воробья Малинин почему-то сразу перестал на меня орать, съежился и полез прятаться под крышу.

Воробей прицепился к стенке недалеко от меня и нацелился на меня одним глазом. Лицо воробья показалось мне почему-то очень знакомым. Когда он повернулся ко мне боком, я увидел, что у воробья нет хвоста. Теперь я его узнал сразу: это был тот самый куцый воробей, с которым я подрался на дворе из-за овса.

— Здорово, чепчик! — крикнул я своему старому знакомому. — Ты на меня не сердишься?

— Баранкин, прячься сейчас же! — услышал я за спиной Костин голос. — Он тебя склюет!

— Кто это меня склюет? Баранкин перед воробьями никогда...

Не успел я окончить фразу, как выскочивший из-под крыши Мали-

нин схватил меня за лапу и утащил под железный желоб.

В эту же секунду бесхвостый воробей оказался на моем месте. Обнаружив мое исчезновение, он повертел во все стороны головой, подобрался к спящей крушиннице, внимательно ее осмотрел, клюнул, ментально проглотил и полетел как ни в чем не бывало дальше. Я посмотрел из-под крыши вслед улетающему воробью, потом уставился на Малинина.

— Я тебя забыл предупредить, Баранкин, — сказал Костя виноватым голосом, — что настоящие воробьи очень любят есть бабочек, так что ты не очень-то старайся попадаться им на глаза...

Мне, конечно, очень хотелось высказать Косте все, что я думал в эту минуту и о нем, и о жизни бабочек, но я молча сложил лапы на груди и сдержался. В конце концов, я не Малинин, это он расхныкался, когда устал быть воробьем. А я Баран-

кин! Уж если я превратился в бабочку, то я все трудности и всякие нечеловеческие мучения буду переживать молча, как настоящий мужчина. Тем более что у меня и сил-то не было ругаться с Малининым, так мне хотелось есть в эту минуту.

Событие двадцать первое *Кепка-зенитка*

Подождав, пока воробей улетит подальше, мы с Костей осторожно вылетели из-под крыши и направились за нектаром к видневшейся внизу клумбе с цветами. Я, конечно, по-прежнему проваливался на лету в воздушные ямы, но уже того ощущения, что я умираю от радости, у меня почему-то не было. И «ухать» мне что-то вдруг расхотелось.

— Птицы только вверху опасны, — сказал Малинин, — а к земле чем ближе, тем безопаснее. В крайнем случае, увидишь воробья — маскируйся.

«Маскируйся»! А если, пока я буду есть нектар, меня самого съедят, тогда что?..» Меня так и подмывало задать этот вопрос Малинину, но я снова сдержался и промолчал. Цветов на клумбе было очень много — и красных, и белых, и синих, — и от всех шел такой чудесный нектарный запах, как от маминого печенья на кухне.

У меня от одного запаха нектара слюнки потекли и даже голова закружилась. Я уже не слушал, что говорит мне Костя. Я самостоятельно выбрал самый большой цветок и закружился над ним, выбирая место для посадки.

— Дави его! — раздался внезапно за моей спиной чей-то пронзительный голос.

Я перевернулся в воздухе и увидел невдалеке двух мальчишек с лопатами; они размахивали кепками и бежали по направлению ко мне, громко топая ногами.

— Это непарный шелкопряд! Дави!

Я его знаю! — крикнул один из них и, заложив пальцы в рот, оглушительно свистнул.

Так как я, по словам Кости, был капустник и к непарному шелкопряду не имел никакого отношения, то я не обратил на крики ребят никакого внимания. Я опять спокойно перевернулся в воздухе и снова закружился над тем самым большим цветком, от которого так вкусно пахло нектаром. В это время сзади меня накрыла огромная тень, что-то свистнуло возле крыла и сильным толчком воздуха бросило на землю.

— Ур-ра! Сбили! — закричал один из мальчишек, закружив кепку над головой.

Голос этого мальчишки мне показался подозрительно знакомым.

— Нет, не сбили! — сказал другой мальчишка. — Он спрятался среди цветов! Ищи!..

И второго мальчишки голос мне тоже показался знакомым. Я прищелкнул губами к истребителям

непарных шелкопрядов и узнал в них своих одноклассников – Веньку Смирнова, того самого Веньку, что стрелял в нас с Костей из рогатки, когда мы были еще воробьями, и Генку Коромыслова, Венькиного прихлебателя.

«Ладно, Венька! – подумал я про себя. – Твое счастье, что я сейчас бабочка, а то бы я рассчитался с тобой за все!» Тем временем Венька и Генка стали рыскать по траве и искать меня среди цветов. Но я не растерялся. Я, как только упал на землю, сразу же сложил крылья вместе и сделал вид, что я не бабочка, а сухой березовый листик. Ребята топтались рядом со мной, один из них даже отшвырнул меня носком ботинка. Подождав, когда они повернутся ко мне спиной, я подпрыгнул на крыльях и взлетел.

– Вот он! – заорали истребители непарных шелкопрядов, но было уже поздно.

Я уже взмыл высоко в воздух и

совершенно неожиданно оказался рядом с Малининым.

— Я тебе кричу: «Улетай!» — завопил на меня перепуганный Костя. — А ты в цветок лезешь!

— Так ведь они кричали: «Дави шелкопряда!» — а ты сказал, что я капустаник!

— Больно эти оболтусы в бабочках разбираются! — сказал Костя, опускаясь на электрические часы, висевшие на столбе над клумбой.

Я посмотрел, который час, и почесал лапкой затылок. На часах было уже ровно двенадцать, а наша жизнь опять шла совсем не так, как ее расписывал Костя Малинин. Есть хотелось все больше и больше, а Венька с Генкой так и не отходили от клумбы. Они подмигивали мне, махали руками, кивали головой и терпеливо ждали, когда я снова спущусь на клумбу. Как же, нашли дурака! Я думал, что им все-таки надоест ждать и они уйдут, и тогда уж мы с Костей наедемся нектара, но

эти лоботрясы стали опять свистеть, размахивать кепками и называть меня всякими обидными именами и прозвищами.

– От вредителей слышу! – крикнул я, разозлившись. – Зинка Фокина вас в саду на воскресник ждет, а вы здесь с бабочками прохлаждаетесь!

После этого Генка запустил в нас кепкой, а Венька полез на столб и сорвался.

– Здесь не позавтракаешь! – сказал Костя так, словно он знал, о чем я в эту минуту думаю.

Событие двадцать второе

Прощайте, ребята!

Может, больше не увидимся...

– Знаешь что, – сказал я Косте, – давай лучше слетаем на какой-нибудь огород. Там сейчас хорошо, все поспело: и репа, и морковь, и капуста! И цветы там есть. И народу не так много.

— Эх ты, капустник ты несчастный, — сказал Костя. — Да с тобой сейчас нельзя лететь ни на какой огород.

— Это почему это?

— Потому что сейчас на всех огородах таких вредителей, как ты, травят.

— Чем травят?

— Чем? Разными химическими ядами...

После таких слов у меня просто крылья опустились и перед глазами поплыли какие-то разноцветные круги.

— Что же это получается? — возмутился я. — На улице, того и гляди, крылья оборвут, в огороде травят, в небе воробьи клюют... Для чего же мы превращались в бабочек? Чтобы с голоду подохнуть?

— Ладно, Баранкин, — сказал Костя, — не расстраивайся. Угощу я тебя нектаром! Полетели!

— Куда полетели?

— В школьный сад!

— Там же ребята деревья сажают!

— Вот и хорошо! Мы там и нектара в цветнике наедемся, и заодно с нашими ребятами увидимся...

Костя Малинин сказал это так, словно он очень соскучился по нашему классу.

— В школу так в школу! — сказал я. — И ребята знакомые! Может, не тронут...

Мне, правда, и самому тоже почему-то захотелось увидеться с ребятами. Я даже не знаю почему. И хотя в эту минуту мне вообще-то больше всего на свете хотелось есть, мне вдруг гораздо больше захотелось просто пролететь мимо нашей школы, мимо родного класса, с которым у меня было связано столько замечательных воспоминаний!.. Кто сказал «замечательных»? Кто сказал «мимо родного класса»? Неужели это сказал я, Баранкин? Что это со мной происходит? Я, кажется, начинаю уже сходить с ума от этого голода. Чтобы прийти в себя, я взял и

встряхнулся, как собака после купания.

И правильно сделал, потому что после встряхивания мои жалобные мысли, как брызги, разлетелись в разные стороны и мне сразу же стало легче. И теперь я мог думать о встрече мужественно, без всяких переживаний, не то что Костя Малинин. У него, как только он заговорил о ребятах, глаза сделались какие-то большие-пребольшие и, по моему, даже мокрые-премокрые.

— Там и позавтракаем, — сказал грустно Костя Малинин.

— И пообедаем, и поужинаем, — сказал я бодрым голосом, чувствуя, что одного завтрака мне будет мало-вато.

Спорхнув с часов, мы наперегонки полетели к школьному саду. Первый раз в жизни мы мчались в школу с Костей Малининым с такой скоростью, с какой обычно спешили из школы домой. Я, конечно, был уверен, что прилечу в

сад первым. Каково же было мое удивление, когда я сразу же отстал от Малинина на три дома. Я сначала даже не поверил своим глазам. У нас в классе Костя считался самым слабосильным парнем, а со мной на уроках физкультуры даже никто не пытался тягаться. Уж по физкультуре у меня в дневнике всегда была пятерка. Только моя мать почему-то никогда не считала эту пятерку настоящей. Я решил поднажать и замахал своими желтыми треугольниками как сумасшедший, но и это не помогло ни капельки. На своих расфуфыренных крыльях Костя-махаон на этот раз летел, как по линейке, рассекая крыльями воздух и поднимая вокруг себя какой-то художественный свист, а я все время, как и раньше, проваливался в те же воздушные ямы, шатался из стороны в сторону, кувыркался и беззвучно падал то на одно крыло, то на другое.

Заметив, что я отстал, Костя Малинин, к моему стыду, вернулся обратно и сказал мне, Баранкину, первому силачу в классе, слова, которые я не забуду никогда в жизни: «Эй ты, капуста! Ты не можешь лететь побыстрее? Что ты все время отстаешь?» Сказав это, он назло мне опять легко обогнал меня, потом опять вернулся, опять обогнал, крикнул: «Баранкин! Ты что летишь, как пирог с капустой? Жми на все педали! Нектар близко!» Этих слов я Малинину тоже никогда не забуду.

Когда он, загребая своими крыльями, как веслами, еще раз пролетел, торжествуя, надо мной, я взял и схватил его за задние лапы и таким образом прицепился к Малинину на буксир. Убедившись, что я больше от него не отстаю, Костя перестал осыпать меня всякими ядовитыми словечками, и как ни пробовал от меня оторваться, теперь у него из этого ничего не получалось.

— Что-то тяжело лететь стало! — сказал Костя. — Выдох — вдох-ох-ох-ох!

— А по-моему, лететь стало гораздо легче! — сказал я и подумал про себя: «Пусть Костя поработает за двоих, раз у него такие крылья. Я же таскал его на своем хвосте, когда был воробьем, теперь могу и отдохнуть немного».

Сложив крылья, я скользил по воздуху вслед за Малининым, наслаждаясь художественным свистом Костиных крыльев и для вида изредка помахивая своими равнобедренными треугольниками. Так, на буксире, Костя доставил меня до самой школы, до того места, где в саду наш класс сажал деревья.

— Тормози! — крикнул я Косте, когда он, пыхтя, перетянул меня через верхушку дерева и потащил мимо ограды к кирпичному зданию нашей школы.

Опустившись на один из подоконников на высоте третьего этажа, мы

подползли к самому краю и посмотрели вниз. В саду кипела работа. Одни ребята, весело переговариваясь, копали ямки, другие бережно опускали в землю саженцы и поливали их из леек водой. Костя Сергеев нарочно перемазался весь землей и строил всякие рожи. И все смеялись. Все были довольны! И всем было хорошо!

— Ну и пусть работают! — сказал Костя. — Они работают, а мы будем есть нектар. Если бы они узнали, что мы сейчас будем есть настоящий нектар, они бы нам наверняка позавидовали...

— Кому это — нам? — спросил я.

— Нам, бабочкам... — сказал Костя Малинин неуверенным голосом.

Я вспомнил «спящую красавицу», которую склевал бесхвостый воробей, прислушался к урчанию в своем голодном желудке, посмотрел с ненавистью на воробьев, шныряющих в школьном саду, и сказал:

— Да уж, конечно. Они бы нам поза-

видовали... – Я сказал это без всякого энтузиазма, отвернулся от ребят и увидел, как в школьные ворота влетели на велосипеде Мишка Яковлев и Алик Новиков (он сидел на багажнике).

Что-то громко крича, они подкатили прямо к Зинке Фокиной и, соскочив на землю, стали о чем-то рассказывать ей и окружившим ее ребятам. В саду наступила тишина. Никто внизу больше не смеялся, не шутил, а Костя Сергеев даже вытер платком с лица землю и перестал кривляться.

– Что-нибудь случилось, – сказал Костя.

Я помрачнел. Мишка и Алик, поговорив со старостой нашего класса, снова сели на велосипед и укатили. Зинка Фокина посмотрела из-под руки им вслед, затем подозвала к себе еще троих наших ребят, отобрала у них лопаты и дала какое-то задание.

Ребята выбежали на улицу и разошлись в разные стороны.

– Ищут кого-то... – сказал Малинин.

– Не кого-то, а нас с тобой! – сказал я Косте.

– Ну и пусть! – сказал Костя. – Они будут искать, а мы будем есть нектар. Полетели!

Я промолчал. Есть, конечно, хотелось все сильнее и сильнее, и нектар был близок... Но воробьи тоже были совсем рядом, и их чириканье совершенно отбивало у меня всякий аппетит.

«Как бы они нас все-таки не склевали с Костей...» – подумал я, глядя на воробьев, шныряющих среди клумб с цветами. Подумал я об одном, а сказал, конечно, совсем другое.

– Летим! – сказал я громко и решительно и добавил тихо про себя: «Прощайте, ребята! Если нас с Костей склюют воробьи, то мы, наверное, больше никогда не увидимся!..»

Нацелившись на клумбу с цветами, я распустил крылья и прыгнул

ласточкой с подоконника вниз, словно с купальной вышки в холодную воду...

Событие двадцать третье
Противочихательная прививка

В воздухе от цветов опять запахло вкусным нектаром, словно в кухне от маминого печенья. У меня потекли слюнки и опять закружилась голова. Я сложил крылья, нацелился в середину самого большого цветка и нырнул в него вниз головой, но промахнулся (неудивительно!) и воткнулся в траву по самые пятки своих задних лап. Пришлось выбираться из травы и начинать все сначала.

На этот раз я забрался на цветок по стеблю и запустил хоботок в самую середину цветка, туда, где, по моим расчетам, должен был находиться нектар. Однако долгожданного нектара в цветке не оказалось. Запах нектара был, а самого некта-

ра не было. Пахло хорошо, точь-в-точь как в мамином пустом флакончике из-под духов, а поживиться было нечем. Тогда я взял и забрался в цветок прямо с головой, так что у меня наружу только одни крылья и ноги торчали, стал шарить в темноте хоботком по стенкам, но в это время из цветка кто-то полез мне навстречу.

Я решил, что это какая-нибудь

посторонняя бабочка успела раньше меня забраться в цветок и слопать весь нектар. От одной этой мысли меня прямо зло разобрало. Ты из-за этого нектара, можно сказать, жизнью рискуешь, а у тебя его из-под самого носа слизывают. Я взял и боднул бабочку головой. Бабочка угрожающе загудела и боднула меня, затем она уперлась своей головой в мою голову и выдавила меня из цветка наружу, как зубную пасту из тюбика. Я со злости ударил крыльями по тычинкам с такой силой, что цветочная пыльца поднялась столбом и окутала меня, словно облаком. Я от этой пыльцы чуть не задохнулся.

— Ладно, бабочка, — сказал я, разгоняя крыльями пыльцу, — только появись на свет, я тебе все лапы... А-а-п-чхи!!! Я тебе покажу, как чужой нектар... А-а-п-чхи!..

Пока я чихал, смотрю — из цветка вылезает... только не бабочка, а пчела, самая настоящая пчела, вся

полосатая, словно она в пижаме. Вылезла это она из цветка и уставилась на меня своими буркалами. Она на меня смотрит, а я сижу на краю цветка и чихаю на нее и, главное, удержаться никак не могу. А пчела, видно, так растерялась, что даже гудеть перестала. Я чихаю, а она лапой утирается, я чихаю, а она утирается и молчит. Раз десять я, наверное, на пчелу чихнул, не меньше, а потом опомнился и даже в ужас пришел. «Баранкин, — сказал я сам себе, — на кого ты чихаешь, Баранкин? Ты на пчелу чихаешь, несчастный капустник... Вот она сейчас тебе... апчи!.. как сделает противочихательную прививку, тогда ты будешь знать... как чихать на пчел!.. Тебя ведь, когда ты был человеком, кусали один раз пчелы, так что ты... апчи!.. знаешь, чем это пахнет!..»

«Знаю!» — ответил я сам себе и, как сидел на краю цветка, так и повалился навзничь в траву. Перевер-

нувшись несколько раз через голову и смотав поскорее свой пустой хоботок, я выровнял над самой травой полет и стал улепетывать от пчелы в кусты, подальше от цветочных клумб, через дорожку, за деревья, туда, где среди стволов мелькало что-то пестрое, похожее на крылья Кости Малинина.

Я думал, что Малинин позорно бросил меня одного посреди клумбы: оказывается, его в кусты тоже загнала пчела, она и сейчас все еще металась за ним и что-то грозно гудела на своем пчелином языке.

«Так ему и надо! — подумал я, наблюдая, как пчела усердно гоняется за Костей. — Жалко, что пчела только одна. Я бы сейчас сам напустил на Малинина еще штук сто пчел, чтобы он в следующий раз не болтал языком и не вводил никого в заблуждение. «Будем порхать с цветка на цветок!.. Во весь дух! Крылом мах! Словно пух-ух-ух! Нектара наедемся!..» Вот и пусть сейчас его

пчела угостит таким «нектаром», чтоб ему в другой раз не захотелось больше превращаться в бабочку... Апчхи!»

– Спасите! – закричал в это время Малинин. – Баранкин! Где ты? Ой, мама!

Мне хотелось, чтобы пчела подольше погонялась за Костей и как следует его проучила, но, когда он закричал, да еще таким жалобным голосом, мне его даже жалко стало. И потом я вспомнил, что Малинин не человек, а бабочка. Его пчела

ужалит, а он возьмет и заболит или, того хуже, умрет от пчелиного яда. Что я с ним тогда буду делать!.. Я ведь не знаю, как бабочки переносят укусы пчел, а может быть, они их вообще не переносят...

Схватив в лапы легонький сучок, я подлетел к пчеле сзади и изо всех сил ударил ее по голове. Оглушенная ударом, пчела свалилась в кусты, а у меня от голода потемнело в глазах, и я, кренясь на один бок, стал падать в траву...

Событие двадцать четвертое
*...Но в действие вступает
ужасный закон природы*

Когда я открыл глаза, я увидел, что лежу на берегу большой лужи, а возле меня сидит мой лучший друг Малинин и обмахивает меня своими расписными крыльями.

Вообще-то я не знаю, для чего это я открыл глаза. Мне открывать

их совсем не хотелось. И ухать мне больше тоже не хотелось. И охать не хотелось. И ахать не хотелось. И желание визжать от радости тоже пропало. А с чего тут визжать-то? В носу все время эта проклятая пыльца свербит... Ап-чхи!.. И в животе совершенно куда-то исчезло это ощущение, что ты умираешь от радости... Ап-чхи!.. То есть ощущение, что ты умираешь от чего-то, осталось, только вот от чего?.. Наверное, от голода... Все куда-то исчезло. Только одно замирание духа осталось. Дух у меня все время продолжал замирать. И замирал он почему-то все больше и больше. Вот сейчас замрет совсем... и все... Ап-чхи!.. Даже чихать и то сил нет...

— Ты чего лежишь, Баранкин? — спросил меня Костя.

— Захотелось полежать, вот и лежу, — сказал я. — Ап-чхи!..

Да что такое, никак не могу прочихаться.

– Простыл, что ли? – спросил Малинин.

– Не простыл, – сказал я, – а на ухахохался...

Малинин как-то печально-печально покачал головой, сделал выдох – вдох-ох-ох и сказал:

– А знаешь, где еще можно поесть нектар?

– Иди ты со своим нектаром знаешь куда... Апчхи!.. – Я смерил Малинина презрительным взглядом с ног до головы и чуть не расхохотался.

Он сидел на берегу лужи, весь перемазанный цветочной пылью, одно крыло у него торчало торчком, а другое повисло, как ухо у собаки. И вид у него был такой несчастный-пренесчастный, что мне его опять стало ужасно жалко, но на этот раз я взял себя в руки.

Собрав последние силы, я пополз молча к луже и стал с наслаждением пить из нее обыкновенную дождевую воду. Малинин попробовал

еще раз заговорить со мной, но я теперь на все его вопросы отвечал презрительным молчанием. Я решил с ним вообще больше никогда в жизни не разговаривать.

Я демонстративно пил из лужи сырую воду (это вместо обещанного нектара!) и размышлял. Неужели я все-таки ошибся? Да нет, не может же быть, чтобы на земле не было такой жизни, о которой я мечтал там, на лавочке во дворе. Есть такая жизнь, и я ее во что бы то ни стало найду! Просто мы с Малининым Костей, очевидно, не там ее искали. Конечно, наше превращение в бабочек и воробьев было ошибкой. Теперь-то уж это было совершенно ясно. Их жизнь выглядела только со стороны прекрасной, а на самом деле она оказалась просто невыносимой. Но почему? Я молча пил воду, думал, думал и решил, что такой жизни, о которой мы мечтали с Костей, наверное, вообще на земле нет...

В это время мимо меня пробежал по берегу лужи муравей. Муравей то бежал, то останавливался, а я смотрел на него и продолжал мучительно думать: «...Если такой жизни нет на земле, то, может быть, она есть ТАМ, под землей, и если от всяких хлопот и забот нельзя улететь, так, может, от них можно просто взять и спрятаться, взять и скрыться от них, предположим, в том же муравейнике...»

Я проводил взглядом муравья и с сомнением покачал головой. Спрятаться в муравейнике, конечно, можно, а как быть с муравьями? Они же, можно сказать, знаменитые работяги. Сколько я ни наблюдал за ними, никогда я не видел, чтобы муравьи просто сидели бы на месте и ничего не делали. Все время они или куда-то бегут, или откуда-то возвращаются и всегда с собой тащат или какой-нибудь листик, или комочек земли, или хвойную иголку... И на муравейник как ни по-

смотришь, все время они его ремонтируют, с утра до вечера...

Вот так превратишься в муравьев, а они возьмут — и заставят вместе с ними пыхтеть на строительстве... Нет уж, если и рискнуть еще раз, то превратиться в кого-нибудь другого, только не в муравья!.. А в кого? В кого же все-таки нужно превратиться так, чтобы опять не влопаться в эти ужасные перепалки и передряги, из которых мы с Костей еле ноги унесли? В кого же надо превратиться? В кого?..

И тут я вдруг неожиданно вспомнил, как в тот злополучный день на общем собрании Алик Новиков почему-то обозвал нас трутнями! Трутня-ми! Минуточку! Минуточку! А что такое трутни? А трутни — это, между прочим, и есть такие существа, которые ведут такую жизнь, о которой мы мечтали с Костей на лавочке! И не «кажется», а абсолютно точно! Совершенно даже определено! Поэтому они и называются тру-

тня-ми! А если все это так, тогда почему же мы превращались в воробьев и в бабочек? Вот дураки! Какие же мы с Костей были беспросветные дураки!

– Малинин! – закричал я (когда я понял нашу ошибку, я, конечно, сразу же перестал сердиться на Костю и решил тотчас же поделиться с ним своим открытием). – Малинин! – закричал я. – Ох и дураки мы с тобой, Малинин!

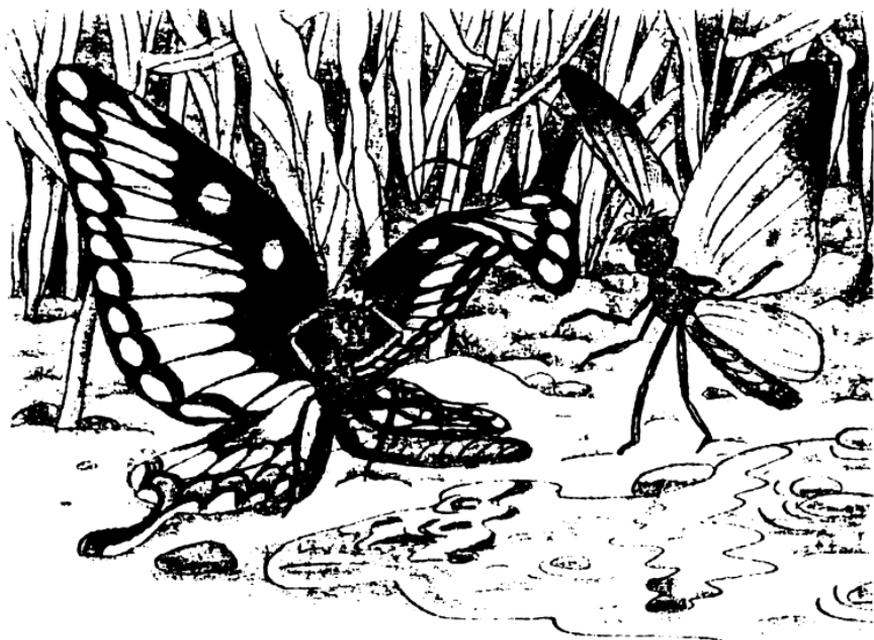
– Конечно, дураки! – согласился со мной охотно Малинин. – Особенно ты, Баранкин!..

– Да я-то, я просто круглый идиот, Малинин! И как это мне сразу в голову не пришло!.. Сколько зря времени потеряли!

– Вот именно! – отозвался Костя.

– И зачем нам надо было превращаться с тобой в воробьев и бабочек?

– Вот я тебя и хочу об этом спросить, Баранкин! – сказал Малинин. – Зачем нам надо было с тобой превращаться в бабочек и воробьев?

– Когда нам надо было сразу же превратиться в трутней!

– Как – в трутней? Почему – в трутней? – закричал Костя Малинин испуганным голосом.

– Потому – в трутней, что трутни потому и называются трутнями, что они в жизни ничего не делают или делают только то, что им захочется! А мы с тобой на лавочке как раз об этом и мечтали!

– Знаешь, Баранкин! – сказал Малинин каким-то противным голо-

сом. — Я из-за тебя уже столько истратил сил на то, чтобы ничего не делать, что уж лучше бы я все время что-нибудь делал!

— Малинин! — закричал я. — Но ведь я тоже не меньше твоего на это сил потратил! А теперь мы превратимся в трутней и от всего этого и отдохнем!

— Как — превратимся! — завопил Малинин. — Опять превратимся?.. Ну знаешь, Баранкин! Хватит с меня, Баранкин! Я и так за эти два раза напревращался по горло!

— Костенька! Так ведь те же два раза не в счет! Раз не в того, в кого надо, превращались, значит, не считается ведь!

— Почему это — не считается?

— Потому что надо же нам в конце концов превратиться в того, в кого надо было превратиться... А превратиться-то нам надо было в трутней!..

— Да в каких трутней?.. — спросил Костя вдруг каким-то спокойным и даже безразличным тоном.

— Ну что ты? — сказал я. — Что ты, не знаешь, что ли, какие бывают из себя трутни?

— Не знаю я, какие из себя бывают трутни, — ответил Малинин, почему-то потягиваясь и зевая.

— Ну что ты, Костя, — сказал я растерянно, — ты должен знать, какие бывают они из себя...

— Почему это я должен?.. А ты сам-то, Баранкин, знаешь?..

Я хотел по инерции закричать, что я, конечно, знаю, какие трутни бывают из себя, но поперхнулся и ничего не сказал, потому что, честно говоря, я... я не имел ни малейшего представления о том, как выглядят эти самые изумительные трутни, в которых нам давно бы следовало превратиться с Костей Малининым! Вместо этого я произнес совсем другое.

— Ну что ты, Малинин, — сказал я, — помнишь, нам Нина Николаевна рассказывала про трутней и рисунки показывала...

– Не помню, – сказал Малинин, – и ты не можешь помнить...

– Это почему?

– Потому что на этом уроке мы с тобой вместе изобретали новый язык...

Это правда, на том уроке мы с Костей действительно оба не слушали Нину Николаевну: в это время мы изобретали новый язык. Задача была трудная, нужно было изобрести такой язык, который на всем земном шаре понимали бы только два человека – я и Костя Малинин. Ясно, что нам было не до Нины Николаевны и не до трутней...

– Подожди, Малинин, – сказал я, – но ты же иногда посматривал на доску?

– Ну и что?

– Так, может, ты хоть случайно запомнил, как выглядят эти трутни?..

– Ничего я не запомнил, – сказал Малинин, снова потягиваясь и зевая.

— А ты, может, мне это нарочно говоришь, чтоб не превращаться в трутней?

— Да честное слово!!!

Это был ужасный удар. Ни я, ни Малинин не имели ни малейшего представления о том, как выглядят трутни, в которых нам следовало превратиться...

Это что же получается? Значит, перепревращение отменяется?! Значит, перепревращение не состоится?! А как же ОНО может состояться, Баранкин, если ты не представляешь, как выглядит ТО, во ЧТО ты должен перевоплотиться! И зачем только я на том уроке занимался посторонним делом! Эх, Баранкин, Баранкин! Нину Николаевну надо было слушать, а не новый язык изобретать!

— Тру... тру... тру... — вдруг ни с того ни с сего забормотал Малинин себе под нос. — Вспомнил, вспомнил... Пчелки такие маленькие... с кры... с кры... с кры...

С этими словами Малинин как-то странно закачался и стал валиться на бок.

– С кры... с кры... с кры... с крыльями! – подхватил я. – Правильно, Малинин!..

Вспомнил! Теперь и я тоже вспомнил рисунок трутней, что висел на доске в нашем классе... Это были пчелы, такие маленькие пчелы нашего, мужского, как говорится, рода с небольшими прозрачными крылышками...

Всё!!! Вот теперь наконец-то мы отдохнем с Костей по-настоящему, как полагается! Отдохнем от всего на свете. Все надежды, весь мой энтузиазм и даже впустую потраченные силы – все, все вернулось ко мне!

– Вставай, Малинин! – закричал я на Костю. – Нечего тебе тут разлеживаться! Работать надо! – сказал я, подразумевая под словом «работать» то самое единственно необходимое, единственно правильное, единственно

недурацкое превращение в трутней, которое предстояло нам сейчас совершить. — Вставай же, Малинин! — завопил я не своим голосом, весь дрожа от нетерпения и желания пополнить Костиной и моей персоной ряды трутней на земле.

Однако мои радостные крики почему-то не произвели на Костю никакого впечатления.

Малинин, все еще продолжая лежать на боку, что-то забормотал мне в ответ, но я не понял ни одного слова.

— Что ты говоришь? — спросил я его.

— Хр-ры... — сказал Костя.

— Костя, да что с тобой? — закричал я на Малинина изо всех сил и стал трясти его за лапку. — Ты что?.. Ты притворяешься, что спишь, что ли? Значит, не хочешь все-таки превращаться в трутней! Ну и черт с тобой! Я и один могу!

— Хр-ры! — отозвался Малинин и тут же начал чуть слышно бормотать

такую чепуху, что я сразу понял: Костя не притворяется, он спит!

Костя Малинин спит! Он уснул. Вспомнил про трутней и уснул в последний момент! Уснул в такую минуту! Перед таким превращением! Уснул по всем ужасным правилам и законам природы, по которым осенью засыпают все настоящие бабочки... Уснул и даже не предупредил меня, а еще говорил, что этот «закон» на нас, на человекообразных бабочек, не распространяется, а сам взял и уснул, как та самая «спящая красавица», которую склевал воробей... Хорошо, что поблизости нет воробьев... Нет! Пока нет, а долго ли им появиться? Надо будить Костю Малинина, скорее будить... Будить, пока не поздно, пока не появились проклятые воробьи!

Я теребил Костю за лапы, я толкал его в бок, я дергал его за крылья, но все было напрасно — Костя Малинин не просыпался. Мне стало не по себе.

– Костя! – заорал я. – Проснись сейчас же! Слышишь? Или мы с тобой на всю жизнь поссоримся!

– Хр-р-ры... – сказал Костя Малинин.

«Если он заснул как человек, то я его, конечно, разбужу, – подумал я, – а если он заснул, как бабочка, до самой весны, да еще по расписанию, то я... то я!.. его все равно разбужу! Я должен его разбудить во что бы то ни стало! Надо ему... Что ему надо?.. Нет, надо его!.. Что его надо?.. Знаю!.. Надо его облить водой!..»

Я слетел с камушка к луже и стал набирать через хоботок воду и тут услышал приближающиеся из-за кустов голоса ребят из нашего класса...

Событие двадцать пятое
*Такая бабочка, как я,
у них в коллекции есть*

– Несправедливо! – сказал Костя Семенов, появляясь из-за куста. –

Мы здесь все работаем, а Баранкин с Малининым где-нибудь в кино сидят...

Все зашумели, а я подумал про себя: «Вам бы такую картину показать, какую мы с Костей видели!..»

— Правильно говорит Семенов! — сказала Вера Большова. — Если работать, так всем, а не работать, так тоже всем...

— Баранкин с Малининым сбежали, а Смирнов и Пенкин вообще не явились! — сказал Семенов.

«Вот еще не вовремя приперлись сюда, — подумал я, прячась за кустик травы. — Интересно, долго они собираются здесь торчать или нет?..»

— Да выгнать этого Баранкина из школы, и все! — закричала Эрка не своим голосом. — Хватит с ним нянчиться!..

— Куда его выгнать? — сказала Фокина. — На улицу, что ли?

— Почему — на улицу? — ответила Кузякина. — Перевести в триста пятнадцатую школу...

— А почему в триста пятнадцатую? — спросил Костя Семенов.

— Потому что мы с этой школой соревнуемся... Вот и пусть Баранкин там получает двойки! Нам это будет даже выгодно!..

— Значит, ты, Эра, предлагаешь перевести в другую школу Юрины двойки? — сказала Фокина. — А что с Баранкиным делать?

— Ладно, вы тут разбирайтесь, а мы пошли газировку пить! — сказал Костя Семенов.

— Надоело про этого Баранкина слушать, — добавил Валя Череваткин. — Пошли.

— Юннатов прошу остаться! — сказала Зинка Фокина.

Ребята ушли, а девчонки расселись на полянке вокруг Зинки Фокиной, хихикая и о чем-то переговариваясь между собой.

— Тише, девочки! — сказала Фокина, раскрывая толстую книгу. — Не отвлекайтесь, пожалуйста! Темой нашего сегодняшнего занятия являются...

– Бабочки! Бабочки! – заверещали девчонки все вместе, размахивая сачками.

– Правильно! Бабочки! – подтвердила Зинка и стала листать книгу.

Бабочки? Это что значит? Это значит... Я и Костя – тема сегодняшнего занятия... Ну, знаете! Я чуть было не поперхнулся той самой водой, которой собрался опрыскивать Костю Малинина. Вот тебе раз!.. Теперь мне понятно, зачем эти юннатички-лунатички с собой сачки притащили: чтобы ловить нас, бабочек. Пожалуй, в таких условиях будить Костю даже опасно... Я выпустил из хоботка воду. Проснется еще, крыльями как замахает спросонок, а девчонки его тут цап-царап... Что же с ним делать? Вот задача! Спрятать его, что ли?.. Вон клочок газеты. Взять и прикрыть его бумагой, чтоб никто не видел... Я вцепился в клочок газеты и стал тащить его в сторону Кости Малинина.

Зинка Фокина поправила очки,

откашлялась и стала читать ужасно противным голосом:

– «Бабочки – одно из интереснейших явлений в мире насекомых...»

Я остановился на минуту, чтобы передохнуть, и с новыми силами поволок обрывок газеты через дорожку (самое опасное место! Как бы не заметили!). Перетащив бумагу через дорожку, я залез в траву и оглянулся. Все было как будто бы в порядке. Костя Малинин продолжал как ни в чем не бывало храпеть во сне. Девчонки сидели смирно. Фокина продолжала бубнить:

– «...Большое значение бабочки имеют и для хозяйственной деятельности человека...»

– Ой, Зиночка! Бабочка! Бабочка! – закричала вдруг одна из юннаток нечеловеческим голосом.

Я повернулся на голос и замер.

– Где? Где бабочка? Какая бабочка? – загалдели сразу все девчонки.

– Да вот же! Возле лужицы в траве! Неужели вы не видите?!

Зинка Фокина закрыла книгу, впиалась в траву глазами и насторожилась, как собака-ищейка. Я от ужаса просто вспотел.

«Все пропало! – мелькнуло у меня в голове. – Кого-то из нас заметили! Но кого? Меня или Костю?.. Только бы не Костю, только бы не Костю!..»

Наступила тишина. Я стоял как дурак возле клочка газеты, утирая лапой пот со лба, и глядел на девчонок. Мне казалось, что они все смотрели на Костю Малинина, а я стоял как дурак и смотрел на них (а что я еще мог делать?).

– Так, – сказала Фокина, поправляя очки и глядя куда-то в мою сторону, – капустница из семейства белянок. Не обращайтесь внимания, девочки! Такая бабочка у нас в коллекции есть!.. – Она снова уткнула свой нос в книгу, а я от радости даже разозлился.

«У них в коллекции есть такая бабочка, как я!.. Как же!.. Держите карман шире! Юннатики-лунатики!»

Я сделал лапой «нос» девочкам, которые после слов Фокиной сразу же потеряли ко мне всякий интерес. Впрочем, теперь мне это было на руку, теперь я мог, не привлекая к себе внимания, в два счета загородить Костю клочком газеты от глаз девочек.

На счет «раз» я подтащил бумажный клочок к Косте, на счет «два» я стал поднимать клочок на ребро. Но взявшийся неизвестно откуда ветер вырвал бумагу из моих лап и понес над травой.

– Ой, Зиночка! – снова завереща-

ла одна из юннатов, как будто ее змея ужалила. — Вы только посмотрите, какая бабочка! По-моему, у нас такой в коллекции нет!

— Девочки! Вы перестанете отвлекаться? — сказала Фокина недовольным голосом. Она отвела свой взгляд от книги и так и застыла с вытаращенными глазами. — Что такое?.. — зашептала она испуганно. — Не может быть! Ой, девочки! Я, наверное, сплю! Ущипните меня!.. Ой, девочки! Да ведь это же ма-ха-он! Самый настоящий Мааков махаон из Уссурийского края... Как же он здесь очутился? Махаон в нашем городе? Вот чудеса! Поразительное явление! Целое открытие! Тема для научного доклада!

Бормоча эти слова, Фокина успела тихонечко взять у одной из девочек сачок, подняться, сделать шаг вперед и застыть на одной ноге.

Итак, случилось то, чего я боялся больше всего на свете: кружок юннатов во главе с Зинкой Фокиной обнаружил спящего махаона, то есть не

махаона, а спящего Костю Малинина, и сейчас моему лучшему другу грозила, быть может, самая смертельная опасность из всех опасностей, каким мы подвергались с ним все э-т-о в-р-е-м-я...

– Девочки! – скомандовала шепотом Фокина остолбеневшим юннаткам. – Окружайте, только тихо... Чур, ловить буду я сама!..

Молча, с сачками на изготовку, девчонки стали окружать спящего Малинина, того самого Костю Малинина, которого они, по своему неведению, считали Мааковым махаоном, чудом залетевшим в наш город из далекого Уссурийского края!..

Событие двадцать шестое
В морилку, потом в сушилку...
и в распрямилку...

– Сейчас мы его поймаем! – прошипела шепотом Фокина, качаясь на одной ноге и боясь спугнуть Ко-

стю. — Поймаем — и в морилку, потом в сушилку, потом в распрямилку...

— Хр-р-ы... — донесся до меня голос сладко спящего Малинина...

Костя спал и даже не предполагал, какую страшную гибель готовила ему староста нашего класса Зинка Фокина. Нельзя было терять ни одной минуты.

Тем более что вернувшиеся с улицы ребята тут же присоединились к Зинке Фокиной и тоже выразили самое горячее желание поймать Костю Малинина, то есть махаона, и посадить его в морилку. (Вот лоботрясы несчастные! Что угодно согласятся делать, лишь бы не работать!)

Появившиеся на участке Венька Смирнов и Генка Коромыслов тоже решили принять участие в этом ужасном деле. Венька растолкал девчонок, взглянул на Костю Малинина и заорал: «Да мы же этого типа с Генкой недавно на улице ловили!..»

Зинка Фокина, вместо того чтобы сделать Смирнову и Коромыслову выговор за опоздание на воскресник, только зашипела на Веньку, а девчата, воспользовавшись суматохой, отеснили всех ребят в кусты и стали осторожно сжимать вокруг Малинина Кости смертельный круг.

Что же делать? Что делать?

Я выпорхнул из травы, налетел на Зинку Фокину и стал виться вокруг ее правого уха и умолять ее, чтобы она оставила в покое Костю Малинина.

— Зиночка! — кричал я. — Остановись! Это же не бабочка! Это человек в виде бабочки! Не махаон это! Это Малинин!

Но Зинка Фокина отмахнулась от меня, как от надоедливой мухи.

— Девочки! Да что же вы делаете! — кричал я изо всех сил.

Но они все словно оглохли и ослепли: они меня не видели и не слышали, словно я и вообще не существовал на свете.

Страшное кольцо продолжало сжиматься вокруг Кости Малинина все тесней и тесней.

Я заметался, потом взлетел вверх; оставалось только одно: сбить спящего Малинина с камня — взять его на таран! Быть может, он хоть от удара проснется. Сложив крылья, я ринулся вниз, скользнул над травой и что есть силы ударил Костю головой в бок. От сильного удара в голове у меня все помутилось и перед глазами поплыла радуга, а Костя сорвался с камня, подпрыгнул, подлетел,

проснулся в воздухе и как очумелый закрутил глазами.

— Костя! Делай свечку! Свечку делай! — заорал я не своим голосом.

— Какую свечку? — сказал ничего не соображающий Костя Малинин, протирая заспанные глаза.

Тогда я схватил его за лапу и потащил за собой в небо круто вверх. И откуда у меня только сила взялась? В одну секунду я поднял Костю Малинина, как на лифте, выше кустов.

Внизу, где-то там, под нами, раздался дикий визг.

— Это что, большая перемена? — спросил меня Костя одуревшим от сна голосом и закрыл глаза.

— Какая еще перемена? — сказал я и наподдал Косте сзади лапой, чтобы он хоть немного пришел в себя. В глазах у меня все еще продолжало сиять какое-то северное сияние. — Ты что, еще не проснулся, что ли?

— Сейчас, сейчас! — сказал Малинин. — Сейчас я наемся нектара и

сяду за геометрию... А этому Мишке надо крылья оборвать...

– Какому Мишке?

– Яковлеву... из семейства отличников. Чтобы он не соглашался другой раз заниматься с нами в воскресенье... – Малинин хотел сказать что-то еще, но вдруг перестал махать крыльями, громко захрапел и начал валиться в кусты, в самую гущину листьев.

– Костя! Не засыпай! Пропадешь! – рывкнул я и стал валиться вслед за своим другом в кусты сирени, цепляясь на лету крыльями за сучки и листья.

От удара о ветку Костя опять проснулся. По ветке взад-вперед ползали муравьи; они мельтешили у меня под ногами, и мне пришлось двум из них дать хорошего пинка, чтобы они не путались не в свое дело в такой, можно сказать, критический момент.

– Сейчас же превращайся из бабочки в трутня, слышишь? – сказал я Косте, разгоняя муравьев.

– В какого трутня? Из какой бабочки? Ты что, Баранкин, свихнулся, что ли? – сказал Малинин и повалился на бок.

Вероятно, у спящего Малинина так все перепуталось в голове, что он уже ничего не соображал и вообще нес какую-то страшную ахинею. Тогда я его приподнял за крылья:

– Превращайся в трутня! Слышишь, Малинин?

– Как это может человек превратиться в трутня? Ты, Баранкин, фантазей... из семейства человеков... то есть че-ло-ве-ков... то есть... я спать хочу, – сказал Малинин и повалился на другую сторону.

Было слышно, как по саду с криком и визгом продолжали рыскать девчонки. Если они заметят в кустах яркие крылья Кости-махаона, мы пропали.

– Ты превратишься в трутня или нет? Последний раз тебя спрашиваю! – Я снова поднял упавшего на бок Малинина, при этом я успел

лягнуть задними лапами двух нахальных муравьев, которые намеревались заползти мне под самое брюхо.

— Ладно, Баранкин! — промычал Костя. — Если уж тебе так хочется... Только я сначала посплю...

— Нет! Сначала ты превратишься в трутня, а потом будешь спать! Слушай мою команду! — Я схватил Костю за передние лапы и стал изо всех сил трясти его, приговаривая: — Повторяй за мной! Повторяй за мной!

Ни ночью, ни днем
Не хочу быть мотыльком!
Всех на свете лучше
Быть, конечно, трутнем!

— Вот он где спрятался! — взвизгнул невдалеке голос Зинки Фокиной. — Я так и знала, что он далеко не улетит! Девочки! Окружайте куст!

«Все! Нас обнаружили! Мы пропали! — подумал я. — И Малинин

опять заснул! И теперь я с ним уже ничего не смогу поделаться!»

У меня при одной этой мысли опустились крылья, и я даже не стал распахивать муравьев, которые опять напоззли с разных сторон.

«Пусть ползают, — произнес я мысленно, — теперь все равно...»

И вдруг именно в эту минуту раздался смех Кости Малинина.

Я с ужасом посмотрел в его сторону — уж не сошел ли он во сне с ума от всех этих переживаний — и вижу, как два муравья ползают возле его брюха и щекочут Костю своими усиками. Они его, значит, щекочут, а он, значит, смеется, тихо, правда, но смеется, спит и смеется. Вот балда, как же это я забыл, что Костя Малинин больше всего на свете щекотки боится. Я еще в лагере его сколько раз будил при помощи щекотки. Вот спасибо муравьям, что надоумили. И, не теряя больше ни секунды, я всеми четырьмя лапами сразу стал щекотать Костю под мышками.

Тихий смех Кости-махаона сразу же перешел в хохот, и он проснулся. Сразу же проснулся! И глаза открыл, — и совершенно спать перестал.

Трясется весь, хохочет, заливается как сумасшедший, лапами за живот хватается и говорит, захлебываясь от смеха:

— Ой, Баранкин! Ха! Ха! Зачем ты меня щекочешь? Ха! Ха! Ха!

— Ха! Ха! Ха! — отвечаю я Малинину.

Меня тоже в эту минуту разобрал смех, во-первых, на нервной почве, во-вторых, очень уж я обрадовался, что Костя проснулся от этого ужасного сна и окончательно пришел в себя. Я от этой нервной радости даже на время забыл о той смертельной опасности, которая еще продолжала грозить Косте Малинину. А главное, хоть Костя и проснулся, я все равно продолжал его щекотать. Кто его знает! Перестанешь щекотать, он возьмет и опять заснет.

— Да ну вас! — сказал Костя Малинин мне и муравьям, отталкивая меня и муравьев от себя. — Расщекотались здесь! Ха-ха! А что это там за шум! Ха-ха-ха!

И здесь я снова с ужасом вспомнил о том, что грозит моему лучшему другу, и не только вспомнил, но и понял, что, судя по голосам, Зинка с девчонками уже начали окружать наш куст.

— Малинин! — заорал я. — Сию же минуту сосредоточивайся и начинай превращаться в трутня!

— Почему — в трутня? В какого трутня? — спросил Костя, сладко потягиваясь.

— Потому что там Зинка Фокина с юннатками. Они тебя как махаона хотят запрятать в морилку! Потом в сушилку! Потом в распрямилку!

— Как — в морилку? Зачем в морилку?

— Для коллекции! — заорал я.

При слове «коллекция» с Малинина сон прямо как рукой сняло, и

он, очевидно, сразу все, все, все вспомнил, понял все, все, все, понял и осознал весь ужас положения, в которое мы с ним попали. Еще бы! Что такое коллекция, Костя знал хорошо, ведь он сам был когда-то юннатом и у него у самого когда-то была такая коллекция, в которую так хотела сейчас упрятать его Зинка Фокина.

— Что же ты меня сразу не разбудил?

— Я еще тебя не разбудил?! Скажи спасибо мурашам. Это они меня надумили... В общем, скорей повторяй за мной!

Я стал орать Малинину заклинание в самое ухо, а сам вижу, что он меня совсем не слышит, он, очевидно, при слове «коллекция» от ужаса обалдел и вообще перестал понимать, что я от него хочу.

Я ору изо всех сил:

Всех на свете лучше
Быть, конечно, трутнем!

А Малинин все молчит, потом вдруг как заорет:

Ой, мамочка!
Я не хочу быть бабочкой!
Хорошо быть мурашом!
Бабочкой нехорошо!

Я сначала даже не понял, что на этот раз мы с Малининым начинаем превращаться в совершенно различных насекомых и наши пути, как говорится, расходятся в разные стороны. Я хочу стать трутнем, а Малинин хочет связать свою жизнь с муравьями! Зачем он это делает? Неужели он не соображает, что там его ждет? Да нет, он сейчас, по-моему, вообще ничего не соображает. Он сейчас соображает только одно, что лучше быть живым трудящимся муравьем, чем мертвой бабочкой.

Как вы думаете, мог я оставить Малинина одного в такой ситуации? Мог я сам стать долгожданым трут-

нем, а Малинину позволить превратиться в рабочего муравья? Конечно, не мог! Отвечаю я за Малинина или не отвечаю? Отвечаю, и еще как отвечаю, головой своей отвечаю! Ведь это я его втравил в эту историю, а не он меня.

В эту минуту за кустами, в довершение всего, раздался прямо какой-то лошадиный топот, треск ломаемых сучьев. За листвой со всех сторон замелькали разноцветные сачки, несколько девчонок взгромоздились с сачками даже на дерево и тем самым отрезали нам с Костей последний путь к спасению.

Все! Мне ничего больше не оставалось делать, как набрать в легкие побольше воздуха и вложить все свои последние силы в заклинание, которое в горячке придумал этот псих Малинин.

Ой, мамочка!

Я не хочу быть бабочкой, —

затараторил я вслед за Костей Малининым. —

Я уверен, хорошо
Быть на свете мурашом!..

«Ой, я был в этом не уверен, совсем не уверен! Малинин, что мы с тобой делаем? И зачем только мы с тобой превращаемся в муравьев?!»

Это была последняя мысль, мелькнувшая в моей измученной бабочкиной голове, разрывавшейся от забот, тревог, ужаса и волнений...

Часть четвертая

КАРАУЛ! МИРМИКИ! ГИБЕЛЬ МАЛИНИНА

*Событие двадцать седьмое,
неприятное для Зинки Фокиной
и спасительное для нас с Костей*

— Зиночка, — прошипела какая-то девчонка за кустом. — А если полетит капустница, что с ней делать?

Говоря о капустнице, девчонки, конечно, имели в виду меня, Баранкина. Поэтому для меня этот вопрос прозвучал так: «Зиночка, а если полетит Юрка Баранкин, что с ним делать?»

– Тоже в морилку! – ответила Зинка Фокина. – Махаон у нас будет экспонатом, а на капустнице я буду учить вас работать с распрямилкой.

«Дождался, Баранкин!» – подумал я про себя, прислушиваясь к звукам, долетавшим из-за куста. Судя по всему, там шли последние приготовления к штурму куста сирени: звякали флаконы, шуршали коробки для упаковывания бабочек, доносились страшные вопросы и еще более ужасные ответы.

– Зиночка, а если махаон (то есть Костя Малинин) попадет в сачок, можно его за крылья брать?

– Ни в коем случае! Нужно, чтобы у бабочки были непотертые крылья... Приготовьте морилки! Нина, у кого булавки для накалывания?..

- У меня.
- Приготовь булавки!
- Ой, я боюсь!
- Катя! Возьми булавки ты!.. Зоя, веди наблюдение!..
- Я и так веду!
- Все готовы?
- Вссе! – зашипели девчонки, как змеи.
- Открыть морилки!

Морилки были открыты – в воздухе запахло табаком. Кто-то громко чихнул. Кто-то сказал: «Ой, я боюсь!» Одна девчонка обожглась о крапиву и заойкала. На нее все зашикали. Раздался треск осторожно раздвигаемых сучьев. Вопросы:

- Где они?
- Вон они!..
- Где? Не вижу! На нижней ветке, что ли?
- Да нет! Выше!
- Выше?
- Ниже!
- Еще ниже! Правее! Теперь левее!

Вон сухой лист, а рядом две бабочки!..

– Ой, девочки! Действительно!..

– Тише вы там!

Шорох раздвигаемых веток усилился, и покрасневшее лицо Фокиной, исцарапанное и покрытое паутиной, показалось в самых дремучих зарослях сирени; глаза, как у безумной, забегали по листьям.

– Ну что там, что там, что там?.. – зашипели со всех сторон девчонки.

– Никого... – сказала Зинка Фокина растерянным голосом.

Конечно, если бы Зинка Фокина повнимательней пригляделась к тому месту, на котором она сама, своими глазами, несколько минут назад видела двух бабочек, то она при желании могла бы заметить двух маленьких черненьких муравьев, вцепившихся всеми шестью лапами в шероховатую кору сирени, но Зинке Фокиной было не до муравьев. Она еще раз пошарила печальными гла-

зами по веткам и, глубоко вздохнув, произнесла:

— Как сквозь землю провалились... Никого!

— Как это — никого?.. А мы кто такие? — прошептал один муравей другому.

Голубоглазый рассмеялся, пошевелил усиками и стукнул лапой по плечу муравья с темными глазами.

Черноглазый муравей посмотрел на расстроенное лицо Зинки Фокиной, тоже пошевелил усиками, но ничего не сказал.

— Не может быть! — прошептала Зинка Фокина. — Я же своими глазами видела... Не могли же они сквозь землю провалиться!.. — Она еще раз обшарила весь куст мокрыми от слез глазищами и сказала: — Черт побери! Вот черт побери!

— Ругается! — обрадовался голубоглазый муравей (это был, конечно, Костя Малинин). — Ругается! — сказал он, потирая лапы. — Зин-зин-

зинка Фокина чертыхнулась два раза! Вот здорово!

Костя подкрутил свои усики, хлопнул муравья с черными глазами по спине (это был, конечно, я, Баранкин!) и весь затрясся от беззвучного смеха.

Зинка Фокина сделала шаг назад. Ветки со свистом сомкнулись, и мы с Костей остались одни на раскачивающемся сучке сирени.

— Урра! — сказал Костя Малинин. — Опасность воздушного нападения миновала! Отбой!

Костя Малинин радовался, он радовался как человек, то есть он радовался как муравей, избежавший смертельной опасности, когда он был еще мотыльком. Его веселый муравьиный голос напоминал сигналы электрического зуммера.

Хотя я тоже, как и Костя, избежал смертельной опасности и успел вовремя превратиться в муравья, но я не очень-то радовался: ведь если мы успели превратиться в муравьев,

то мы с таким же успехом могли превратиться и в трутней. А от муравьиной жизни я абсолютно не ждал ничего хорошего, поэтому я не стал разделять Костиных восторгов, а мрачно сказал:

– Эх, Малинин! Что ты наделал, Малинин!

– А что я? – прозудел весело Малинин. – Что я, по своему желанию уснул, что ли? Это же закон природы!

– Да я не про закон природы! Я говорю: «И зачем мы только из-за тебя превратились в муравьев, а не в трутней?»

– Если бы тебе гро-зи-зи-ло попасть в коллекцию, стал бы ты очень выбирать, в кого тебе превратиться...

Я на это ничего не сказал Малинину, потому что в его словах, безусловно, была доля правды.

– И вообще, Баранкин, – продолжал Костя, – трутни – это ведь вроде муравьев, только с крыльями-

ми, а нам с тобой крылья ни к чему, мы с тобой налетались уж на этих крыльях. Давай уж лучше уползем-зем-зем от всего света под землю, в муравейник. Уж там мы с тобой никого не встретим — ни юннатов, ни отличников, ни кошек, ни воробьев...

— Очень ты спрячешься в муравейнике, — налетел я на Малинина: его глупые рассуждения меня просто разозлили. — «Уползем-зем-зем»!.. Ты что, не знаешь, что ли, что муравьи — это самые-самые трудящиеся насекомые на всем свете? И что их каждый день заставляет работать... этот, как его, инстинкт?

— Почему не знаю! — стал оправдываться Малинин. — Очень даже знаю, что муравьи трудящиеся. Но ведь сегодня выходной день!

Такое заявление со стороны Кости Малинина для меня было совершенно неожиданным.

— Ну и что, что выходной? — опешил я.

— А в выходной они, наверное, не работают!

— Значит, по-твоему, в выходной день инстинкт на муравьев не действует, что ли?

— Знаешь, Баранкин, — сказал Малинин убежденным голосом, — я вообще считаю, что никакого инстинкта нет.

— Как — нет? — снова опешил я. — Нам же его преподают в школе!

— Ну и что, что преподают?.. Просто этот инстинкт все учителя нарочно придумали, чтобы нам вопросы задавать на уроках! Соображаешь?

Когда Малинин мне все это высказал, я сразу же стал соображать: а может быть, действительно Костя прав и никакого инстинкта у муравьев вообще нет, а выходной день, наоборот, есть... А если выходной день у муравьев есть, тогда нет ничего страшного в том, что мы превратились не в трутней, а в мурашей... Конечно, у муравьев есть вы-

ходной день!.. А может быть, все-таки нет? Я попробовал представить себе жизнь без выходных дней и не смог. Еще я вспомнил беседу, которую в школе проводил с нами доктор. Беседа была о том, что надо обязательно отдыхать каждый выходной день. Если людям надо отдыхать каждое воскресенье, то муравьям тем более: они ведь такие маленькие и слабые. Нет! Конечно, у муравьев должен быть выходной день, и он у них, конечно, есть! А если выходной есть, тогда, пожалуй, все в порядке! И можно не вешать нос, то есть усы, и можно бежать в муравейник и занять там какую-нибудь отдельную комнату, и начать ходить там на голове, и вообще делать все, что только тебе вздумается. Здорово я развеселился от этих мыслей.

— Малинин! — прозудел я, спрыгивая с ветки на землю. — Сейчас мы разыщем с тобой муравейник, займем отдельную комнату, запремся, закроем дверь на замок и...

– У них же нет, наверное, дверей и замков в комнатах, – усомнился Костя.

– Не важно! – сказал я, развеселившись еще больше. – Важно, что комнаты есть, а уж загородиться чем-нибудь от всего на свете мы сумеем! Мы с тобой бабочки ученые и воробьи стреляные, нас теперь на мякине не проведешь!

Я побежал по земле и на радостях ударил лапой попавшееся мне на пути круглое семечко, напоминавшее по форме футбольный мяч.

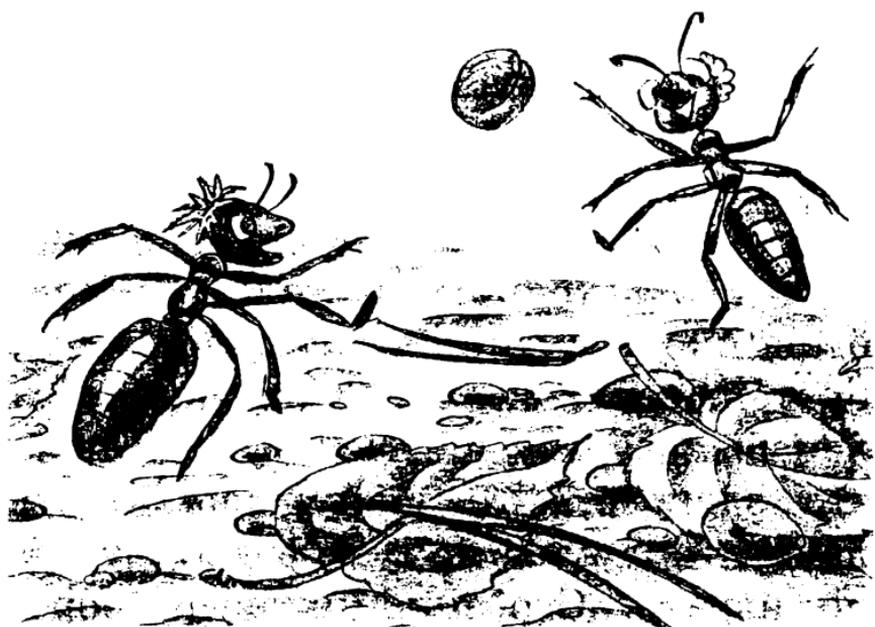
Костя Малинин принял мою передачу и отпасовал семечко обратно. Только здесь, на земле, я разглядел хорошенько Костю-муравья. Он весь блестел так, словно его начистили сапожным кремом, и талия у него была очень смешная – тонюсенькая-претонюсенькая, как у девчонки, и лап было сразу шесть штук. «Очень это здорово, что у муравья шесть лап, – подумал я, – в футбол удобно играть. Особенно бить по воро-

там, со всех шести лап. И в воротах стоять тоже удобно: на двух лапах стоишь, четырьмя ловишь мяч...»

В доказательство своей мысли я подпрыгнул в воздухе и ловко принял на грудь семечко-мяч всеми четырьмя лапами сразу. В обнимку с мячом я упал на землю и покатился, громко смеясь от удовольствия.

— Куча мала! — крикнул Костя Малинин и повалился на меня.

Мы начали было кувыркаться, но тут я заметил, что из леса, то есть

из травы, навстречу нам вышло человек шесть муравьев. Я, конечно, очень обрадовался. Вскочил.

— Здорово, ребята! — крикнул я муравьям, поднимая в знак приветствия все четыре лапы. Потом я ударил по мячу лапой и сказал: — Может, по случаю выходного в футбол сыграем, ребята?.. Вас сколько человек? Шесть? И нас двое! Как раз! Разделимся на две команды по четыре! Чур, я — центр нападения!

Настоящие муравьи как-то странно посмотрели на меня, похлопали друг друга усиками, пошептались между собой, дали задний ход и тихо скрылись в зарослях травы.

Мы с Костей побежали их догонять, но в соседнем лесу, то есть в траве, уже никого не было, зато совсем рядом внизу, под пригорком, мы обнаружили дорожку, по которой шло самое оживленное муравьиное движение.

Муравьи сновали взад и вперед. Одни из тех, что были поменьше

ростом, несли на себе комочки земли, палочки, листики, хвойные иголки. Другие муравьи, широкоплечие, с большими головами и огромными челюстями, волокли гусениц, мертвых мух и жуков...

— Что это они, Малинин? — спросил я Малинина, насторожившись. — Работают, что ли?

— Да что ты, Баранкин, — ответил Малинин, — это они гуляют по своей главной улице.

— Как — гуляют? — спросил я недоверчиво.

— Так, гуляют. Сегодня же воскресенье!

— А зачем же они тащат на себе всякие бревна и камни, если сегодня воскресенье?..

Малинин промолчал.

— А по-моему, они не гуляют, а работают...

— Ну что ты, Баранкин, — возмутился Малинин, — какая же работа может быть в выходной день?

– А бревна на плечах? – спросил я Малинина.

– А бревна... – ответил Малинин. – А бревна... Это у них так принято – гулять с бревнами на плечах!

– Принято? – переспросил я, потом потер глаза лапами, уставился повнимательней на муравьев, и сердце у меня заныло от какого-то очень нехорошего предчувствия.

Это ощущение возникло у меня и от того, что я увидел, и еще от фразы Малинина, которую он произнес, глядя на муравейник.

– Знаешь что, Баранкин, – сказал Костя, – давай лучше не пойдём в муравейник, давай лучше гулять одни, где-нибудь там... – И Костя махнул лапой в сторону, совершенно противоположную муравейнику.

Собственно говоря, я это и сам хотел предложить Косте, просто он немного опередил меня с этим предложением, поэтому я, не колеблясь ни секунды, сказал:

– Давай, Малинин, давай! Включай, Малинин, задний ход. – «Пока не поздно», – хотел добавить я, но промолчал.

Мы хотели попятиться прочь от муравейника, но здесь с нами обоими случилась непонятная вещь: вместо того чтобы пятиться назад, мы стали пятиться вперед, прямо по направлению к муравейнику. Я ясно чувствовал, что я делаю это вопреки своему желанию, чувствовал и понимал, но ничего не мог с собой сделать, потому что какая-то неведомая сила медленно, шаг за шагом, стала приближать нас с Костей к муравейнику.

Событие двадцать восьмое
Мы ремонтируем муравейник

Медленно, нехотя, вопреки своему желанию мы продолжали с Костей приближаться к снующим взад-вперед муравьям, и с каждым шагом

мне становилось все ясней и ясней, что все муравьи, все до одного, заняты делом, несмотря на то что для всех людей этот день был выходным днем.

Муравьи работали, работали, трудились, и отрицать это было просто бессмысленно. Незаметно мы очутились в самой муравьиной гуще, так близко, что даже было слышно, как они громко пыхтят под своими ношами. Рядом с нами, например, целая бригада тащила домой огромную стрекозу. И хотя муравьи из этой бригады суетились, как девочки, мешали друг другу, а главное, тащили стрекозу в противоположные стороны, несмотря на это, стрекоза каким-то чудом двигалась все же по направлению к муравейнику.

— Работают муравьи! — сказал я Косте.

Муравьи работали! Работали все без исключения. Никто из них не отлынивал, никто не занимался по-

сторонними делами, или разговорами, или играми, никто не лежал под кустом и не загорал, а главное, никто никем не командовал и никто ни на кого не орал вроде нашей Зинки Фокиной. Вы бы послушали, какой она шум поднимает на каждом субботнике!

— Работают! — сказал я Косте Малинину.

— Ну и что, что работают! — огрызнулся Костя. — Темные, вот и работают. Необразованные личности! Наверное, даже не знают, что такое воскресенье. А мы с тобой образованные! Мы с тобой работать не будем!

— И инстинкт, значит, существует, — сказал я очень серьезным голосом. — Раз они ему подчиняются, значит, он существует!

— Ну и пусть себе подчиняются! А мы не будем никому подчиняться! — сказал упрямым голосом Костя Малинин.

Я вообще-то тоже, как и Костя

Рисунок к с. 68

Рисунок к с. 83

Рисунок к с. 110

Рисунок к с. 125

Рисунок к с. 155

Рисунок к с. 162

Рисунок к с. 188

Рисунок к с. 222

Рисунок к с. 230

Рисунок к с. 235

Рисунок к с. 242

Рисунок к с. 258

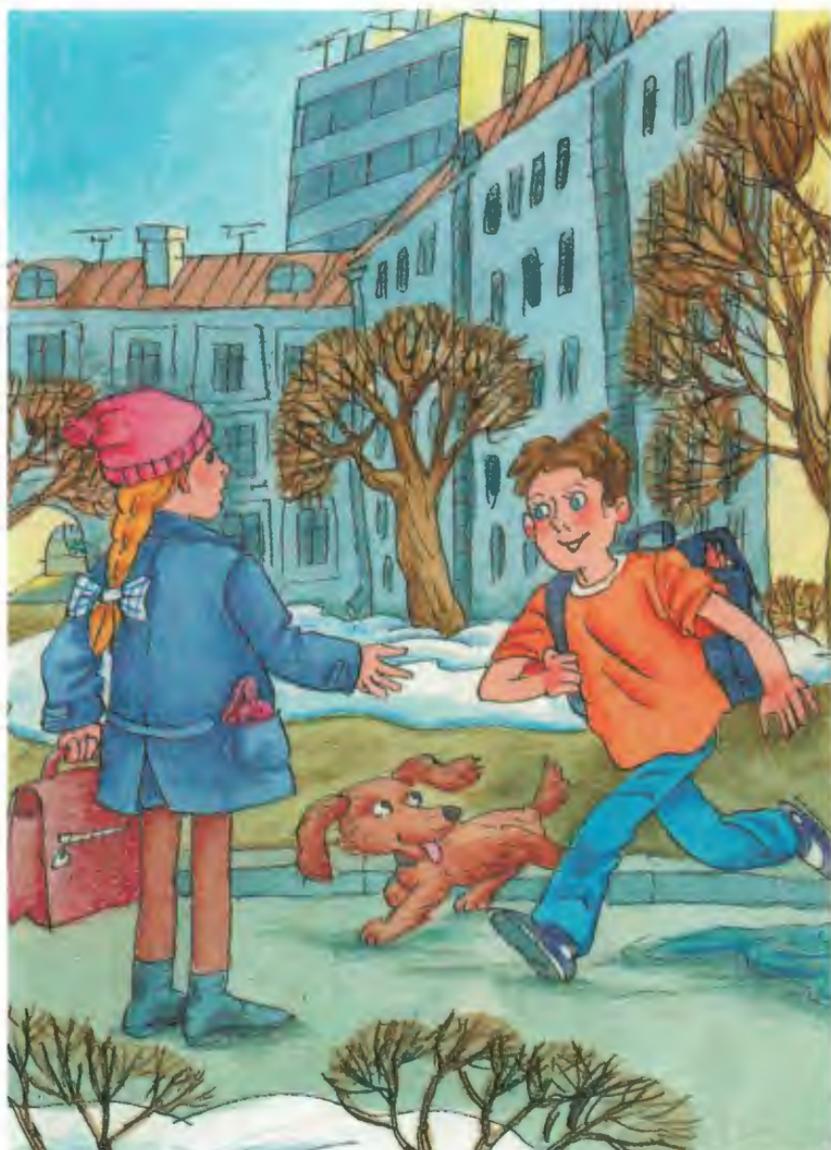

Рисунок к с. 269

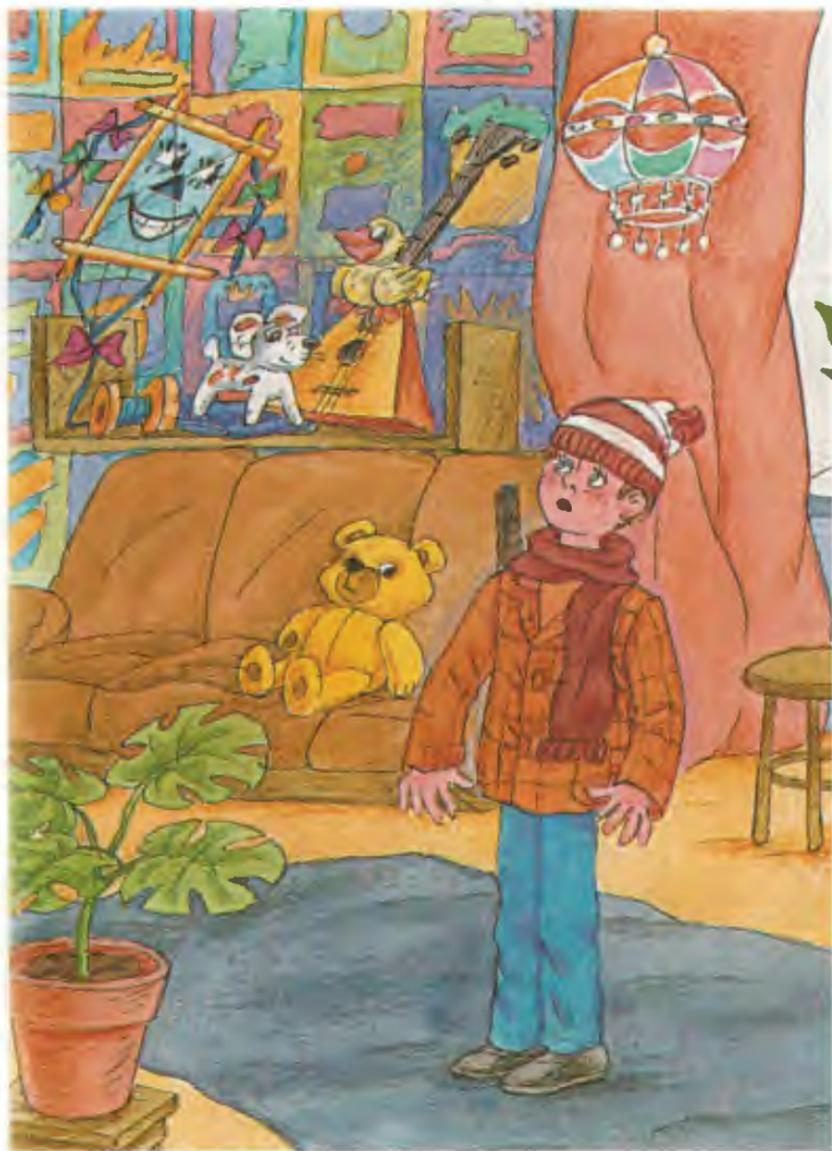

Рисунок к с. 274

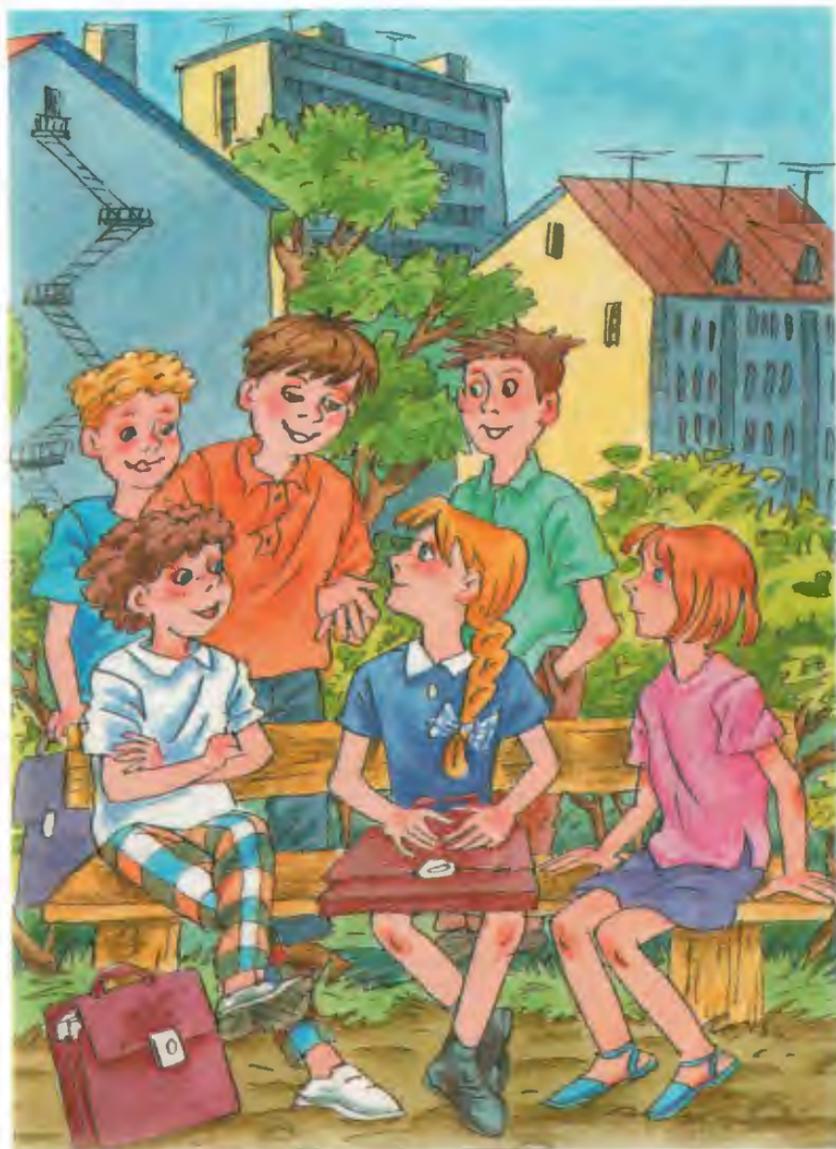

Рисунок к с. 291

Рисунок к с. 298

Малинин, был абсолютно уверен, что инстинкту и в самом деле можно было не подчиняться, даже если он и существует на самом деле... Каково же было мое удивление, когда мне вдруг ни с того ни с сего совершенно неожиданно ужасно захотелось приступить к работе вместе с темными и необразованными муравьями. Это желание было сильным и непреодолимым. Мне казалось, что если я сию же минуту не взвалю себе на плечо какой-нибудь груз и не начну трудиться, как все муравьи, то я просто умру на месте.

Подобрав с земли сухую ветку, я молча взвалил ее на плечо и поволок к муравейнику. И тут мне сразу стало легче, как будто гора с плеч свалилась! Стало даже как-то весело и приятно. В это время то же самое случилось и с Костей Малининым, то есть сначала, когда я взвалил на плечо сучок, он посмотрел на меня как на ненормального, а потом тоже вдруг с необычайной энергией

и желанием подхватил ветку с другого конца и стал молча помогать мне, падая и спотыкаясь на каждом шагу.

Сучок был тяжелый, как настоящее бревно, он то и дело цеплялся за траву, за камни, скатывался с плеч, но мы продолжали над ним пыхтеть и тащить его с большим удовольствием, пока не дотащили по подземному ходу до самого муравейника. Возле входа в муравейник два муравья перехватили у нас бревно и утащили в темноту, а мы с Костей послушно повернулись в обратную сторону и побежали за новым строительным материалом.

Вот так! Таким, как говорится, образом присоединились мы с Костей к «гуляющим» муравьям и стали вместе с ними «гулять» со всяким мусором на плечах, то удаляясь от муравейника, то возвращаясь к нему обратно. Взад-вперед! Взад-вперед! С ветками, с хвойными иголками на плечах, с сухими листиками,

с комочками земли бегали мы как заведенные и даже перестали разговаривать друг с другом — так занялись мы этой работой.

Честно говоря, работать под управлением инстинкта — дело малоинтересное и, я бы сказал, глупое. Голову твою все время как бы сверлит одна фраза: «Давай, Баранкин! Давай! Тащи! Волочи! Перетаскивай, Баранкин! Ворочай, Баранкин!..» А ЗАЧЕМ «тащи»? ДЛЯ ЧЕГО «тащи»? Ты ничего не соображаешь, а соображать тебе все время что-то не дает и мешает, и от этого ты себя чувствуешь просто каким-то дураком и даже кретином... Один раз только на меня нашло просветление, это когда мне надоело таскать бревно на плече, и я быстренько соорудил для нас с Костей носилки, но дурацкие ощущения в голове все равно не проходили, и фраза: «Давай, Баранкин! Давай! Тащи! Волочи! Перетаскивай!..» — продолжала тупо сверлить мой мозг.

Второй раз на меня нашло просветление, когда я хотел спросить у Малинина (раз уж он втравил меня в эту муравьиную историю), долго ли еще будет нас гонять этот проклятый инстинкт, но затем я с большим трудом сам вспомнил, что я совсем недавно прочитал книгу «Пароль скрещенных антенн», где черным по белому было написано, что муравьев инстинкт заставляет работать до самого-самого захода солнца...

Не знаю, может быть, мы с Костей в этот день привыкли бы к этому муравьиному конвейеру и действительно проработали до самого захода солнца, если бы не одно происшествие, которое случилось, когда мы в двадцатый или тридцатый раз возвращались с носилками к муравейнику. Именно в это время мимо нашего (нашего!) муравейника проходил Венька Смирнов. Ничего хорошего от этого произойти, конечно, не могло. Не успел я об этом подумать, как Венька, насвистывая, ткнул два раза черенком лопаты в муравейник и, так же насвистывая, ушел прочь.

Что здесь с нами случилось! С «нами»... Это я имею в виду не только нас с Костей, а всех муравьев. Что здесь с нами со всеми случилось! Мы сразу все, как один, как по команде, к-а-к запсиховали, как занервничали, как заметались и к-а-к бросились все перевыполнять всякие нормы по ремонту нашего общего муравейни-

ка. Было такое впечатление, что инстинкт из-за этого Веньки взял нас всех и «переключил» с первой скорости на третью, и поэтому мы все стали работать с удесятеренной силой.

Когда я все это ощутил, мне так и захотелось огреть Малинина носилками по спине, но при всем желании я этого не мог сделать, потому что носилки с другой стороны держал Костя Малинин и еще потому, что мою голову с удесятеренной силой продолжала сверлить фраза: «Давай, Баранкин! Скорей давай! Тащи скорей! Волочи скорей! Ворочай! Давай, Баранкин! Давай скорей! Давай! Давай! Скорее! Скорее!..» И еще потому, что, как бы я ни сердился на Костю, я бы никогда не смог не только ударить его, но даже тронуть пальцем.

Ведь он вместе со мной несется сейчас на третьей скорости, и его несчастную голову в эту минуту тоже, вероятно, сверлит эта проклятая

фраза: «Давай скорее, Малинин! Давай! Тащи скорее! Волочи скорее! Ворочай! Давай, Малинин! Давай! Давай! Давай! Скорей! Скорей! Скорей!..»

Событие двадцать девятое
*Это был, наверное,
единственный в своем роде
«бунт» на земле*

Всё!

Всё рухнуло!!! Все мои надежды, все мои мечты и фантазии — всё рухнуло! Я понял, я окончательно уверился в том, что такой жизни, о которой я мечтал, сидя на лавочке в ожидании Мишки Яковлева, такой жизни нет и не может быть нигде — ни на земле и ни под землей... Ни у воробьев, и ни у бабочек, и ни у муравьев!.. И у трутней тоже наверняка нет такой жизни. И такого состояния, в котором можно ничего не делать, тоже, вероятно, не существу-

ет, потому что если бы мы сейчас с Костей даже были трутнями, а не муравьями, то мы бы с ним старались ничего не делать, а для того чтобы ничего не делать, как я убедился, нужно обычно столько сделать, что уж лучше что-нибудь делать, чем пытаться ничего не делать...

...Нет такой жизни! И незачем ее искать! И нечего терять время! О-н-а не существует! А если все это так, то зачем же тогда я и мой лучший друг Костя Малинин все еще продолжаем быть муравьями? Почему мы на третьей скорости ремонтируем муравейник, в котором даже не собираемся жить? Зачем мы обливаемся потом и падаем на каждом шагу от усталости? Пора! Пора возвращаться, пока не случилось какой-нибудь ужасной неожиданности. У этих птиц и насекомых каждую минуту может случиться такое, что потом и костей не соберешь. Я оглянулся на Костю Малинина. Малинин молчал, он ни о

чем меня не спрашивал, он не ворчал на меня за то, что в третий раз попал в такую передрагу, он не ругал и не проклинал меня, и это было невыносимо. Уж лучше бы он меня разнес за все в пух и прах.

Но Костя молчал, словно воды в рот набрал. Он копошился, нагружался, разгружался, снова нагружался и опять разгружался, носил, таскал, перетаскивал, не отставая от меня ни на шаг. Костя работал, как самый заправский муравей.

«Надо остановиться! — подумал я. — Немедленно прекратить работу и остановиться. Надо сохранить силы для нашего возвращения. А то этот инстинкт к вечеру загоняет нас с Костей до полусмерти, так, что не шевельнешь ни рукой, ни ногой... В конце концов, пусть этому инстинкту обыкновенные муравьи подчиняются без всякого рассуждения, а мы Е-М-У докажем, что мы с Малинным разумные существа. Докажем! А как мы ему докажем, если от мо-

его этого самого разума в голове уже почти ничего не осталось! И мыслей никаких, кроме «Жми! Тащи! Неси! Ворочай!..». И вот я жму, тащу, несу, ворочаю, а сам себе тихонько команду: «Думай, Баранкин! Думай!.. Соображай все-таки назло этому самому инстинкту! Не подчиняйся ему! Не подчиняйся!..»

И вот тут-то в моей голове при слове «не подчиняйся» вдруг мгновенно созрел план заговора, может быть единственного в своем роде на всем земном шаре. Я решил против инстинкта поднять самый настоящий бунт и самое настоящее восстание!

Я остановился на бегу с охапкой хвойных иголок! Я поднялся на задние лапы. Я распрямил свою усталую спину. И закричал громко, на все поле боя, как Петр Первый под Полтавой.

— Малинин! — скомандовал я. — Сбрасывай с себя мусор! Будет!

— «Будет»? Что будет? — спросил

Костя совершенно равнодушным голосом.

— Бунт будет! Вот что будет! Заговор!

— Против кого заговор?

— Против И-Н-С-Т-И-Н-К-Т-А! Заговор!..

— А что такое «заговор»? — спросил Малинин.

Вот тебе раз! Видно, у Кости от этой муравьиной жизни уже начал ум за разум заходить, раз он уже начал забывать значение самых обыкновенных человеческих слов. Тогда я быстренько напомнил ему значение слова «заговор» и объяснил ему, что это значит. Костя тупо выслушал меня и тупо спросил:

— А какой заговор?

— Что значит — какой? Обыкновенный!.. То есть не обыкновенный, а смертельный — вот какой! Понимаешь?

— А что значит «смертельный»? — опять задал мне вопрос Костя.

— Смертельный — это значит: мы

лучше с тобой умрем, но не подчинимся инстинкту!

— А что такое «не подчинимся»? Как — не подчинимся? — Малинин посмотрел на меня печальными глазами и недоверчиво вздохнул.

— Ну, очень просто! Понимаешь, он, инстинкт, будет нас, меня и тебя, нагружать... Понимаешь, нагружать!

— Нагружать — это я понимаю, — сказал Костя.

— Ну вот! — обрадовался я. — Он, инстинкт, будет нас нагружать и заставлять работать, а мы, я и ты, будем ему не подчиняться... Не подчиняться — понимаешь?..

— А как — не подчиняться?

— А вот так не подчиняться! Вот так! Смотри!

Я взял и сбросил охапку хвойных иголок со спины на землю. Костя Малинин сначала посмотрел на меня, как на ненормального муравья, потом с трудом о чем-то подумал и тихонько опустил на землю березо-

вый лист. Потом мы вместе налегке сбежали с муравьиной дорожки в сторону. Инстинкт, конечно, хотел тут же заставить меня поднять иголки, но я ему не подчинился. Костя Малинин стоял напряженившись рядом со мной, потом вдруг закружился на месте, как собака, которая хочет поймать себя за свой хвост.

— Чего ты вертишься? — спросил я Малинина.

— Очень хочется вернуться и поднять лист, — прошептал Малинин.

— Не подчиняйся ни за что! Преодолевай!

— Я и так преодолеваю.

— Молодец! — похвалил я Малинина, забираясь под куст травы. — Иди сюда.

Тяжело дыша и преодолевая на каждом шагу сопротивление инстинкта, Костя с трудом приблизился ко мне и вцепился в меня всеми шестью лапами. Я подтянул к себе березовый листок и укрылся им с

головой, словно одеялом, чтобы нас никто не видел.

– А теперь, – сказал я лихорадочным шепотом, – а теперь, Малинин, сосредоточься и повторяй за мной:

Ни ночью! Ни днем!
Не хочу! Быть!
Муравьем!
Я! Хочу! Навеки!
Быть! Человеком...

Громко всхлипнув, Костя глубоко вздохнул и вместо волшебных слов заклинания сказал:

– Ой, мамочка!..

– Чего? – спросил я.

– Меня за ногу кто-то дергает!..

Я, конечно, подумал, что это к Косте опять инстинкт привязался. Приподняв березовый лист, выглянул наружу, смотрю – нет, не инстинкт, а какой-то совершенно незнакомый муравей схватил Костю за заднюю лапу и тянет изо всех сил...

Событие тридцатое
Небывалое и неслыханное
на весь муравейник

Я думал, что мне удастся легко отделаться от муравья, но я ошибся. Муравей оказался очень настырным. Он и меня тоже схватил за одну лапу.

Я ему, конечно, пригрозил: «Отцепись! А то хуже будет!» – а он все

тянет и тянет, потом дергать начал, потом взял и стянул с нас одеяло, то есть березовый лист. Я, конечно, разозлился и вскочил на ноги; старый муравей обстукал нас с Костей с ног до головы усиками, словно доктор, и спрашивает:

– Вы что, заболели?

– Нет, – говорю, – я лично здоров...

– А почему же вы лежите?

– А мы отдыхаем!

– А почему вы отдыхаете, когда все работают?

– Потому что сегодня воскресенье, – сказал я.

– Какое воскресенье? – не понял муравей.

– Выходной день, – пояснил я.

– Какой выходной? Почему выходной?..

– Обыкновенный день отдыха, – сказал я.

Весть о том, что два муравья в самый разгар работы легли спать, сразу же облетела весь муравейник. Это

происшествие было, вероятно, настолько небывалым и неслыханным, что на нас собрались посмотреть все муравьи. Одни окружили меня и Костю на полянке плотным кольцом и стали таращить на нас глаза, другие забралась на цветы и траву и разглядывали нас сверху.

— Что такое выходной день? — продолжал допрашивать меня до тошнотный муравей.

— Выходной день — это такой день, когда никто не работает, — стал объяснять я собравшимся, и чем больше я им объяснял, тем меньше они меня понимали. — В общем, — сказал я, — когда мы жили там, мы в этот день никогда не работали.

— Где это «т-а-м»?

— Там! — Я махнул лапой в сторону большого каменного дома. — Там... Вон в том кирпичном муравейнике, то есть не в муравейнике, а в этом... в человеке...

Я совсем запутался и замолчал.

Из толпы муравьев слышались голоса:

– Подозрительно! Подозрительно!

– Кто они такие?

– Надо разобраться, разобраться!

– Не надо разбираться, оторвать им ноги, и все!

– Они не мы, они чужие! Они и говорят не по-нашему!

– Надо разобраться, разобраться!

Пока старые муравьи совещались между собой, что с нами делать, толпа продолжала шуметь. Пока толпа продолжала шуметь, а старые муравьи продолжали совещаться, я успел шепнуть Косте:

– Малинин! Повторяй за мной слова, пока не поздно:

Ни ночью! Ни днем!

Не хочу! Быть!

Муравьем!

Но Малинин Костя будто оглох. Он с ужасом смотрел на старых му-

равьев, совещавшихся между собой в стороне, и ничего не слышал.

Тогда я тоже замолчал. Не мог же я поступить иначе, тем более что к этому времени старые муравьи кончили совещаться и один из них со словами «слушайте все!» снова приблизился к нам с Костей.

— Слушайте все! — сказал он. — Вот эти два муравья, — старый муравей показал лапой в нашу сторону, — эти два бездельника, не дожидаясь Луны, прекратили работу в самый разгар Солнечного Света!.. Не дожидаясь захода Солнца, они перестали работать и легли спать, укрывшись березовым листом. Я старый муравей, но я никогда не слышал от старейших муравьев, чтобы в нашем муравейнике когда-нибудь произошло такое не виданное моими глазами, не слыханное моими ушами преступление.

Толпа грозно загудела.

— Слушайте все! — повторил старый муравей. — Совет Старейших Муравь-

ев решил приговорить этих двух преступников к Смерти!..

Толпа муравьев загудела одобрительно. Костя Малинин не успел пикнуть, как к нему и ко мне подошло штук десять муравьев. Не говоря ни слова, они схватили нас с Костей за ноги, перевернули и понесли прочь от муравейника.

*Событие тридцать первое
Вот что такое мирмики
и вот что такое
Костя Малинин*

Не знаю, чем бы кончилось все это (я даже боюсь догадываться, чем бы это все могло кончиться!), если бы сидевший на высоком цветке муравей не закричал:

– Мирмики идут! Мирмики! Мирмики!!!

При слове «мирмики» волочившие меня и Костю муравьи как-то странно задрожали с ног до головы и бро-

силы нас на землю. Потом они заметились во все стороны, замахали дрожащими усиками и забавно задрыгали ногами. Все это было похоже на какой-то воинственный танец дикарей. Постукивая друг друга усиками, приподнимаясь на задние лапы, пританцовывая и принимая время от времени страшные, угрожающие позы, муравьи повторяли один за другим то странное и непонятное слово, которое произнес муравей, сидевший на цветке: «Мирмики! Мирмики!» Затем они, как один, все вместе упали с задних лап на четвереньки и опрометью бросились в кусты травы, позабыв про нас с Костей. Прошло еще мгновение, и муравьи все до одного скрылись за стволами травинок. Поляна опустела. Мы остались одни.

Не знаю отчего, но мне почему-то тоже передалось то самое тревожное настроение, которое охватило всех муравьев при слове «мирмики».

— Лезь за мной! Только тише... Не

шуми, — сказал я Косте Малинину, влезая на близрастущий цветок и оглядывая окрестности.

— Почему тише? — спросил Малинин, карабкаясь следом за мной.

— Так! На всякий случай, — сказал я, не догадываясь о том, что моя предосторожность ровно через минуту спасет нам с Костей жизнь. — Ползи выше.

— А я что, не ползу, что ли? — орызнулся Малинин.

Забравшись на лист, я хотел уже подняться еще выше, как вдруг заметил внизу, под нами, черного хромого муравья и всех остальных наших «носильщиков». Они вышли из густой травы, как-то странно пятясь спинами. Рассыпавшись цепочкой, остановились. Свесив головы с листка, мы с Костей стали молча наблюдать за странным поведением черных муравьев. Они стояли не шевелясь, словно солдаты, приготовившиеся к бою, и в эту минуту из травяного леска выползло штук пятнад-

цать здоровенных муравьев красно-рыжего цвета. Выползли и тоже остановились.

То, что произошло дальше, походило на коротенький киножурнал про войну.

Рыжие муравьи, как собаки, бросились на черных, щелкая своими огромными челюстями, как щипцами. Не успел я моргнуть, как по земле покатались, словно мячики, головы черных муравьев. Из всех черноголовых солдат уцелел только один хромоногий. Видно, это был самый опытный и бывалый солдат — так ловко отбивался он от нападающих на него двух рыжих муравьев. Одному из них он даже успел вцепиться в усики, и тот от боли закрутился волчком по земле, но в это время еще двое рыжих подоспели к своим на помощь и, схватив хромого за задние лапы, растянули его на земле.

Черный встряхнулся, но тут еще один рыжий мирмик прыгнул ему

на спину, и с черными муравьями все было кончено.

Рыжие с победоносным видом огляделись по сторонам, пошевелили усиками и стали молча счищать пыль с боков и приводить себя в порядок.

Я отполз от края листка, чувствуя, как инстинкт, тот самый инстинкт, который мы недавно преодолели с Костей Малининым, начинает снова пробуждаться во мне, и не только начинает пробуждаться, но, кажется, посылает меня в бой на помощь нашим черноголовым муравьям. Еще секунда, и я бы непременно спрыгнул с цветка прямо на спины рыжим мирмикам, но я не спрыгнул с цветка, я взял и, как в прошлый раз, преодолел в себе инстинкт, потому что это было с его стороны явной глупостью — посылать меня одного в бой против целого отряда мирмиков. И потом я твердо знал: если я нападу на рыжеголовых, то инстинкт заставит, ко-

нечно, и Костю ввязаться в драку, а уж где-где, но в драке с мирмиками Малинину несдобровать, это определено.

Пока я мысленно боролся с инстинктом, мирмики успели скрыться в зарослях травы, и поляна снова опустела. Стараясь не шуметь, мы с Костей на цыпочках быстро вскарабкались на самую верхушку цветка и чуть не ахнули. Оказывается, рыжие муравьи к этому времени успели окружить муравейник со всех сторон. На полянах и в траве уже кипело самое настоящее ожесточенное сражение.

— Война, Малинин! — сказал я.

— Война, Баранкин! — сказал Костя Малинин.

Хотя рыжих солдат на поле боя было гораздо меньше, зато они были крепче, сильнее и гораздо опытнее черных муравьев. Медленно, шаг за шагом, они теснили черных муравьев, отступавших к муравейнику. Поляны, взятые с бою рыжими мирми-

ками, были все усеяны черными трупиками. Они лежали на земле в самых разнообразных позах. Раненые вздрагивали ногами, слабо шевелили челюстями.

— Гады! — закричал вдруг Малинин, поднимаясь на задние лапы. — Вот гады! Маленьких бьют!

Я схватил Малинина на всякий случай за лапу и оттащил от края наблюдательного пункта.

А бой тем временем разгорался все сильнее и сильнее. Дерущиеся хватали друг друга за ноги, делали подножку, откусывали усики и вцеплялись в горло мертвой бульдожьей хваткой.

— Вперед, чернопузые! Не робей! Бей рыжих! — орал Костя, вырываясь у меня из рук. — Бей захватчиков!

А чернопузые были действительно молодцы. Они как-то очень быстро сумели приноровиться к мирмикам и дрались теперь как львы, используя свое численное превосходство.

Впятером или вшестером они дружно бросались на рыжего великана, за ноги и за усики растягивали его на земле и приканчивали.

— Так их! Так их! — заорал я во все горло.

— Вперед, чернопузые! — закричал Костя.

— Урра! — закричали мы вместе с Костей.

Рыжие дрогнули и стали отступать.

Я заложил лапу в рот и оглушительно свистнул. Костя запрыгал от радости по цветку, закружился и вдруг остановился как вкопанный.

— Смотри! — сказал он, глядя в противоположную от муравейника сторону.

Я взглянул вниз и увидел вдалеке за холмом большущий отряд мирмиков, спешивших к своим на помощь. И это в ту минуту, когда черные заставили отступить рыжих по всему фронту. Если эта армия рыжеголовых подоспеет на помощь,

черным недобровать. Нам с Костей тоже недобровать: мы ведь с ним тоже черные муравьи. Кругом война, а мы расселись, как в кино, и смотрим.

Если бы сейчас я и Костя были людьми, а не мурашами, мы бы могли черным помочь как полагается, а так — что от нас толку! А может быть, и так будет толк? Если сейчас взять на себя командование черными мурашами, сразу может получиться другая картина. Конечно, они нас хотели с Костей казнить, ну да ладно! Это они не со зла, а за дело. Вообще-то они хорошие ребята! И дерутся здорово, только очень уж как-то инстинктивно, не соображают, что к чему, и главнокомандующего у них нет, каждый сам за себя, а если бы им сейчас командира, вот тогда бы они показали этим рыжим мирмикам где раки зимуют!

А что, если нам действительно взять командование на себя? Я — главнокомандующий, Костя — на-

чальник моего штаба. Да нет, Костя Малинин наверняка испугается – какой из него начальник штаба! Нет, уж лучше поскорее превратиться в людей, превратиться и отогнать этих рыжеголовых от муравейника.

– Малинин! – скомандовал я, не отрывая глаз от сражения. – Повторяй, Малинин!..

Я хочу навеки
Быть Человеком!
Ни ночью, ни днем
Не хочу быть муравьем!

– Баранкин, за мной! Смерть мирмикам! – услышал я за спиной отчаянный крик Кости Малинина.

Я обернулся, но было уже поздно. Со словами: «Баранкин, за мной! Смерть мирмикам!» – Костя спрыгнул с цветка и, подхватив на бегу с земли сучок-дубинку, ринулся наперерез отряду рыжих муравьев-разбойников на соединение с черными мурашами!

Событие тридцать второе
Мы попадаем в окружение

«Инстинкт! — мелькнуло у меня в голове. — Неужели в Косте Малинине заговорил инстинкт и не только заговорил, но и погнал его на войну? Нет! Я слишком хорошо знал Костю Малинина, чтобы так подумать. Костя в жизни был не очень-то смелый, и никакой инстинкт не мог заставить его ввязаться в драку. Просто на этот раз в Косте заговорил ЧЕ-ЛО-ВЕК, ведь в каждом же человеке должен заговорить человек, если на его глазах большие начинают несправедливо обижать маленьких, да еще таких симпатичных и настоящих работяг, какими были чернопузые мураши. Да! В Косте заговорил ЧЕ-ЛО-ВЕК! Ну, Малинин! Молодец Малинин! Взял и на расстоянии услышал мои мысли и ринулся в самую гущу боя на выручку черным мурашам». Ни секунды не раздумывая, я тоже спрыгнул с

цветка и сломя голову помчался за Малининым вдогонку, вниз по склону горы.

С горы было хорошо видно, как большущий отряд рыжеголовых стал заходить в тыл черным муравьям. Надо было во что бы то ни стало предупредить об этом НАШИХ, но Малинин, вместо того чтобы идти на соединение с черными муравьями, вдруг яростно рванулся влево и помчался один прямо навстречу наступающим по всему фронту мирмикам.

— Костя! — орал я на бегу. — Малинин! Подожди! Не в ту сторону наступаешь! Куда ты? Убьют! Костя! Остановись!

Но Костя Малинин на мои крики не обращал никакого внимания.

— Вперед! На врага! Бей фашистов! — визжал он, размахивая дубинкой и прибавляя ходу. Он мчался вскачь каким-то лошадиным галопом, оставляя за собой целые облака пыли.

Отряд мирмиков, заметив несущее-

гося им наперерез черного муравья, сразу же изменил направление движения. Перестроившись на ходу, мирмики о чем-то быстро посоветовались между собой и помчались навстречу Косте Малинину. Сейчас они сшибутся, и голова Малинина, отрубленная страшной челюстью, покатится по траве... Охватив полукольцом несущегося им навстречу Малинина, мирмики тем самым совершенно отрезали нас от своих.

Теперь все решала скорость. В три тигриных прыжка я нагнал Костю, схватил его за задние лапы и пово-

лок прочь за холм, к маленькому ручейку. Переправившись через бушующий поток на березовом листке, я стащил Малинина за ноги на берег и спрятал в траве в то самое время, когда на противоположный берег высыпали преследующие нас рыжие муравьи. Для большей безопасности я оттащил Костю поглубже в лес и страхнул его со спины.

Костя Малинин продолжал сидеть с очумелым видом на траве, глаза у него были выпучены так, будто он все еще продолжал мысленно мчаться навстречу мирмикам.

— Эх ты, вояка! — сказал я, с трудом вырывая из Костиных лап сучок-дубинку. — Размурашился! Сейчас как тресну тебя по башке, чтобы ты в другой раз не лез куда не надо! Шел бы на соединение с нашими, а ты... Эх, Малинин!..

Я бы, наверное, и вправду вклеил Косте оплеуху, если бы в чаще травы в эту минуту не мелькнула спина рыжего мирмика. Я повернул го-

лову. Из кустов высунулась рыжая морда и зверски пошевелила огромными челюстями. Справа и слева тоже показались рыжие муравьи... Вот тебе раз! Значит, им тоже удалось перебраться через ручей, и не только перебраться, но и окружить нас со всех сторон.

— Лезь на цветок! — тихо шепнул я Малинину. — Моментально сосредоточивайся и немедленно превращайся в человека!

— А ты?

— Я буду прикрывать твой отход. Сам видишь, в какое положение попали. Лезь!

Костя шмыгнул по стеблю вверх, я — за ним. Мирмики услышали шорох и задрали вверх морды.

Один из них, чтобы лучше видеть, встал на задние лапы.

— Лезь выше, — шепнул я Косте, — заметишь, гады! Лезь на самый цветок и там скорее превращайся...

Пока Малинин карабкался на верхушку цветка, мирмики окружили

стебель и стали молча один за другим подниматься вслед за нами.

Событие тридцать третье

Десять больших на двух маленьких и паутинка-самолет

– Эх, вы! – крикнул я, свешиваясь с листика. – Десять больших на двух маленьких... Не стыдно?

В полном молчании мирмики продолжали подниматься по стеблю все выше и выше. На расстоянии двух-трех сантиметров от меня они остановились и заскрежетали челюстями. «Интересно! Успеет превратиться Малинин в человека или нет? – подумал я, перехватывая дубинку из одной лапы в другую. – А ничего он без меня и не сумеет, и не успеет...»

– Ты, рыжий, – крикнул я самому здоровому мирмику, – давай один на один! Я тебя вызываю!

Рыжий верзила, не говоря ни сло-

ва, сделал шаг вперед и раздвинул челюсти. Я размахнулся и изо всех сил двинул его сучком по башке. Мирмик покачнулся и, не издав ни звука, молча свалился на землю. Место сбитого моментально без шума заняли двое рыжих муравьев.

Я уже приготовился их хорошенечко встретить, вдруг слышу — сверху раздается голос Малинина:

— Юрка! Осторожней! Третий мирмик к тебе со спины заползает...

Взобравшись на лист, я тремя ударами сбил трех мирмиков со стебля и крикнул:

— Малинин! Ты почему не превращаешься в человека, почему не выполняешь моего приказания?

— А я без тебя все равно не буду ни в кого превращаться! — зашипел сверху Костин голос.

— Нет, будешь! — заорал я, отбиваясь от нападающих на меня мирмиков и влезая на самый венчик цветка.

Все! Дальше ползти было некуда. Внизу, под нами, были мирмики, вверху — небо, посередине — мы с Костей Малининым.

— Это почему же ты не будешь превращаться? — заорал я на Малинина, но в это время из-за лепестка показалась рыжая голова и свирепо завращала глазами. — Малинин, превращайся сейчас же! — Я ударил мирмика палкой по черепу.

Мирмик скрылся.

— Превращаться — так вместе! — сказал Малинин.

Из пропасти с другой стороны опять вылезла голова мирмика.

— Вместе не успеем! — Я кольнул муравья сучком, словно шпагой.

Муравей спрятался.

— А один я не буду! — сказал Малинин.

Я размахнулся изо всех сил, чертыхнулся и съездил высунувшегося мирмика с такой силой, что сучок переломился. Мирмик полетел на землю, а у меня вместо грозной ду-

бины остался в руках какой-то жалкий обломок.

Мы отступили с Костей к самой середине ромашки. Защищаться больше было нечем, и мирмики словно догадались об этом. Четыре рыжие головы одновременно высунулись с разных сторон. Мы с Костей обнялись.

— Пропали! — сказал Малинин. — Прощай, Баранкин!

Я даже не стал успокаивать своего лучшего друга, потому что все было похоже на то, что мы с Костей Малининым действительно пропали. Внизу были мирмики, вверху — небо, между мирмиками и небом — мы с Костей. Хоть бы перескочить на соседний цветок, да не допрыгнешь — далеко... Еще можно спрыгнуть с цветка на землю, но мирмики, кишевшие в траве, только этого и ждали. А ведь сколько раз нам с Костей удавалось избегать смертельной опасности, можно сказать, чудом, но ведь удавалось! Неужели на

этот раз я не найду выхода из положения, неужели нам с Костей суждено погибнуть так глупо вот здесь, на цветке ромашки, в нескольких шагах от настоящей человеческой жизни? Неужели ВСЁ, ВСЁ, что мы узнали, пережили и почувствовали, пропадет зря?!

– Держись, Малинин! Сейчас мы покажем этим мирмикам, как погибают настоящие ребята!

Я поднялся на задние лапы, чтобы встретить как полагается этих мирмиков, и ударился головой о туго натянутую под ветром паутину: она зацепилась за лепесток и болталась над цветком, словно ниточка из волшебного ковра-самолета.

– Малинин! – заорал я на Костю, и Костя на этот раз понял меня без слов.

Он шмыгнул по паутинке вверх, я – за ним. Осталось только перекусить паутинку... И я ее перекусил. И паутинка полетела в ту минуту, когда четыре мирмика одновремен-

но бросились на нас со всех сторон. Мирмик, целившийся откусить мне голову, только полоснул челюстями вскользь по ноге. Четыре челюсти, каждая из которых походила на капкан, щелкнули еще раз, но было уже поздно. Мы с Костей поднялись в воздух. Я взглянул вниз на поляну и не поверил своим глазам: оказывается, пока мы с Малининым отбивались на цветке от численно превосходящих сил рыжих противников, черные муравьи успели наголову разгромить мирмиков и вернулись к своим обычным занятиям.

Война кончилась так же неожиданно, как и началась, и только одни раненые муравьи да носильщики трупов, утаскивавшие убитых подальше от муравейника, напоминали о том, что всего несколько минут назад на этих полянах шло самое ужасное сражение. Маленькая ниточка из паутинного ковра-самолета уносила нас с Костей все дальше и дальше от цветка в сторону муравейника.

Ни ночью, ни днем
Не хочу быть муравьем! —

запел я громко, во весь голос.

Я хочу навеки, —

подхватил Малинин, —

Быть Человеком!..

И в это время за моей спиной раздался какой-то ужасный свист. Плотная волна воздуха толкнула меня в бок, перевернула вверх тормашками, закрутила волчком и сорвала с паутины. Кувыркнувшись несколько раз через голову, я успел заметить, как огромный стриж на всем ходу склевал Костю Малинина и взмыл в небо...

Когда я понял, что-то случилось, мне стало дурно, я потерял сознание и свалился без чувств на землю.

Часть пятая

БАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

Событие тридцать четвертое *«Загробный» голос*

Не знаю, сколько времени мне пришлось пролежать без памяти в траве, наверное, очень долго, но, когда память стала постепенно возвращаться ко мне, я все равно продолжал валяться, словно без памяти.

Я лежал и бредил. Все, что мы пережили с Костей, все-все в чудовищной непоследовательности снова мелькало перед моими глазами. Я попробовал открыть глаза, но от этого ничего не изменилось — или вокруг была ночь, или я ослеп...

Тогда я стал думать о Косте.

Костя погиб, но в моей памяти он был совсем-совсем живой. Моя память, хоть ненадолго, воскресила моего лучшего друга, и от этого мне стало немного легче. И почему толь-

ко этот проклятый стриж склевал не меня?.. Ведь я же втравил Костю в эту историю, и вот я живой, а Костя погиб, погиб как муравей, не успев даже превратиться в человека! Сначала эта мысль мне показалась правильной, а потом я подумал еще немного, и эта мысль мне показалась неправильной. Что значит — Костя погиб как муравей, не успев превратиться в человека? Да Костя, в кого бы он ни превращался, он все равно по отношению ко мне оставался че-ло-ве-ком! И на помощь муравьям Костя бросился как человек! И меня в беде не оставил! И один без меня не захотел ни в кого превращаться! И перед мирмиками не струсил! Да если бы Эрка Кузякина видела своими глазами, как бесстрашно себя вел Костя Малинин на войне, да она бы ему одному весь номер стенной газеты посвятила, а Алик Новиков, если бы он был муравьиным корреспондентом, да он бы на него всю пленку исщелкал.

Нет, Костя Малинин все ЭТО время был человеком, и погиб он как человек. И не надо было ему шептать никаких волшебных слов, и не надо было ему желать по-настоящему превратиться в человека, потому что он уже давно превратился! Да! Костя Малинин, безусловно, превратился в человека, а я?.. Конечно, самому о себе мне трудно говорить, и вел я себя по отношению к Косте Малинину как человек или нет, мне тяжело самому судить... Может быть, я как был муравьем, так и остался?.. Может быть... Только я тоже, честно говоря, я тоже старался не подгадить... Мне ведь тоже из-за Кости Малинина мирмики сколько раз голову чуть-чуть не оттяпали. Хорошо, что в последний раз еще промахнулись да вместо головы в лапу вцепились, а лапа до сих пор вон как болит и ноет.

Верхней лапкой я осторожно погладил ту, что прокусили мирмики, и дернулся... Нет, нет, на этот раз я

не лапкой гладил муравьиную лапку, а рукой, человеческой рукой я гладил ногу, — так мне, во всяком случае, показалось... Тогда я открыл глаза и действительно увидел вместо лапы обыкновенную мальчишескую ногу. Это была моя нога, и только запекшаяся от крови царапина напоминала о том, что эта нога совсем недавно была муравьиной лапой, и руки у меня были теперь как руки, и голова... И голова на месте...

Чтобы прийти окончательно в себя, я еще немного полежал в траве, потом немного посидел, а потом встал, отряхнул штаны и, спрятав руки в карманы, как человек зашагал к дому. Я шел, не глядя по сторонам, уткнувшись глазами в носки ботинок. В голове у меня шумело, все тело ныло, словно меня всего исколотили палками, а нога, покусанная мирмиками, так саднила, что на нее было больно наступать.

Раз пять или шесть я натыкался на каких-то прохожих, которые

каждый раз при этом мне говорили: «Под ноги надо смотреть, мальчик!» — как будто бы я смотрел не под ноги, а по сторонам.

Не помню, как я добрался до своего двора, потому что всю дорогу я шел как во сне и очнулся только тогда, когда налетел животом на калитку.

Не вынимая рук из карманов, я пинком распахнул дверцу, подошел к скамейке и сел. Во дворе было все по-прежнему. Все так же с акаций то и дело срывались веселые компании воробьев, над клумбой порхали

бабочки, а по скамейке бегали черные муравьи. Все было на своем месте. Не было только Кости Малинина. Не было и уже не будет больше никогда. Да и самого меня тоже, пожалуй, не было, то есть вообще-то я был, но я был уже совсем какой-то не такой. Я сидел на лавочке сам не свой. Мне все казалось, что я только что вернулся из какого-то очень-очень далекого и очень опасного путешествия, в которое я отправился вместе со своим другом Костей Малининым много-много лет тому назад. Отправился вместе с Костей, а вернулся один. И теперь уж всю жизнь буду один, совсем один...

Я закрыл лицо руками и заревел, заревел первый раз в своей жизни. Слезы бежали по щекам, по рукам, по шее и даже по животу. Сижу, реву, а слезы все бегут и бегут. Я даже удивился: откуда у человека может взяться столько слез? С другой стороны, если человек ни разу в жизни не ревел, то у него за все вре-

мя слезы вполне могли накопиться в таком большом количестве.

— Баранкин! Ты это чего разнюнился? — раздался совершенно неожиданно откуда-то сверху голос Кости Малинина.

Событие тридцать пятое
Мы существуем!

— Костя, — сказал я, перестав всхлипывать и обливаться слезами. — Это ты?

— Я! — сказал голос Кости Малинина сверху, голос был глухой и далекий, словно он шел с неба.

— Ты уже... т-а-м?

— Где — т-а-м?..

— Ну где там, на т-о-м свете, что ли?

— На каком на т-о-м свете?.. Я на заборе, а не на том свете, чего это ты городишь?..

— Ну что ты меня, Малинин, обманываешь? Я же сам видел, как те-

бя съел стриж. А раз он тебя съел, то ты не можешь сидеть на заборе.

— Кого съел стриж? Меня?.. Он тебя съел, а не меня, я своими глазами видел.

— А я тебе говорю, он тебя съел!

— Как же он меня съел, если я живой и невредимый сижу на заборе? Открой глаза и убедишься!

— «Открой»! А если я боюсь?

— Чего ты боишься?

— Я глаза открою, а ты не существуешь, — сказал я и снова пролил целых два ручья слез.

— Хорошо, — сказал сверху голос Кости Малинина, — сейчас ты убедишься, существую я или не существую.

Вверху что-то завозилось, зашебаршило и затем прыгнуло мне на плечи.

Я свалился на землю и открыл глаза. Костя Малинин был жив, никаких сомнений и быть не могло. Он сидел на мне верхом, тузил меня кулаками и приговаривал:

– Ну как, существую я или не существую? Существую или не существую?

– Существуешь! – заорал я, и мы вместе с Костей покатались по траве, устланной желтыми листьями. – Костя Малинин из семейства Малиновых существует!!! Уррра!!! Уррра!!!

– Значит, с-у-щ-е-с-т-в-у-е-м?

– С-у-щ-е-с-т-в-у-е-м, значит!

– А как мы с тобой существуем?

– Как люди!

– Как ч-е-л-о-в-е-к-и!

– Урра!!! – крикнули мы на радостях в один голос и снова бросились обнимать друг друга.

– Постой! Постой! – сказал я Косте. – Дай-ка я на тебя посмотрю...

– Да что ты, Юрка! – засмеялся Костя. – Что, ты меня раньше не видел, что ли?..

– Не видел! – сказал я. – Раньше я тебя не видел и ты меня тоже по-настоящему не видел... А главное, что я раньше сам себя не видел и ты сам себя не видел...

И мы стали молча смотреть друг на друга. Костя смотрел на меня, а я смотрел на Костю, и не просто смотрел, а рассматривал всего, с ног до головы, рассматривал, как какое-то потрясающее чудо природы. Некоторое время я, например, тараща глаза, разглядывал Костины руки, покрытые боевыми ссадинами и царапинами. Раньше я, конечно, ни за что бы не обратил внимания ни на свои, ни на чужие руки. Руки и руки... А сейчас я не мог оторвать от них глаз. Вот это да! Это вам не какая-нибудь муравьиная лапка или воробьиное крылышко! Вы тоже никогда не обращали внимания на свои руки? Нет, из ребят, может быть, кто и обращал внимание, а девчонки определенно обращают внимание только на свое лицо.

А голова!.. Я на свою голову тоже раньше не обращал особенного внимания. Голова и голова... Есть на плечах, и ладно! Нахлобучишь кепку — и хорошо! Пофантазируешь — и

довольно! А теперь, теперь... После всего-всего, что я пережил, уж я-то точно знал, что если руки человека — это чудо, то уж го-ло-ва — это самое расчудесное чудо из всех расчудесных чудес. Даже голова Веньки Смирнова — это тоже чудо. Только он еще не знает об этом, а во-вторых, не умеет этим чудом пользоваться. А таких, как Венька, на земном шаре может, наверное, много человек на-

браться. И в Америке есть свой Венька Смирнов, и во Франции, и в Англии... И везде есть такие ребята, которые ни о чем не думают, и такие, которые думают совсем не о том, о чем надо думать, — такие тоже есть. Например, я и Костя Малинин! Но теперь-то я точно знаю, отчего это все происходит: оттого, что не все ребята знают о том, как это замечательно интересно — думать вообще и особенно думать о том, о чем нужно думать. Думать и соображать! И опять же не как-нибудь, так, инстинктивно, как говорится, по-муравьиному, а по-настоящему думать — по-человечески!!!

Не знаю, сколько бы еще времени просидели мы с Костей вот так на траве, думая об одном и том же...

Мне Костя, конечно, не говорил, но я готов был дать голову на отсечение, я чувствовал, я слышал, честное слово, слышал, что Костя Малинин думает слово в слово о том

же, о чем думаю я, но только в самый разгар наших размышлений с дерева на спину мне прыгнуло что-то пушистое и так вцепилось сквозь рубашку в искусанное муравьями, исклеванное воробьями тело, что я чуть не заорал.

– Муська! – закричал обрадованно Костя Малинин.

Конечно, это была она – наша Муська, та самая Муська, которая два раза хотела меня съесть, когда я еще был воробьем.

– Ага, Муська! – закричал я, отдирая Муську от своей спины. – Вот я сейчас с тобой за ВСЕ и рассчитаюсь! Муська! – Я хотел схватить ее за ухо, но мне помешало это сделать Костя Малинин.

– Ладно, Баранкин! – сказал Костя. – Прости ее на радостях, раз уж все кончилось хорошо!..

И здесь Костя, видно, так снова обрадовался, что все кончилось так хорошо и даже замечательно, что бросился на меня и стал обнимать изо

всех сил. Потом я от радости обнял скамейку, ту самую скамейку, на которой мы сидели еще Т-О-Г-Д-А, потом я обнял забор, который стоял возле березы, а потом мы вместе с Костей обняли березу, ту самую березу, под которой стояла та самая скамейка, на которой мне первый раз в жизни пришла в голову мысль, что я, видите ли, устал быть человеком...

— Я их по всем дворам разыскиваю, а они с деревьями обнимаются! — крикнул Мишка Яковлев с велосипеда, влетая с Аликом неожиданно на своей машине во двор.

Потом за ними показались Зинка Фокина, Эра Кузякина и все остальные.

— Мишка! — крикнули мы с Костей в один голос, набрасываясь на Яковлева с двух сторон и заключая его в свои объятия.

От неожиданности Мишка выпустил руль, и мы свалились на землю. Я и Костя продолжали обнимать и

целовать Мишку Яковлева и Алика Новикова.

— Да вы что, ребята? Вы с ума сошли? Мы же вчера только виделись! Ребята! Да что это вы, как девчонки прямо! — отбивались от нас и Алик и Мишка.

— Алик и Мишка! — сказал Костя Малинин со слезами на глазах, чмокая Яковлева в ухо. — А что здесь без нас было!..

— Что было? Где было? — насторожился Алик.

— Что б-ы-л-о, т-о п-р-о-ш-л-о, — сказал я и так при этом посмотрел на Костю Малинина, что тот прикусил язык.

В это время нас окружили девчонки из нашего класса.

— Их, конечно, по всему городу ищут, — сказала Эра Кузякина, — а они, конечно, на траве валяются!..

— Баранкин! — сказала Зина Фокина. — Вы намерены, в конце концов, заниматься или нет?

– Зиночка! – сказал я. – Зиночка! – повторил я. – Если бы ты знала, Зиночка, к-а-к мы с Костей намерены з-а-н-и-м-а-т-ь-с-я!

– И заниматься, и работать! – сказал Костя и взял из рук Эры Кузякиной лопату.

А я взял лопату у Зины Фокиной.

– Баранкин! – сказала Эра. – А почему у вас с Костей вид какой-то ненормальный? И поведение тоже... – добавила она.

– Потому что потому!.. – закричал я.

– Ну, пошли, – сказал Мишка, – а то и так сколько времени зря потеряли!..

– Минуточку! – сказал я. – Ребята!.. Я должен вам всем сказать, что **ЧЕЛОВЕК – ЭТО ЗВУЧИТ!**

– Баранкин! – сказала Эра. – Ты говоришь неправильно! Нужно говорить: «Человек – это звучит гордо!»

– Ладно, Эрка! – сказал я. – Мы-то теперь уж получше твоего знаем, как

звучит че-ло-век! Верно, махаон?.. То есть верно, Малинин?

– Верно, Баранкин!

После этих слов мы с Костей снова сдавили Мишку с двух сторон в своих объятиях.

– Ну, – сказал торжественно Костя Малинин мне и Мишке, – поползли, значит?

С этими словами он на глазах у всех стал вдруг опускаться на четвереньки. Хорошо, что я успел вовремя схватить его за шиворот.

– Куда поползли? – спросил Мишка. – Почему поползли?

– Ну вот! – закричала Эрка Кузякина. – Они опять за какие-то свои штучки принимаются!..

– Малинин! – сказал я грозно вслух. И затем так же грозно изобразил на лице, чтобы он выбросил сейчас же из головы свои старые муравьиные замашки.

– Я хотел сказать: по-ле-те-ли! – сказал Костя и начал уже было махать одной рукой, словно крылом махао-

на. Хорошо, что я и на этот раз успел схватить его за руку.

Все, конечно, опять стали на нас смотреть, как на ненормальных. А я? Разве я мог им что-нибудь объяснить? Поэтому я крепко-накрепко сжал Костину руку и сказал многозначительно.

— М-а-л-и-н-и-н!.. — сказал я. — Чвик! Вычвик! То есть...

— Выдох! — сказал Костя Малинин. — Вдох-ох-ох!

И пусть ребята, как всегда, нас не поняли, но Малинин меня понял! И я его понял! И больше мы не сказали ни слова, потому что мы все втроем (я! Костя! и Мишка!) полетели заниматься. То есть мы не полетели, конечно, мы, конечно, побежали, но вместе с тем и как бы полетели.

На лестничной площадке я совершенно неожиданно столкнулся носом к носу с Венькой Смирновым. Помните его? Он еще стрелял в нас с Костей из рогатки, когда

мы были воробьями. А когда были бабочками, то он нам хотел крылья оборвать!.. А когда были муравьями, то он муравейник наш разрушил!..

– Приветик! – сказал Венька, щурясь и прыгая сразу через две ступеньки вниз.

Я успел схватить его за рубаху и остановить.

– Ты чего? – спросил Венька.

– Вот чего! – сказал я, притягивая Веньку к себе и давая ему подзатыльник.

– За что? – спросил, щурясь, Венька.

– Не будешь в другой раз стрелять в меня из рогатки!

– Когда я стрелял в тебя из рогатки?

– Когда я сидел вон на той ветке! – Я показал рукой в окно на тот самый тополь, с которого меня и Костю чуть-чуть не сбил Венька из своей катапульты.

– Когда ты сидел на той ветке?

Что ты городишь, Баранкин, какую-то чепуху?..

— Чеп-чеп-чепуху, говоришь? А двух воробьев на тополе помнишь?

Венька сощурился, соображая, как лучше ответить на мой вопрос.

— А это тебе за бабочек! Чтобы ты нам, то есть им, в следующий раз крылья не обрывал!.. А это за муравьев, чтоб лопатой в муравейник не тыкал...

Я дал Веньке два раза по шее, выхватил из его кармана рогатку с оптическим прицелом, сломал ее и бросился догонять Мишку с Костей.

— Баранкин! — донесся до меня снизу Венькин голос.

— Что тебе?

— А я так ничего и не понял все равно!

— Станешь ч-е-л-о-в-е-к-о-м, тогда в-с-е п-о-й-м-е-ш-ь! — крикнул я, перегнувшись через перила.

Событие тридцать шестое
*Я хочу навеки
быть человеком!*

В этот день мы занимались с Яковлевым, наверное, часа четыре подряд. Когда Мишка в самый разгар занятий спросил нас: «Ребята, а вы не устали? Может, хотите отдохнуть?», мы с Костей в один голос закричали на Мишку: «Нет, нет! Мы не устали! Что ты? Какой еще там отдых! Ты давай не отлынивай, Яковлев!» — «Я не отлыниваю», — сказал пораженный Мишка и стал объяснять нам следующую задачу, потом он повторил с нами пройденное, потом объяснил еще одну задачу, потом устроил нам с Костей небольшой экзамен, потом он положил голову на стол и сказал хриплым шепотом, что больше он с нами заниматься не может, потому что он уже сорвал голос и вообще совершенно выбился из сил.

Тогда мы взяли лопаты и пошли с Мишкой в сад сажать деревья. Физический труд — лучший отдых после умственного напряжения.

Когда мы выбежали во двор, то увидели Алика. Он все это время сидел на лавочке и караулил, чтобы мы не сбежали. Вот чудак! Узнав, что мы добровольно идем работать в сад, он вытаращил глаза и побежал следом за нами, щелкая на ходу фотоаппаратом. В саду нам сажать ничего не пришлось — все деревья были посажены. Тогда мы стали их поливать, а Алик опять все время таращил на нас глаза и щелкал фотоаппаратом. Потом мы вернулись опять ко мне домой и занимались до тех пор, пока и Мишка и Костя не устали окончательно.

Когда Яковлев и Малинин разошлись по домам, я все еще продолжал сидеть над учебниками и заниматься самостоятельно. Самостоя-

тельно я занимался до тех пор, пока не заснул за столом. Как я очутился в постели, я не помню, наверное, в постель меня перенес отец. Зато проснулся я на следующее утро сам, и так рано, что все еще спали. Я с-а-м застелил аккуратно постель, тихо позавтракал, собрал учебники, на цыпочках вышел из дома и побежал в школу. Сегодня я должен был, я был о-б-я-з-а-н прийти с-е-г-о-д-н-я в школу самым п-е-р-в-ы-м!

Так я и сделал. Я явился в школу тогда, когда все мои одноклассники еще крепко спали в постелях — и Зинка Фокина, и Мишка Яковлев, и Алик Новиков, и Костя Малинин, — ну, этот-то, наверное, спит без задних ног! Один я из всего класса не спал. И не только не спал, а уже был в школе часа за два до начала занятий. Так рано, вероятно, еще ни один ученик в жизни не приходил в школу. Каково же было мое удивление, когда я увидел,

что по противоположной дорожке к школьному крыльцу за кустами сирени тоже крадется чья-то фигура. Я остановился. Фигура тоже остановилась. Я сделал три шага к школе, и фигура тоже сделала три шага. Я стал подкрадываться к входной лестнице, и фигура стала подкрадываться. Я высунулся из-за куста, и фигура тоже высунула свою физиономию. Мы долго молча смотрели друг на друга, наконец мне надоело молчать.

– Малинин! – сказал я.

– Ну?

– Ты чего это так рано появился в школу?

– А ты?

– Я т-а-к п-р-о-с-т-о... А ты?

– И я т-а-к п-р-о-с-т-о...

– Понятно! – сказали мы вместе.

Тихо, стараясь не шуметь, мы с Костей поднялись одновременно по каменной лестнице и приникли лицами к холодному и мокрому от ро-

сы дверному стеклу и стали молча ждать, когда нас пустят в н-а-ш-у ш-к-о-л-у.

Мы стояли молча, не глядя друг на друга, стояли и просто ждали, даже не подозревая, что ровно через два часа начнутся такие удивительные события, события, которые потрясут не только весь наш класс, но и всю школу.

Во-первых. Ровно через два часа и десять минут меня вызовет к доске Нина Николаевна, и я буду ей рассказывать все, что я знаю о жизни бабочек. И Нина Николаевна мне скажет: «Юра Баранкин! Жизнь бабочек ты знаешь очень хорошо. Садись! Молодец! Когда ты отвечал, мне даже показалось, что у тебя за спиной выросли крылья!..» После этих слов весь класс так и покатится от смеха, и только мы с Костей не улыбнемся и будем сидеть за партой серьезные-пресерьезные.

Во-вторых. Через два дня мы

с Малининым Костей исправим по геометрии двойки на четверки.

В-третьих. Через три дня Зинка Фокина заявит во всеуслышание, что будто бы мы с Костей, по ее мнению, заболели какой-то загадочной болезнью и что это у нас, вероятно, скоро пройдет.

В-четвертых. Еще через несколько дней Зинка Фокина вдруг почему-то перестанет при каждом удобном случае говорить мне: «Баранкин, будь человеком!»

В-пятых. Дней через пятнадцать мой отец будет, как всегда, проверять мой дневник, и первый раз за всю жизнь он при этом ничего мне не скажет и только удивленно пожмет плечами и молча переглянется с мамой.

В-шестых. Ровно через месяц директор нашей школы Василий Васильевич Туркин...

Впрочем, об этом, пожалуй, говорить еще рано, ведь это случится че-

рез месяц, а сейчас еще прошло только десять минут, всего десять минут, как мы стоим с Костей на школьном крыльце, просто стоим и ждем, когда же наконец-то откроется дверь и нас пустят в школу, в н-а-ш-у ш-к-о-л-у.

ГРУНЬКИНЫ
БЫЛИ И
НЕБЫЛИЦЫ

В БОЛЬШОМ ДОМЕ

Грунька живет в большом московском доме. На первом этаже. Грунька очень любит музыку и сама играет в школьном оркестре народных инструментов. Играет она на балалайке, которую ей подарил дедушка. Поэтому у балалайки особенный звук: нежный, певучий. Будто из какой-то волшебной глубины доносится.

Грунька не просто играет на балалайке. Когда Грунька играет, кажется, что целый оркестр звучит. Поче-

му так получается, никто понять не может, и Грунька сама не может объяснить. Получается — и все. И еще звучит балалайка у Груньки так, будто она все время кому-то что-то рассказывает: то веселое, точно в пляс зовет, то смешное, то грустное, то сказочное.

Тронет Грунька рукой струны — балалайка сразу отзовется: грунь-грунь-грунь...

Грунька знает, что когда-то, давным-давно, балалайку тоже называли «Грунькой». И потом они в самом деле похожи: у балалайки, как и у Груньки, головка гордая, фигурка стройная, талия тонкая и юбочка пышным веером расходится.

Грунька могла бы с утра до вечера играть на балалайке, но у нее, конечно, много и других дел. А еще она знает: если хорошо не отдохнешь, не сможешь хорошо свои дела делать.

Поэтому иногда Грунька любит как будто бы просто так сидеть у ок-

на и смотреть, что во дворе делается. Лучше всякого телевизора!

Обо всем, что заметила Грунька, так вот сразу и не расскажешь. А мы так и расскажем: не сразу, но зато обо всем.

Сначала первую историю.

Еще ранней-ранней весной Грунька заприметила во дворе одного мальчишку.

Сами понимаете — ранняя весна: вроде и тепло и в то же время очень холодно. Кто одет еще по-зимнему, кто по-весеннему. Но Грунька не на них обратила внимание, а на мальчишку в джинсах, в майке и кедах — совсем по-летнему. И когда его не увидишь, он все бегом и бегом. В школу бегом, в магазин бегом, из школы бегом, из магазина бегом. И неизвестно куда — все равно бегом.

Не вытерпела Грунька, остановила его однажды и сказала:

— Ты что же, еще холодно, а ты вон как одет! Простудишься. Здоровье беречь надо.

— А чего его беречь? — сказал мальчишка. — Зачем его беречь?

— Ты, что ли, физкультурник? — спросила у мальчишки Грунька.

— Вот еще! — ответил мальчишка.

— Я бы на твоём месте прямо сейчас спортом занялась. Ты уже закаленный — и холода не боишься, и бегаешь... пожалуй, быстрее всех.

И знаете, то ли Грунькины слова на мальчишку так подействовали, то ли он сам решил, но он в самом деле спортом занялся. По-настоящему. Так что его и во дворе больше нельзя было увидеть. Промчится, как метеор, и даже толком не разглядишь — он или не он.

А потом весна промчалась, и лето — ну вот как этот мальчишка.

И Грунька куда-то уезжала, приезжала, прилетала...

И только осенью уже, перед самым началом школьных занятий, Грунька увидела такую картину. В солнечный, жаркий августовский день с улицы во двор вошел кто-то

в теплом свитере, в клетчатом костюме, в полуботинках и вдобавок шея шарфом замотана. Как же удивилась Грунька, когда узнала в незнакомце того мальчишку, который, помните, еще холодной весной бегал по двору в майке, джинсах и кедах.

Грунька так удивилась, что даже выпрыгнула из окна и подбежала к Боре. Я забыл вам сказать, что мальчишку звали Борей.

— Боря, это ты? — спросила Грунька.

— А кто же еще? — довольно грубо ответил Боря.

— Боря! — еще больше удивилась Грунька. — Ты что же это: такая жара, а ты вон как вырядился. Ты зачем так?

— Темнота! — сказал Боря. — Я, по твоему совету, спортсменом стал.

— Знаю, слыхала, — сказала Грунька. — А почему же ты так тепло одет?

— Не почему, а для чего. Я не простой спортсмен, я чемпион, — по-

яснил Боря. — Мне рекорды ставить надо.

— Ах чемпион! — сказала Грунька. — А ведь когда-то весной...

— Ну так тогда мне не надо было беречь здоровье. Только это дело дохлое. Боре Самойлову здесь соревноваться не с кем. Меня знаешь как ребята зовут? Многоборя.

— За что ж они тебя так?

— А за то, что я в каждом виде спорта — первый. Многоборец я. И мне тут соревноваться совершенно не с кем. Всех победил. Мне только с самим собой можно соревноваться. Ну а как с самим собой посоревнуешься?

— Ах с самим собой, значит? Это, конечно, трудно. Но, пожалуй, возможно, — сказала Грунька. — Устрою я тебе соревнование с самим собой.

— Как устроишь? Когда? — удивился Боря.

— Да хоть сейчас, — сказала Грунька. — Идем.

И Грунька направилась в свою

квартиру. Боря, ничего не понимая, пошел за Грунькой.

Удивительная была у Груньки комната! Боря в первый раз видел такую. Комната была оклеена не обоями, а рисунками обложек книг. Самых расчудесных сказок! Просто глаза разбегались.

Боря стал разглядывать обложки книг и заметил балалайку. Балалайка лежала на полке, а на балалайке сидели игрушки: маленькая собачка, медвежонок, смешной гусенок, весь в заплатках. И еще на балалайке сбоку было то ли выжжено, то ли вырезано: «Грунька».

— Ну вот, — сказала Грунька. — Сейчас.

— Что — сейчас?

— Сейчас полетим.

— Куда это мы полетим? — удивился Боря.

— На физкультурную планету. Там ты сможешь соревноваться с самим собой, раз тебе здесь соперников нет.

— А как мы полетим? На чем?

— Вот на этом звездолете. — И Грунька стала снимать с балалайки игрушки.

Вот тут-то Боря разглядел загадочные буквы: ЗГЛ СССМ.

— А что это за буквы? — спросил Боря.

— Звездолет «Грунька» летит со скоростью сказочной мысли, — сказала девочка.

— Какой же это звездолет? Это же твоя балалайка. Обыкновенная балалайка, — сказал Боря, который, конечно, не верил Грунькиным словам и в то же время почему-то верил.

— Была балалайка, а сейчас будет сверхзвуковой самолет. Вот сравни, сравни! — И Грунька указала на оклеенную рисунками обложек стену.

Боря увидел на одной из обложек сверхзвуковой самолет. Потом он взглянул на балалайку и понял, что они в самом деле похожи.

— Снаружи только, — согласился Боря.

— А внутри еще больше похоже, —

сказала Грунька, — грунь-грунь-грунь...

Боря не успел оглянуться, как очутился в звездолете вместе с Грунькой. И звездолет этот уже летел с какой-то самой невероятной скоростью. Не успел Боря понять, что он летит, как звездолет уже прилетел.

— Слезай, — сказала Грунька, — приехали.

— Как приехали? Куда приехали?

— Прилетели со скоростью мысли на другую планету.

— А разве такая скорость бывает?

— Все книги могут перенести тебя в любое место со скоростью мысли, — сказала Грунька. — А тем более сказочные книги. Мы с тобой летели со скоростью сказочной мысли.

Грунька с Борей вышли из звездолета и очутились на стадионе физкультурной планеты.

Стадион был пуст. Боря огляделся и сказал:

— Так мне и здесь не с кем соревноваться.

— Сейчас будет с кем, — сказала Грунька. — С чего хочешь начать?

— С бега на сто метров.

— Пожалуйста, — сказала Грунька и добавила тихонечко: — Грунь-грунь-грунь... — как будто струны балалайки тронула.

И сразу же на дорожке стадиона появился судья со стартовым пистолетом и еще пятеро участников забега. Боря посмотрел на участников и чуть не ахнул. На дорожке стояли пять его двойников, пять Борисов, пять Самойловых.

— Это что же получается? — тихо спросил Боря у Груньки. — Это, выходит, я должен сам себя обгонять. Я так не согласен.

— Не согласен? — переспросила Грунька. — Тогда... грунь-грунь-грунь...

И Боря оказался на футбольном поле, в центре нападения, в майке с номером девять на спине. Боря огля-

делся и увидел с ужасом, что за ним стоят десять игроков и все они — Бори Самойловы. Но самое главное — и у противника на другой половине поля, и в чужих воротах стояли Бори Самойловы.

— Это что же, — сказал Боря, — я сам себя обводить буду? Сам себе голы забивать? Сам себе подножки ставить? Подкаты делать? Я не согласен!

— Ну тогда... грунь-грунь-грунь...

И Боря очутился на боксерском ринге в красном углу, а в синем углу стоял такой же Боря, такой же Самойлов и тоже в боксерских перчатках.

— Ну, начинай, — сказала Грунька.

— Чего «начинай»?

— Чтоб на первой секунде — нокаут.

— Как нокаут? Самому себе нокаут? — струсил Боря.

— Как получится: или сам себе, или себе сам.

— А мне жалко себя бить. И вообще я пошутил, мне и дома есть с кем соревноваться. Зачем мы сюда прилетели? — захныкал Боря.

— Ах есть? Грунь-грунь-грунь...

И показалось Боре, что стоявший неподалеку звездолет отозвался, будто звонким смехом рассыпался: «Грунь-грунь-грунь...»

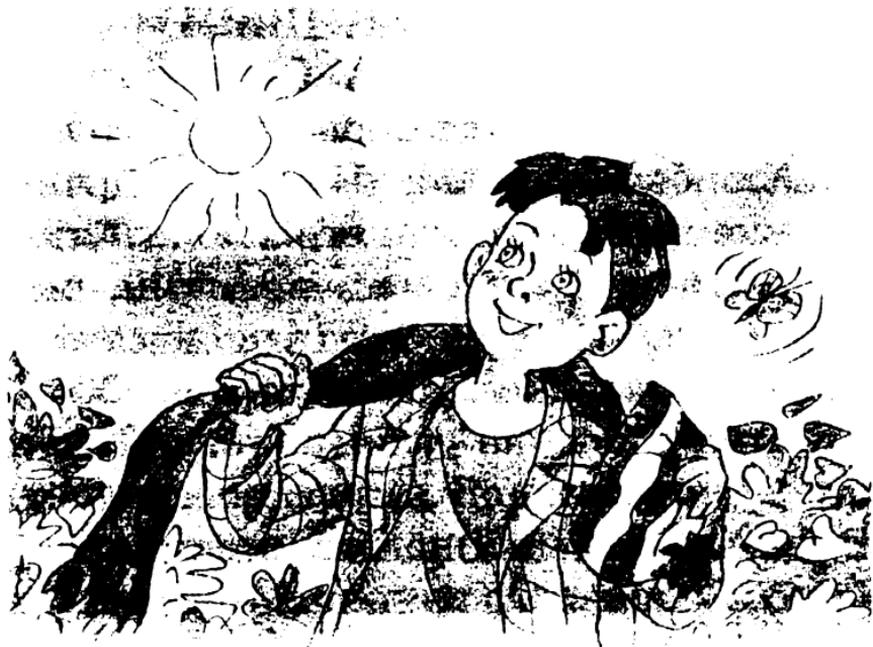
И вот уже Грунька и Боря стоят снова у своего дома, во дворе, прямо под окнами Грунькиной квартиры.

Боря посмотрел на солнце, разматал шарф, снял клетчатый пиджак.

— Что-то жарко, — сказал он Груньке. — Пойти переодеться, что ли?

И Боря зашагал к своему подъезду.

А минут через пятнадцать грянул какой-то фантастический сказочный дождь, и Грунька увидела, как гигантскими шагами мимо ее окон пробежал Боря в джинсах, кедах и майке.

— С ума сошел! Дождь такой холодный! Здоровье беречь надо! — крикнула Грунька. — Ты же чемпион!

— А зачем его беречь? — крикнул Боря. Он еще что-то кричал на бегу, но Грунька не расслышала...

Наверно, об этой истории Боря рассказал еще кому-нибудь, потому что с того дня ребята во дворе стали называть Грунькину балалайку Звездолетом «Грунька». И уже все ждали новых полетов со скоростью сказочной мысли.

САМЫЙ ЛЕНИВЫЙ МАЛЬЧИК НА СВЕТЕ

Жил-был мальчик. Просто мальчик и даже не важно, как его звали. Главное, что он был очень ленивый, может быть, из всех мальчиков самый ленивый мальчик на свете.

Выйдет он на улицу погулять и идет в ту сторону, куда ветер дует. Он только и мог шагать, когда ветер дует в спину. А начнет ветер дуть в другую сторону, ну и он поворачивает в ту же сторону. А если ветер переставал дуть, то мальчик останавливался и не знал, куда ему идти. Целый день мог стоять — ветра дожидаться.

Или вот, скажем, любил он шагать с горки, а на горку подниматься не любил. И очень удивлялся: отчего это — Земля круглая, а ходить по ней приходится то вверх, то вниз. Неужели нельзя так сделать, думал он, чтобы всегда идти под горку, а еще лучше — чтобы под гор-

ку и чтобы тебя ветер в спину подталкивал.

От таких забот где уж было мальчику уроки учить или маме по дому помогать. И так он в конце концов разленился, что вовсе перестал из дому выходить.

Обо всем этом узнала от его соседей Грунька.

Так вот: узнала Грунька про самого ленивого мальчика на свете и решила его вылечить от лени. Спросила она у него: а сам-то он хочет ли вылечиться? Но ему даже и ответить было лень. Представляете, до чего дело дошло?

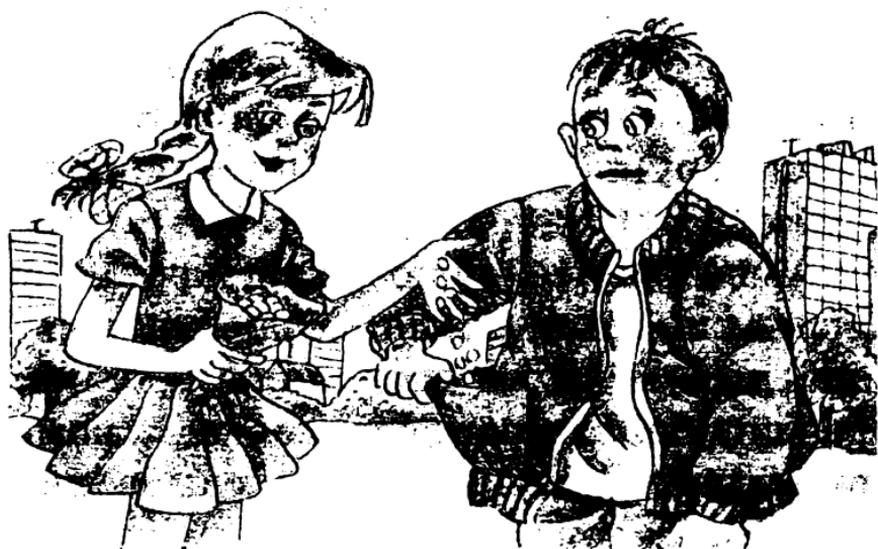
«Да, — решила Грунька. — Тут простые лекарства не помогут, тут, грунь-грунь, волшебные средства нужны».

А вообще-то простых лекарств у Груньки и не было: ведь недаром она и сама то ли девочка-балалайка, то ли балалайка-девочка, и кроме присказки «грунь-грунь», самое любимое ее слово «могу». О чем ни по-

проси. Вот такая она, эта Грунька. Все может.

Насыпала она мальчику полный карман, грунь-грунь, волшебных горошин и велела лечиться так: не вмоготу мальчику что-то делать, но, оказывается, нужно это сделать непременно, а потом сразу волшебную горошину принять.

«Что-то уж слишком простое лечение, — подумал про себя мальчик. — Наверно, не подействует». Но решил на всякий случай проверить. Вышел

на улицу, а на улице ветер со всех сторон дует и прямо в лицо, а туда, куда мальчику надо, — улица, как на зло, круто в гору поднимается. Испугался мальчик и ветра, и горы, хотел было сразу волшебную горошину проглотить, но еще больше испугался: вдруг не поможет. Решил делать, как Грунька велела. Пошел прямо навстречу ветру и не заметил, как на гору поднялся. Проглотил горошину и засмеялся: не обманула Грунька — волшебные это горошины.

И с этого раза все у мальчика пошло на лад. Леню ему урок выучить, а он выучит и тут же Грунькину горошину примет. Леню в магазин идти, а он сбегает — и опять горошину в рот. И так, благодаря Груньке, совсем от лени избавился...

Правда, удивительная и, можно сказать, волшебная история? Я и сам, когда про это услышал, удивился.

Одно мне было непонятно: зачем горошины глотать, если дело ты уже сделал?

Но Грунька засмеялась и сказала: «А я же его совсем не горошиной, я его сказкой вылечила. Сказки... они ведь, грунь-грунь, всегда чудеса делают».

Действительно, чудеса!

СКАЗОЧНЫЙ СОВЕТ

Другой мальчик был весь какой-то дерганый, как стрелка на уличных электрических часах. Да еще когда разговаривал, то всегда почему-то оглядывался по сторонам, как будто кого-то боялся.

Грунька у него спросила, чего он все время дергается и оглядывается, а мальчишка грустно сказал, что он очень нервный. Тогда Грунька сказала, что ему еще рано быть нервным.

Но мальчишка после Грунькиных слов еще больше задергался и занервничал и, вроде бы заикаясь, сказал: а как же ему не нервничать, если все на нервы действуют с утра до вечера.

Грунька, конечно, заинтересовалась, почему это мальчишке все на нервы действуют. Может быть, он преувеличивает?

— Ка-ка-как эт-то пре-преувеличиваю? — закричал на Груньку мальчишка. — Я вот, например, только сажусь в автобус и сразу начинаю беспокоиться. Всю дорогу до самой школы беспокоюсь. В школе на уроках все шесть уроков трясусь. А на перемене и вовсе дрожу с ног до головы.

«Надо же, — удивилась Грунька, — такой большой мальчишка, а в автобусе он беспокоится, на уроках трясется, а на перемене и вовсе дрожит. С чего бы это?»

А оказалось вот с чего: в автобусе мальчишка беспокоится, потому что он всегда ездит «зайцем», без билета. И поэтому всегда боится, как бы не вошел контролер.

В школе он трясется из-за того, что уроки дома не учит и потому боится, как бы его к доске не вызва-

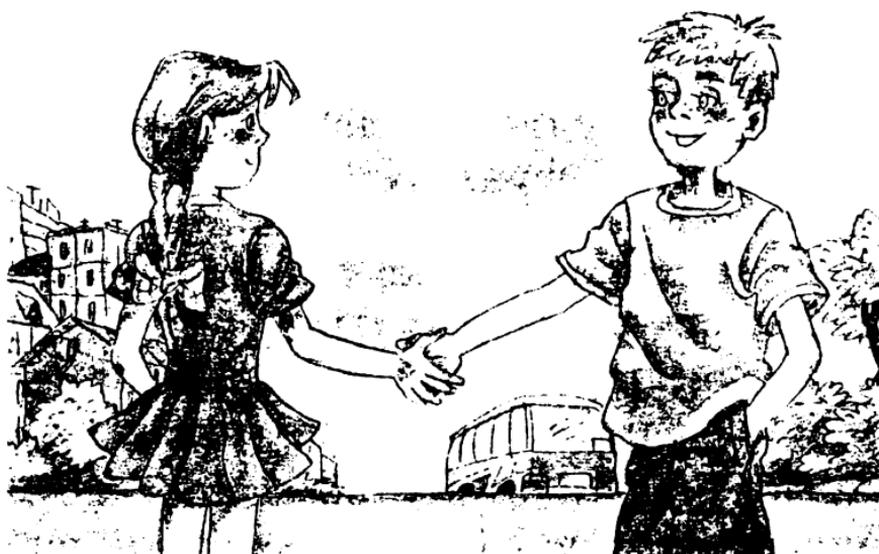
ли. А на перемене он дрожит из-за одного парнишки из соседнего класса. Вдруг подойдет да ка-ак даст по лбу или ножку подставит.

Выслушала Грунька мальчишку и спросила:

— А хочешь никогда не дрожать и не бояться?

— Ко-конечно хо-хочу, — сказал мальчишка, дергаясь и заикаясь.

— Тогда ты вот что сделай: в автобусе, как войдешь, купи билет. В школу приди с выученными урока-

ми. А на перемене, если тебе кто захочет дать по лбу, схвати его за руку вот так... Только для этого сперва потренироваться нужно.

А через неделю Грунька снова встретила этого мальчишку на улице и сначала даже не узнала его. Он сам ее первый узнал, подошел, так спокойно и весело с ней поздоровался и заговорил, ничуть не заикаясь.

— Прямо сказочный ты мне совет дала, Грунька, — сказал он и с такой силой пожал ей руку, что Грунька даже ойкнула...

Ойкнула как самая обыкновенная девочка. А может быть, запела тоненько, будто балалайка: «Ох, грунь-грунь-грунь...»

КАК ГРУНЬКА В КОСМОС ЛЕТАЛА

Она уже к этому времени совсем новую сказку хотела рассказать дев-

чонкам, что поджидали ее на лавочке. Как Грунька в космос летала. Подсела она к девчонкам и стала рассказывать, как она летала на ракете к звездам.

Девчонки, конечно, все время ахали и охали, то и дело перебивали Груньку всякими вопросами и переспрашивали ее.

— А почему об этом в газетах ничего не писали? — спросила одна из девочек.

Грунька хотела уже ответить, но не успела. Из-за ее спины мальчишеский голос с насмешкой произнес:

— Потому что она все врет, никуда она не летала, поэтому и в газетах ничего не писали.

— А вот и летала, — повторила упрямо Грунька.

Она обернулась и увидела за своей спиной мальчишку, который не верил, что она летала к звездам. С ним рядом стояло еще несколько ребят. Грунька и не заметила, когда они подошли к скамейке.

— Ты это девчонкам заливай насчет полета, — повторил мальчишка, по-видимому, самый главный в компании. — Они чему хочешь поверят, а мы лучше тебя знаем, летала ты в космос или нет.

— Почему это вы лучше ее знаете? — стали заступаться за Груньку девочки. — Да наша Грунька, если хотите знать, никогда не врет.

— А вот и врет! Мы — космонавты, — сказал самый главный мальчишка. — То есть будущие космонавты, — поправился он. — А пока на космонавтов учимся. И то еще в космос не летали.

— Только еще собираемся лететь! — поддержали теперь все мальчишки своего самого главного.

— Вы еще только собираетесь, — упрямо повторила Грунька, — а я уже летала.

— А вдруг мы возьмем и проверим, как ты летала в космос, — сказал самый главный мальчишка.

— А как вы проверите? — заинтересовалась Грунька.

— Очень просто, — сказал главный мальчишка. — Есть тут одна ракета учебная, мы тебя — в ракету, а ракету — к звездам, так и проверим.

— Проверяйте, — согласилась Грунька.

Конечно, Грунька не врала, она рассказывала девочкам сказку о том, как она летала в космос. Но ведь и мальчишки, которые грозилась ее проверить, тоже выдумали что-то такое, похожее на сказку. А Груньку хлебом не корми, дай ей только поучаствовать в новой сказке. Поэтому она охотно и сразу согласилась.

Согласилась и не пожалела... Но об этом после.

Грунька, значит, согласилась, чтобы мальчишки ее проверили.

— Только мы тебя с закрытыми глазами проверять будем, — сказал главный мальчишка. — Не боишься?

– Не забоюсь, – сказала Грунька, хотя, честно говоря, сама немножко и забоялась. Ей ведь было совсем неизвестно, какие сказочные испытания ждут ее впереди.

Мальчишки завязали Груньке глаза темной повязкой и куда-то повели.

Судя по всему, она с мальчишками сначала куда-то ехала на трамвае, потом на метро, потом на троллейбусе. Потом еще немного прошли пешком. Потом остановились.

– Хочешь увидеть ракету, на которой полетишь в космос? – услышала Грунька голос главного мальчишки.

– Конечно, хочу.

Нет, Грунькина сказка по сравнению с мальчишкиным предложением была сущим пустяком, потому что когда Грунька открыла глаза, она увидела настоящую ракету. Ракета стояла на настоящей взлетной площадке. Вокруг ракеты суетились рабочие, и было видно по всему, что ее готовят к взлету.

Не успела Грунька ахнуть от восторга, как ей глаза снова завязали. Потом куда-то повели, поднялись на лифте, ввели в какую-то комнату и стали надевать на нее костюм космонавта.

Потом спустили опять на лифте, куда-то опять повели и снова стали поднимать на лифте.

— Это мы в кабину космонавта поднимаемся, — услышала она голос главного мальчишки.

Лифт загудел и остановился. Дверца открылась и захлопнулась.

— Лезь за мной в люк, — услышала Грунька снова голос главного мальчишки.

И она полезла в люк.

Затем ее усадили в кресло космонавта. Главный мальчишка с ней попрощался и вылез из кабины. Люк захлопнулся.

И Грунька осталась в кабине космонавта одна.

Вообще-то было немного непривычно и поэтому страшновато.

Что она испытала при взлете, она после рассказывала девчонкам:

— Ой, девочки, сначала я испытала ужасную тяжесть. Потом меня закрутило, закрутило, закрутило, как на карусели. Потом стало поднимать. А потом я поплыла, как рыба в воде. Поплыла, поплыла. Голова, конечно, кружится, в ушах звенит. А меня спрашивают: «Как самочувствие, звездолет Грунька?» А я громко, на весь мир, отвечаю: «Самочувствие звездолета Груньки отличное!» Тут и посадка уже началась. Вот когда в плотные слои атмосферы входила, тут было тяжело.

— А посадка? — спросили девочки.

— А посадка была мягкая. Как будто на пуховую подушку села...

— Слезай, приехали, — произнес голос главного мальчишки. Мальчишка снял с Груньки шлем, развязал повязку.

Грунька огляделась по сторонам —

находилась она в какой-то большой комнате.

— Где же моя кабина? — спросила Грунька. — Где я?

Главный мальчишка засмеялся и сказал:

— На съемочной площадке. Здесь кино снимается о полете мальчишек и девчонок в космос. Тут все как настоящее. Мы тебя по-космонавтски проверяли.

— В космос ты, конечно, не летала, но испытание выдержала, — сказал кто-то из ребят.

— Нет, ребята, — не согласился главный мальчишка. — Раз она испытание выдержала, значит, она в космос к звездам летала. Она же не знала, что она не летит в космос. А ты молодец, Грунька, что согласилась. Ты, наверно, и в самом деле все можешь...

Вот так Грунька к звездам не летала, а все-таки летала.

Ну вот, дорогие ребята, Грунькин полет закончился... А может быть,

вовсе нет? Сказки-то продолжают. Сказкам никогда не было, нет и не будет конца.

САМЫЙ ЖАДНЫЙ МАЛЬЧИК НА СВЕТЕ

Ну, может быть, это был не самый жадный мальчик на свете, может, это был самый жадный мальчик в городе, и даже не в городе, может, в городе были мальчики и пожадней его, а вот в доме, где жила Грунька, это уж точно был самый жадный парнишка, только об этом никто не знал и не догадывался. Впрочем, для того, чтобы что-нибудь узнать о человеке, ведь нужно время, а мальчик этот объявился во дворе недавно, он с папой и с мамой в новую квартиру переехал только неделю назад. А вообще-то, когда Грунька увидела этого мальчика, он ей понравился, симпатичный такой, голубоглазый и, главное, в руках веточку держит, и эту

веточку симпатичный мальчик не гнул, и не ломал, и не размахивал ею в воздухе, а нес бережно, будто он был не симпатичный мальчишка, а симпатичная девчонка. Грунька заинтересовалась, конечно, симпатичным мальчиком и, конечно, спросила, что это у него за веточка, которую он так заботливо держит в руках.

— Это лазящая веточка, — объяснил симпатичный мальчик.

Грунька посмотрела на зеленую веточку с уважением:

— Ах, это вьюнок.

Грунька очень любила цветы, все травы, все деревья и вообще все растения на свете, и еще она любила тех, кто любил все цветы, все травы, все деревья и вообще все растения на свете.

А симпатичный мальчик засмеялся и покачал отрицательно головой.

— Сразу видно, что ты не юннатка, — сказал он Груньке.

— Почему это сразу видно? — обиделась Грунька.

— Потому что, — объяснил очень вежливо симпатичный мальчик, — не юннаты часто называют вьюнками растения, которые не обвиваются вокруг чего-нибудь, а взбираются наверх, не обвивая опоры. — И симпатичный мальчик очень складно рассказал Груньке, как такие вот веточки прицепляются, например, к стене дома разными прицепками и усиками. — Я про эту веточку знаю все, — сказал мальчик с гордос-

тью. — Я посажу ее на балконе, и у нас будет самый зеленый балкон. — Он повертел веточку в руках и добавил: — Подумать только, в этой веточке прячется столько листьев и столько еще веточек! Правда, это похоже на сказку?

Груньке очень понравились эти слова, она достала из кармана большое яблоко, разломил его, половинку протянула мальчику, а из своей половинки достала яблочное семечко и сказала:

— А в этом зернышке прячется яблоня с корнями, с ветками, с листьями и вот с такими яблоками. Как только они все тут уместаются?

И мальчик и Грунька смотрели то на обыкновенное семечко из яблока, то на веточку, как на какое-то необыкновенное чудо.

— Только не называй свою веточку лозящим растением, — посоветовала Грунька симпатичному мальчику, — а назови ее лазунком, так будет красивее, правда?

— Правда, — согласился симпатичный мальчик. — Лазунок — это подходит.

И с этими словами он ушел к себе, неся бережно в руках зеленую веточку, которую Грунька так опрометчиво назвала вьюнком.

Грунька после разговора с мальчиком тоже пошла домой. Она шла и представляла себе, как лазунок зазеленеет на балконе мальчика, а потом поднимется на балкон второго этажа, третьего, четвертого и так до самой крыши их большого дома.

А затем прошло столько времени, сколько понадобилось, чтобы лазунок разросся на балконе симпатичного мальчика и дотянулся до соседнего, но дальше расти почему-то не стал... И здесь нам придется вернуться к началу рассказа, ведь мы обещали познакомить вас с самым жадным мальчиком из Грунькиного дома. Им, как это ни огорчительно, оказался тот самый мальчик с лазунком. И вот как это выяснилось.

Когда лазунок так разросся, что дотянулся до балкона второго этажа и уже был готов по решетке балкона подняться выше, мальчику это не понравилось. Взяв ножницы, он влез на лестницу со словами: «Я не для чужих старался!..» — и остриг молодые побеги. За ночь лазунок снова подрос и стал карабкаться на балкон второго этажа, а жадный мальчик — теперь мы уже можем смело так его называть — взял и опять срезал свежие веточки. И здесь между жадным мальчиком и зелеными веточками лазунка началась настоящая война: веточки стали расти словно наперегонки, а жадный мальчик, вооружившись двумя парами ножниц, срезал ветки, приговаривая: «Чего это я буду для других стараться!..» Это все и увидела Грунька, когда подошла к балкону жадного мальчика, который совсем недавно был таким симпатичным мальчиком.

— Не стыдно? — сказала Грунька. —

Я и не знала, что ты такой жадина!

Но мальчик ее не слушал, он срезал вырастающие на месте среза веточки.

— Раз ты меня не слушаешь, — сказала Грунька жадине, — тогда меня послушаются цветы. Как вам не стыдно расти на балконе у такого жадины? — спросила она, обращаясь к веткам лазунка.

И веточки ее послушались: они стали на глазах уменьшаться, уменьшаться, пока не спрятались в земле...

Увидев, что веточки все до одной попрятались от жадного мальчика, Грунька повернулась и расстроенная ушла к себе домой...

С этого дня жадный мальчик не мог вырастить ни одного цветка. Как только первый росток пробивался из-под земли на свет и видел жадного мальчика, он тут же прятался под землю, и так было до тех пор, пока в один прекрасный день

жадный мальчик не подошел к Груньке и не сказал ей:

— Извини меня... я... я... больше никогда не буду жадничать...

Если бы вы видели, как обрадовалась Грунька! Жадный мальчик, то есть не жадный, а... раз он понял, что жадничать нехорошо, то мы уже не можем называть его жадным, тем более что, когда он извинялся, у него было такое симпатичное лицо, что мы смело можем опять называть его симпатичным мальчиком, а симпатичный мальчик тоже обрадовался сначала тому, что Грунька так была рада тому, что он понял, что быть жадным совсем плохо. А еще больше он обрадовался, когда подошел к своему балкону и увидел, что, пока он разговаривал с Грунькой, веточки лазунка доросли до девятого этажа и зеленым ковром покрыли всю стену дома.

ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА С КЛЮШКОЙ, ИЛИ ШЕСТОЙ ИГРОК В ХОККЕЙНОЙ ПЯТЕРКЕ

Эту школьную хоккейную команду тренировала девочка, и звали ее Грунька. Удивительно, не правда ли? А в этой истории все удивительно, начиная с названия. Человек-невидимка да еще с клюшкой... По сравнению с этим девочка и вдруг... хоккейный тренер — вполне правдоподобно, тем более что брат у нее был знаменитый хоккеист. И он иногда брал Груньку с собой на разбор игр. Сидит она в углу тихо-тихо. Взрослые хоккеисты шумно свои неудачи и удачи обсуждают, а Грунька слушает внимательно-превнимательно и, что ей пригодится, запоминает.

Так вот... Однажды и произошел этот фантастический матч, который Грунькина команда не просто проиграла, а продула. Неуважительно, по-

зорно и разгромно. И главное, проиграла-то не то чтобы очень уж сильной команде. Все складывалось так, будто в команде противника был еще какой-то игрок: невидимый. Казалось, он-то и забивал все время шайбы, и силовую борьбу вел непобедимо, и помогал выиграть шайбу у борта, и сногсшибательные приемы чисто делал за двоих, и шайбу подправлял в верхний угол ворот или в нижний, да так ловко, что вратарь уже ничего не мог сделать!..

После проигрыша команда собралась в раздевалке и стала громко переживать свою неудачу.

Сначала, конечно, все набросились на вратаря и стали кричать, что он дырка от бублика, а не вратарь. Тогда вратарь стал нападать на все три пятерки сразу и стал говорить им, что это не он дырка, а они ноль на хоккейной клюшке.

— И вообще, — добавил вратарь, — если бы вы так нападали на против-

ника, как на меня, то мы бы их разгромили с сухим счетом.

Тогда три пятерки все хором сказали вратарю, что ему хорошо бабочек ловить сачком, а не шайбу на льду.

После этого все еще сильнее заспорили: нападающие стали нападать на защитников, а защитники сначала защищались, а потом стали нападать на нападающих.

И поднялся такой шум, что уже вообще нельзя было разобрать, кто кого подвел и кто в чем виноват.

Дождавшись, когда хоккеисты устанут спорить, Грунька сказала:

— Зря вы шумите, ребята, никто из вас не виноват в проигрыше!

— Как это никто?! — удивились хоккеисты, чувствуя, что кто-то из них все-таки виноват, раз они продали важную встречу.

— Как же не проиграть, — прошептала таинственно Грунька, — если у

наших соперников в каждой пятерке играло по шесть игроков?

Наступила тишина.

— Как это шесть? — не поверил вратарь. — Судья бы заметил и фью-ю!

— Игроки-невидимки выступали за их команду, что ли? — удивились защитники.

— Вот именно, — сказала Грунька, — невидимки с клюшками.

— Чепуха! — сказал вратарь. — Это только в книжках для детей!

— Я и сама так думала, — согласилась Грунька, — до этого несчастного матча! А во время игры чувствую, что что-то тут не так, загадочно как-то мы проигрываем.

— Ну, откуда же они взялись у них? Из ателье проката вместе с инвентарем, что ли, достали?..

— Вот в том-то и дело, что невидимки возникли как бы из ничего, — сказала Грунька. — Это я так сначала подумала, а потом думаю: «Из ничего невидимки не возникают. А вот из чего?..»

– А вот из чего? – переспросили ее тихо защитники.

– А вот из чего... Я ведь, как вы знаете, ходила не только на наши тренировки, но и на тренировки наших соперников. И знаете, что я заметила за их первой пятеркой? Она тренировалась по графику: ели сколько положено... вместе отдыхали. Накануне матча легли спать в десять часов все, как один... А наше нападение? Костя пропустил тренировку. Коля объелся за обедом. Сережа дурел за телевизором до полуночи. Юра вообще не явился. Петя ходил со знакомой девочкой в воскресенье на одну и ту же картину три раза. А Глеб, – тут Грунька пропела:

Хоккеист наш Глеб вполне
Сам себя прославил,
Клюшкой бьет по голове,
В нарушение правил!

– Я, конечно, иногда... это сгоря-

ча, — начал оправдываться Глеб. — Когда промахиваюсь по шайбе... задеваю противника...

— Ну, вот пол-игры и остывал на скамье штрафников... Итак, получилось, что каждый наш игрок явился на матч с минусом, — продолжала Грунька. — А каждый игрок соперников с плюсом. Пусть с небольшим, ну, примерно, на одну пятаю. И вот, если взять да сложить пять пятых человека, то получится целый, да не просто, а тренированный хоккеист. Вот этот невидимка с невидимкой-клюшкой и был у наших соперников в каждой пятерке шестым игроком. Как же тут не продуться в пух и прах?!

Никто, даже из самых заядлых спорщиков, на такое Грунькино объяснение не мог найти ни одного возражения. Даже наоборот, все дружно поддержали ее предположение.

— То-то, — сказал Глеб, чаще других сидевший на скамье штрафников, — меня в центре площадки кто-

то огрел клюшкой, и главное – рядом никого не было!.. Правда, я перед этим сам на пяточке отхлестывался.

– А у меня, – сказал вратарь, – уже шайба в самой ловушке была и вдруг... в сетке.

– А я лечу один на вратаря, ну, думаю, гол, а в это время – силовой прием... и проведен по всем правилам.

– Да, – сказали двое защитников хором, – так мы их никогда не победим.

– Конечно, не победим! В трех пятерках три невидимки...

– Да еще наш Глеб все время на штрафной скамье... сидел... На четырех игроков получается меньше...

Незадачливые хоккеисты долго сидели молча...

– Что же делать? – спросил один из нападающих.

– Что делать? – переспросила Грунька. – А занять в своей команде такого же шестого нападаю-

щего – невидимку. А для этого вам всем надо не делать то, что мы делали, и начать делать то, что мы не делали, то есть начать отчаянно тренироваться. Сегодня же! Сейчас же! Сию же минуту!.. Кто «за» – поднимите клюшки...

И с криком «Ура!» все игроки, как один, взметнули клюшки вверх, и усталая команда выкатилась на лед и стала отчаянно тренироваться...

ОБЫКНОВЕННЫЙ ВЕЛИКАН

Коля Снегирев жил с бабушкой на подмосковной даче и ничего не хотел делать по дому: ни дорожки подмести, ни огород полить, ни забор починить. Еще в дачном поселке жила неподалеку от этого ленивого Коли девочка Грунька, самая деловитая и хозяйственная из всех дачных девочек. И этому нерадивому Снегиреву часто попадало от Груньки и всей ее компании за его отлынивание от работы.

Однажды здоровяк Костя Пенкин проходил вместе с Грунькой мимо снегиревской дачи. А Коля Снегирев в это время всем прохожим строил всякие смешные рожи и гримасы. А Груньке и Косте он вдобавок еще и язык показал. И пять растопыренных пальцев к носу приставил. Тогда Костя Пенкин сказал:

— Да надавать этому Снегирию подзатыльников, сразу же за ум возьмется...

На том они и расстались. И никто не успел заметить, что Снегирев, может быть, первый раз за все лето задумался. Весь день и весь вечер задумчивый Снегирев что-то мастерил и красил на чердаке бабушкиной дачи, потому что ходил весь перепачканный синей краской и еще зачем-то тайком и украдкой бегал на берег реки почти что ночью. А утром, пока еще все спали, Снегирев повесил на веревку сушиться большущие майку и трусы, сшитые из двух старых простыней, раскрашенных синей краской в полоску. Даже взрослые, проходя мимо снегиревской дачи, оглядывались на такие большие майку и трусы: «Великан, что ли, к Снегиревым в гости приехал?..»

Когда Грунька со своими друзьями спозаранку проходила мимо Колиной дачи, она тоже первым делом обратила внимание на эту гигантскую тельняшку с трусами. Все останавливались очень удивленные. Даже Грунька и та разинула рот.

Никогда она не видела такой огромной майки и таких большущих трусов. Снегирев же, который решил разыграть Груньку, стоял у забора и хитро-прехитро улыбался, довольный произведенным впечатлением.

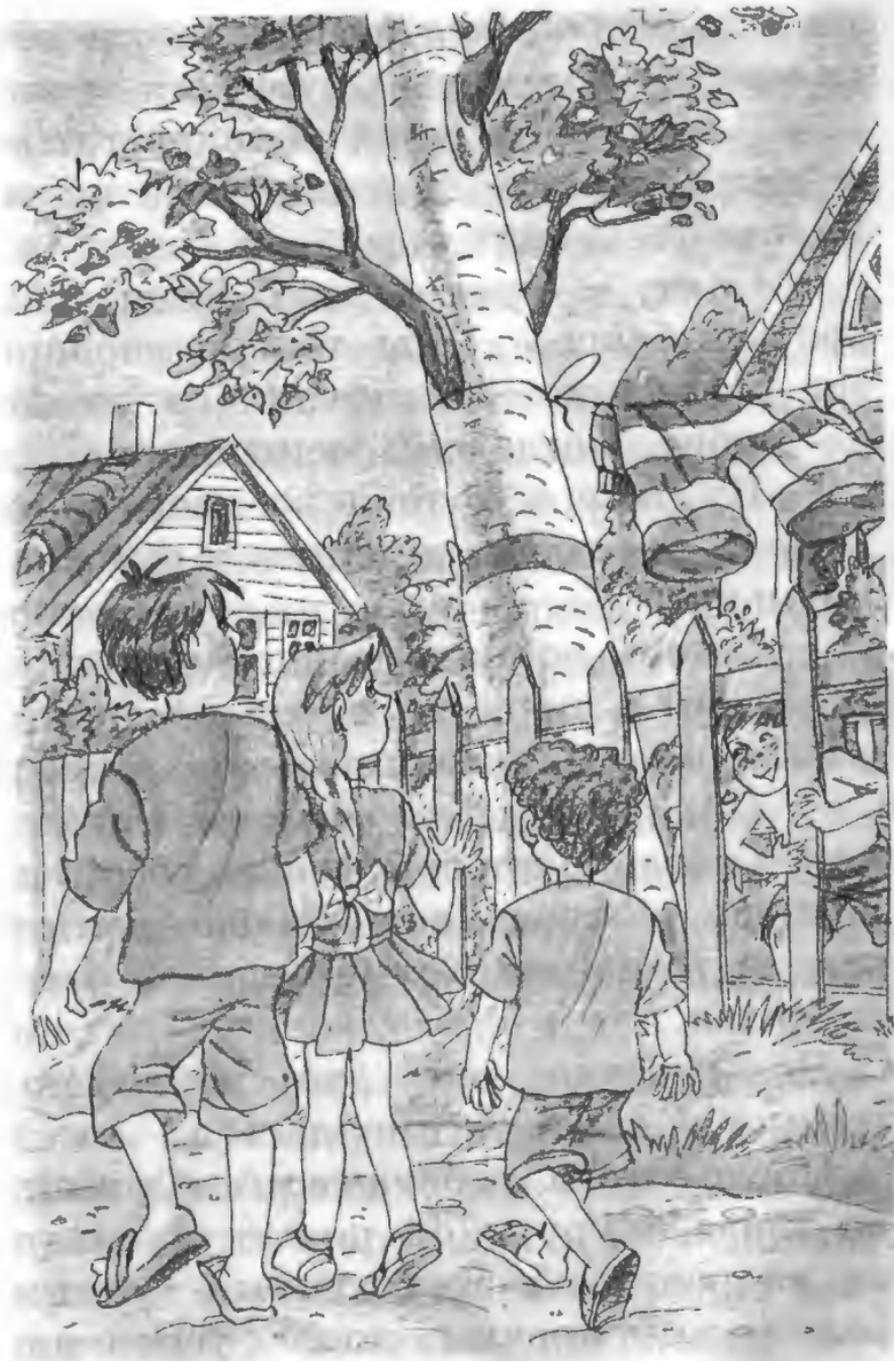
— И что это значит? — спросила Грунька Колю.

— Это значит, — сказал Снегирев, — что к нам с бабушкой в гости приехал великан... — при этом он хитро посмотрел на здоровяка Пенкина и даже подмигнул ему, в смысле: кто это собирался мне надавать подзатыльников, уж не этот ли Пенкин, который сейчас прячется за Грунькину спину?..

Грунька переглянулась со своими друзьями и сказала:

— Ах, к вам приехал в гости великан? Значит, он теперь вскопает твоей бабушке огород, починит крышу и наведет порядок во дворе.

Двор Снегиревых действительно был в беспорядке, крыша дома про-

текала, огород был не вскопан, а дорожки не подметены.

— А где сейчас твой великан-то? — спросил Костя, выглядывая из-за Грунькиной спины.

— Спит, — ответил тихо Коля, хитро улыбаясь. — Вы теперь вообще все разговаривайте потише, а то он не любит, когда ему мешают спать.

— Ну теперь у тебя во дворе и в доме будет все в порядке, — сказала Грунька.

— Теперь во всем дачном поселке будет все в порядке, а то тут некоторые раскомандовались.

— Ой, ребята, — сказала Грунька, — давайте теперь между собой и вправду разговаривать только шепотом. А то на нас Колин великан рассердится.

Но сказала она это почему-то громко и даже рассмеялась.

После этого ребята всей гурьбой во главе с Грунькой пошли купаться на речку. А этот хитрый Снегирев, между прочим, ночью успел на

берегу речки на песке сделать большим камнем следы огромных ступней ног, как будто бы и вправду к нему в гости великан приехал, и даже успел позагорать на песке, и, может, даже искупаться.

А когда возвращались обратно, то Коля по-прежнему стоял у забора, но трусы великана и майка уже не висели.

— Где же твой великан-то? — спросила Грунька у Снегирева.

— Опять купаться ушел на речку, — сказал Снегирев, улыбаясь и гримасничая.

Грунька посмотрела в сторону речки и, лукаво переглянувшись со своими друзьями, сказала:

— То-то вода в речке стала выше.

И с тех пор, сколько раз с ребятами Грунька ни проходила мимо дома Снегиревых, все там было по-прежнему: огород был не вскопан, крыша не починена, а во дворе беспорядок. А великан, по словам Ко-

ли, то уходил купаться, то ходил по грибы, то где-то загорал на солнце...

Однажды Снегирев с бабушкой уехали на целые сутки в Москву. Грунька собрала всех своих друзей, и они вместе за день перекопали весь огород — убрали картошку, навели порядок во дворе, починили крышу, собрали с деревьев все яблоки, привели в порядок дорожки. А когда бабушка с Колей Снегиревым вернулись из Москвы, они не узнали свою дачу: такая была кругом чистота и порядок. А за забором дачи недалеко стояла вся Грунькина компания. А Коля Снегирев ходил недовольный по двору взад и вперед, пока не заметил Груньку.

— Это еще кто натворил? — спросил он сердито Груньку.

— И не натворил, — поправила его Грунька, — а сделал.

— Ну, сделал? — поправился Снегирев.

— Как кто? — удивилась теперь Грунька. — Великан! Кто же еще так

быстро мог порядок у вас на дворе навести? Одному человеку здесь ни за что было не справиться.

Коля Снегирев задумался.

— Это еще чей великан? Мой, например, великан уехал, — сказал он сердито.

Глупый Снегирев, глупый, а хитрый. Знает, что долго Груньке голову не надурочишь.

— Твой великан уехал, а наш остался.

Бабушка заулыбалась, а Снегирев спросил недоверчиво:

— А где же он, этот ваш великан?..

Все, что было сделано за день во дворе, все действительно было под силу великану из великанов, поэтому мальчишка и спросил, где этот великан. Ведь он его сам придумал!

А Грунька засмеялась, переглянулась со своими друзьями и сказала:

— А великан вот он, весь перед тобой, — и обвела взглядом весь свой трудовой отряд, — это мы по отдель-

ности мальчишки и девчонки, а все вместе мы самый большой на свете великан! Жалко только, что тебя вместе с нами не было.

— А то что бы?..

— А то великан был бы еще повеликанее, еще больше и еще сильнее.

И с этими словами Грунька с ребятами направилась по новым великаньим делам.

А Снегирев, как всегда, остался торчать за забором. Он думал, что он тоже немного великан... Думал,

думал, а потом как выскочит на дорогу да как побежит вслед за великаном, то есть за ребятами и Грунькой.

«Ладно уж, — думал Снегирев на бегу, — догоню и присоединюсь к Груньке, пусть Грунькин великан от этого станет еще больше и еще сильней. Ладно! Так уж и быть!..»

ВОЛШЕБНИК ЕЩЕРАЗ

Когда девчонка Грунька была совсем маленькой, она очень любила сказки. И сейчас она их тоже очень любит. Теперь она часто сама сочиняет их и рассказывает мальчишкам и девчонкам. А больше всего на свете она хотела сочинить такую сказку, чтобы в ней были настоящие сказочные слова, такие же волшебные, как и у взрослых сказочников. Или как в русских старых сказках, там ведь тоже много волшебных слов. Однажды в детстве она хотела, что-

бы ей помогли волшебные слова Сказочника из сказки Андерсена, там Сказочник часто их повторяет: «Снип-снап-снурре-пурре-базилюре». Только ничего у нее из этого не вышло. Волшебные слова Сказочника делали чудеса только в книжке, а в жизни они были почему-то самыми обыкновенными словами.

Еще ей нравились волшебные слова в сказках у Корнея Чуковского. Вы их, конечно, тоже знаете наизусть: «Он ударил в медный таз и вскричал: Карабарас!» У Груньки на кухне тоже был такой медный таз — начищенный, он сиял, как солнце. В нем бабушка варенье варила, как в самом обыкновенном тазу. Наверное, потому, что бабушка не знала, что это волшебный таз. Как-то раз, когда все ушли из дома, Грунька села учить уроки. И ничего у нее на этот раз почему-то не решалось и не запоминалось. Тогда она взяла медный таз, ударила по нему кулаком и громко крикнула: «Уроки, уроки, ре-

шайтесь, получайтесь с помощью волшебных слов: «Карабарас! Карабарас!» Но на уроки это не произвело никакого впечатления. Не помогли решению задач и волшебные слова: снип-снап-снурре-пурре-базилюре! Тогда она позвала на помощь волшебные слова из старой русской сказки и громко крикнула: «По щучьему веленью, по моему хотенью решитесь все решения!» Все равно задачи не решались. Погрустила Грунька, погрустила и подумала: а может, настоящие волшебные слова надо искать не в книжках, а в жизни?!

Подумав об этом, она оделась и вышла из дома, как будто бы просто так, погулять. А на самом деле она вышла затем, чтобы разыскать настоящего волшебника и услышать настоящие волшебные слова. Шла она, шла по городу и видит, как рабочие стену возводят, кладут кирпич на кирпич и все время покрикивают крановщику: «Давай еще кирпичей!

И еще давай!» И заметила она, что чаще всего рабочие повторяют слово «еще» и «еще». Раз повторили, и еще раз повторили, и еще раз повторили. И стена дома на глазах у Груньки поднималась все выше и выше, как в сказке.

Пошла она по городу дальше, взглянула на стадион, а там как раз мальчишки с футбольным мячом бегали. Прислушалась она, что они кричат друг другу. А кричали мальчишки друг другу: «А ну-ка, Миша, дай-ка еще раз по воротам! И еще дай по воротам! И еще!» И здесь

Грунька заметила, что ребята повторяют чаще всего слово «еще».

Добрела она до Москвы-реки, до бассейна, что рядом с Кропоткинской, и в первый раз в жизни заметила, как ребяташки плавают: одной рукой делают раз гребок, потом другой — еще раз гребок. Раз, еще раз — и плавают как ни в чем не бывало, словно дельфины.

Так Грунька дошла до своей школы. Зашла в помещение и замерла — услышала чудесную музыку в зале. Там репетиция шла. На сцене школьный хор разучивал новую песню, а в зале балет занимался. Споют ученики одну строчку песни, а учительница пения говорит им: «Так... хорошо, а теперь еще раз... Опять хорошо, а теперь еще раз!» А балетная учительница своим танцорам только и знает что все время говорит: «И раз, и два, и три! И еще и раз, и два, и три! А теперь репете!» И тут Грунька впервые узнала, что слово «репетиция» обозначает «по-

вторение». А повторить все сначала — это и значит сделать что-нибудь «еще раз!». «Так, так, так», — сказала себе Грунька, начиная догадываться наконец-то, что в словах «еще раз» есть что-то по-настоящему волшебное. И когда она это поняла, ей так захотелось стать волшебницей, что она даже решила написать об этом песенку. Песенку про волшебника Ещераз!..

Вышла она из школы, села под деревом на траве и стала придумывать стихи. Но стихи сначала у нее получились почему-то совсем нескладные. Они даже на стихи-то не походили. Сами посудите, ну разве это стихи: я Ещераз-волшебник, и в добрый час я помогаю всем, кто от неудачи льет слезы, а работать надо весело, не напоказ, чтоб никто не удивлялся, а при этом, конечно, повторять: «Еще раз, еще сто раз, еще тысячу раз...» Не получилась у Груньки песенка, да и только.

«Никакая я не волшебница, — по-

думала Грунька, прочитав все это, — потому что, какая же я волшебница, если у меня все так нескладно получается». «А у тебя потому все так нескладно получается, — сказала сама себе Грунька, — потому что ты только один раз попыталась сочинить волшебную песенку. А ну-ка, Грунька, попробуй-ка еще раз».

Грунька поднялась и направилась к своему дому, продолжая на ходу сочинять стихи. И пока она дошла до дома, она эти стихи уже сочиняла в двести двадцать второй раз! А когда она поднялась по лестнице к себе домой и разделась, и села за свой стол, на котором все еще лежали нерешенные задачи, в двести двадцать третий раз стихи у нее получились. И Грунька быстро записала их в тетрадку.

Я волшебник Ещераз,
Помогаю в добрый час
Тем, кто с первой неудачи
Растеряется и плачет.

Чтоб в работе и за книжкой
Дело спорилось у вас,
Говорите, ребяташки:
«Еще раз! И еще раз!»

Веселей работай снова,
Повторяя каждый раз
Два моих волшебных слова:
Еще раз! Еще раз!

И после этого у нее вдруг решились все задачи, и все-все вообще стало получаться и в школе, и дома. И когда у кого-нибудь из ее знакомых что-то не выходит, Грунька спрашивает, весело прищурившись: «А вы волшебника Ещераза к себе на помощь звали?» И когда ее спрашивали, а что это за волшебник, она рассказывала эту самую сказку, которую вы только что прочитали...

СОДЕРЖАНИЕ

БАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ! ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ СОБЫТИЙ ИЗ ЖИЗНИ ЮРЫ БАРАНКИНА

Часть первая БАРАНКИН, К ДОСКЕ!

<i>Событие первое.</i> Позор на всю школу!	9
<i>Событие второе.</i> Не дают даже опомниться... ..	12
<i>Событие третье.</i> Как в опере, получается... ..	14
<i>Событие четвертое</i> (Очень важное!) А если я устал быть человеком?!	21
<i>Событие пятое.</i> Лопаты все-таки вручают... ..	24
И Мишка вот-вот появится	24
<i>Событие шестое.</i> Семь выходных дней в неделе — вот что поразило мое воображение!.....	31
<i>Событие седьмое.</i> Единственная в мире инструкция	35
<i>Событие восьмое.</i> «Не хочу учиться, хочу быть птицей!..»	40

Часть вторая ЧИК-ЧИРИК! ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!

<i>Событие девятое</i> Стоит захотеть по-настоящему и... ..	46
<i>Событие десятое.</i> Что на воробьином языке означает... ..	53
<i>Событие одиннадцатое.</i> Встреча с бесхвостым	60
<i>Событие двенадцатое.</i> Кошка Муська хочет меня съесть	67
<i>Событие тринадцатое</i> О чем чирикают бабушки	71

<i>Событие четырнадцатое. Дальнобойная рогатка с оптическим прицелом</i>	75
<i>Событие пятнадцатое. Что бывает, когда сыновья отрекаются от своей матери</i>	79
<i>Событие шестнадцатое. Мы с Костей учимся вить гнездо</i>	81
<i>Событие семнадцатое. Драка за скворечник</i>	84
<i>Событие восемнадцатое</i>	
<i>Костя Малинин «начирикался»</i>	89

Часть третья
Я — КАПУСТНИК И КОСТЯ — МАХАОН

<i>Событие девятнадцатое. Вредитель, известный населению</i>	95
<i>Событие двадцатое. «Спящая красавица»</i>	107
<i>Событие двадцать первое. Кепка-зенитка</i>	114
<i>Событие двадцать второе. Прощайте, ребята!</i>	
<i>Может, больше не увидимся...</i>	120
<i>Событие двадцать третье</i>	
<i>Противочихательная прививка</i>	131
<i>Событие двадцать четвертое. ...Но в действие вступает ужасный закон природы</i>	137
<i>Событие двадцать пятое. Такая бабочка, как я, у них в коллекции есть</i>	152
<i>Событие двадцать шестое. В морилку, потом в сушилку... и в распрямилку...</i>	160

Часть четвертая
КАРАУЛ! МИРМИКИ!
ГИБЕЛЬ МАЛИНИНА

<i>Событие двадцать седьмое, неприятное для Зинки Фокиной и спасительное для нас с Костей</i>	174
<i>Событие двадцать восьмое. Мы ремонтируем муравейник</i>	190

<i>Событие двадцать девятое. Это был, наверное, единственный в своем роде «бунт» на земле</i>	199
<i>Событие тридцатое. Небывалое и неслыханное на весь муравейник</i>	207
<i>Событие тридцать первое. Вот что такое мирмики и вот что такое Костя Малинин</i>	212
<i>Событие тридцать второе</i>	
<i>Мы попадаем в окружение</i>	223
<i>Событие тридцать третье. Десять больших на двух маленьких и паутинка-самолет.....</i>	228

Часть пятая БАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

<i>Событие тридцать четвертое</i>	
<i>«Загробный» голос</i>	236
<i>Событие тридцать пятое. Мы существуем!.....</i>	242
<i>Событие тридцать шестое.</i>	
<i>Я хочу навеки быть человеком!.....</i>	256

ГРУНЬКИНЫ БЫЛИ И НЕБЫЛИЦЫ

<i>В большом доме</i>	267
<i>Самый ленивый мальчик на свете</i>	282
<i>Сказочный совет</i>	286
<i>Как Грунька в космос летала'</i>	290
<i>Самый жадный мальчик на свете</i>	299
<i>Человек-невидимка с клюшкой,</i>	
<i>или Шестой игрок в хоккейной пятерке</i>	308
<i>Обыкновенный великан.....</i>	316
<i>Волшебник Ещераз</i>	325

Серия «Внеклассное чтение»

Для младшего школьного возраста

Валерий Владимирович Медведев

БАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

Повести

Художник О. Боголюбова

Редактор Т. Тумурова

Художественный редактор М. Тюрина

Технический редактор И. Круглова. Корректор И. Мокина

Компьютерная вёрстка Л. Беликовой

ООО «Издательство Астрель»

129085, г. Москва, проезд Ольминского, 3а

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

НФ «Пушкинская библиотека»

129110, Москва, Напрудный пер., д. 15

Наши электронные адреса: www.pushkin.osi.ru

E-mail: pushkin@osi.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Государственном ордена Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Знамени Московском
предприятии «Первая Образцовая типография»
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.
115054, Москва, Валовая, 28.

НФ
«Пушкинская
библиотека»

ISEN 5-17-026407-0

9 785170 264070